

ПРОБЛЕМЫ ХРОНОЛОГИИ
ЭПОХИ ЛАТЕНА
И
РИМСКОГО ВРЕМЕНИ

ПРОБЛЕМЫ ХРОНОЛОГИИ
ЭПОХИ ЛАТЕНА
И
РИМСКОГО ВРЕМЕНИ

По материалам Первых Тихановских чтений
Ленинград, 1988 г.

Проблемы хронологии эпохи Латена и Римского времени. По материалам Первых Тихановских чтений (Ленинград, 1988 г.) Спб., 1992, 210 с. (Научно-археологическое объединение «Ойум» ВМЦ).

В статьях сборника рассматриваются проблемы хронологии типов вещей и археологических культур предримского и римского времени, в основном ирубинцевской и черняховской. Эти культуры длительное время являлись основными звеньями автохтонных гипотез происхождения славян и были предметом оживленных дискуссий, не потерявших своей остроты и до сих пор. Как выясняется из работ настоящего сборника, названные культурные единства вряд ли оставлены славянскими племенами: при сопоставлении результатов археологических исследований с данными письменных источников более реальной оказывается связь их происхождения с племенами Центральной, Западной и Северной Европы кельто-германского круга (бастарнами, кимврами, готами и др.).

Рассчитан на археологов, историков, этнографов, студентов и преподавателей исторических факультетов высших учебных заведений.

Научные редакторы

д. и. н. М. Б. ЩУКИН (Гос. Эрмитаж), к. и. н. О. А. ГЕЙ (ин-т археологии Российской АН)

Печатается по решению участников Первых Тихановских чтений, Ленинград, 1988 г.

**К НАШИМ ЧИТАТЕЛЯМ
И ПОДПИСЧИКАМ**

**ПЕТЕРБУРГСКИЙ
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ
ВЕСТНИК**

Инициативная группа издания:

И. А. БАЖАН
О. А. ГЕЙ,
С. Ю. КАРГОПОЛЬЦЕВ,
Б. С. КОРОТКЕВИЧ,
О. В. ШАРОВ,
П. В. ШУВАЛОВ,
М. Б. ЩУКИН

Редакционная коллегия:

И. А. БАЖАН
О. И. БОГУСЛАВСКИЙ,
О. В. ШАРОВ,
П. В. ШУВАЛОВ (отв. секретарь),
М. Б. ЩУКИН (отв. редактор)

В течение десяти лет в Ленинграде—Санкт-Петербурге работает семинар молодых археологов, хотя и не имеющий официального статуса, но довольно активно действующий. Поскольку специалисты, занимающихся разными отраслями археологии — славянской, сарматской, античной и др., объединяет интерес к проблемам хронологических разработок, то он получил название «Хронограф».

Инициативная группа, состоящая из членов этого семинара, и рискнула взяться за издание «Пе-

тербургского археологического вестника», чтобы наши коллеги имели возможность оперативно публиковать свои работы, причем не только по хронологии, хотя мы и отдаем последним некоторое предпочтение.

Статьи будут выходить самое большое через 6—8 месяцев. Мы намерены издавать по 3—4 выпуска в год объемом до 10 п. л. Предлагаемый Вашему вниманию сборник составлен из материалов Тихановских чтений, в организации которых участники семинара «Хронограф» сыграли определенную роль. Сборник может считаться пробным выпуском «Петербургского археологического вестника».

Кроме журнала, мы хотим взять на себя обеспечение коллег справочной литературой, которую намерены издавать в виде томов «Приложений». Первым выпуском в этой серии предполагается переиздание первого тома «Известий древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе» В. В. Латышева, книги остро всем необходимой, ставшей ныне библиографической редкостью.

Также намечается выпуск серии «Индексов хронологических индикаторов», состоящей из переводов работ европейских археологов — Г. Ю. Эггерса, О. Альмгрена, Э. Штрауме, Р. Волонгевича, К. Годловского и др. В этих сборниках будет рассмотрена римская бронзовая посуда, стекло, фибулы, пряжки и т. д. Каждый том будет содержать комментарии, дабы вывести работы, в той или иной мере устаревшие, на современный уровень.

Подписчикам будет предоставляться скидка от розничной цены изданий, их работы будут печататься в журнале в первую очередь (при условии соответствующего научного уровня).

Статьи оформляются по обычному стандарту со ссылками по гарвардской системе (инициалы, фамилия автора, год издания, стр. или рис. на языке оригинала). В конце — список литературы по алфавиту. Рамка для графики и текста одинаковая: 3 см слева, 2 см сверху и снизу, 1,5 см справа. К сожалению, пока технические возможности не позволяют публиковать фотографии.

Обращайтесь по вопросам подписки, а также высылайте статьи и предложения о журнале по адресу: 191061, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18, Институт истории материальной культуры, Шупалову Петру Валерьевичу.

Помните: оформляя подписку, Вы помогаете создать оперативный журнал, что является главным качеством для нормального функционирования любой отрасли науки. Статья, напечатанная даже через год, в наше время уже может устареть.

Инициативная группа

*Памяти
Марии Александровны
Тихановой*

МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА ТИХАНОВА
И
ПЕРВЫЕ ТИХАНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

В тот момент, когда в Дубовом зале Ленинградского отделения Института археологии 28 ноября 1988 г. открылись Первые Тихановские чтения «Восточная Европа: древности римского времени и средневековья», минул 91 год со дня рождения Марии Александровны Тихановой и 7 лет со дня ее смерти.

Срок, казалось бы, не очень большой, но достаточный для того, чтобы осела лава личных впечатлений, непосредственного воздействия личности Марии Александровны на ее учеников и исследователей, чтобы оценить реальную значимость вклада ученого и научное мировоззрение следующих поколений исследователей. И очень показателен тот факт, что идея проведения Тихановских чтений возникла в умах представителей именно молодых ученых Ленинграда, скорее «внуков» Марии Александровны по науке, чем ее «детей». Немногие из них даже знали ее лично.

Нравное, это высшая оценка, какую только может заслужить ученый — не официальный посмертный юбилей, не очередная «птички» в формальном плане научных мероприятий, а настоящий призыв к будущему, подлинная бессмертность. Такого удостоивается не каждый.

А ведь научное наследие Марии Александровны сравнительно невелико, около 70-ти статей на самые разные темы: от развитого византийского средневековья и средневекового Крыма до проблем черниговской культуры и славянского этногенеза. И ни одной солидной монографии, вышедшей из печати. К сожалению, Мария Александровна многого не успела.

В чем дело? Почему имя М. А. Тихановой стало вдруг таким привлекательным для молодой генерации археологов? В чем феномен Тихановой — ученого?

Перечитав подряд работы Марии Александровны и соотнеся их с той атмосферой, в которой исследовательнице выпало им дело работать, это не так уж трудно понять.

Первое — безусловная научная строгость и честность. Никакие внешние соображения и эмоции, никакое давление политики

или научной моды не могли заставить Марию Александровну отказаться от тщательного отбора достоверных фактов, скрупулезной проверки любого, самого, казалось бы, привлекательного с той или иной позиции утверждения. И в этом Мария Александровна была последовательно непреклонна и неуступчива. Сохранять такую позицию было непросто, требовало мужества, так как приходилось подчас оставаться в меньшинстве, или даже в одиночестве, плыть против течения. В бурной дискуссии 30-х—60-х гг. о черняховской культуре и ее месте в генезисе славян, М. А. Тиханова вместе с М. И. Артамоновым, И. И. Ляпушкиным и Г. Ф. Корзухиной составила ту группу ленинградских скептиков, которая оспаривала казавшиеся вполне стройными и законченными гипотезы лишь потому, что их адепты были склонны ради стройности грешить против точности.

Не имея возможности создать свои непротиворечивые гипотезы (для их построения в ту пору не хватало материалов, ставших достоянием археологии в последующие годы), скептики, осознавая ситуацию, отстаивали чистоту и честность исследовательского подхода, создав тем самым свободу маневра для следующих поколений ученых. А материалы, которых не хватало, нашлись — были обнаружены раннеславянские памятники VI—VII вв., выявлена вельбаркская культура, открыты памятники киевского типа. Появилась возможность принципиально нового подхода к дискутировавшимся проблемам.

Второе — это широта взглядов и эрудиция. Получив блестящее домашнее образование, закончив с золотой медалью гимназию и Бестужевские курсы, прекрасно зная современные европейские и древние языки, Мария Александровна обладала преимуществами, которые выделяли ее из среды многих ее сверстников, и, к сожалению, стали практически недоступны представителям следующих поколений. Им остается лишь удивляться широте познаний Марии Александровны и упорным трудом пытаться хоть в какой-то мере компенсировать недостатки нашего образования.

Мария Александровна не терпела неполноты познаний, серости. Незнание хотя бы одной работы, где затрагивается даже косвенно занимающая тебя тема, отсутствие четких представлений о происходящем в соседних областях — все это смертный грех для специалиста. Эрудиция — не роскошь, а необходимое условие профессионализма. Эти заветы, не высказанные прямо, но хорошо заметные при знакомстве с работами Марии Александровны и системой ее ссылок, к счастью, становятся привлекательными для представителей молодого поколения.

И третье. В статьях Марии Александровны, подчас даже суховатых, тем не менее всегда ощущается большой эмоциональный заряд заинтересованности в истине. Формально он почти неуловим, в работах нет грубого полемического задора, они всегда весьма корректны, но трезвая эмоциональность или даже, точнее говоря, эмоция решительного требования трезвого подхода, в них всегда присутствует. И это тоже привлекательно.

Итак, имя Марии Александровны Тихановой (а для нее самой то, вероятно, стало бы приятной неожиданностью) оказалось знаменем определенного направления в науке, того, которое называют иногда не совсем точно «ленинградской школой». Три кита лежат в основе: стремление к тщательности и точности в сочетании со здоровым скептицизмом, стремление к эрудированности и рассмотрению проблем на широком фоне, и, наконец, личностная заинтересованность и одержимость своим делом. Во всяком случае, таковы устремления представителей этой «школы» в идеале.

Призыв к проведению Тихановских чтений, даже несколько неожиданный для инициативной группы, получил широкий резонанс у научной общественности. Съехались более сорока человек из разных городов и республик и среди них, хотя проводимая конференция формально считалась молодежной, были и коллеги М. А. Тихановой по работе в Отделе Славяно-Финской археологии ЛОИА, многолетние сотрудники руководимых ею экспедиций и, конечно, ее ученики.

Было заслушано 27 докладов, работали 2 секции: «Черняховская культура и ее соседи» и «Средневековый город: фортификация и ремесло».

В Эрмитаже была организована своеобразная выставка — на столах были выложены материалы поселения Лепесовка, в течение 6-ти сезонов раскапывавшегося Марией Александровной и являющегося одним из ключевых памятников черняховской культуры. Все участники Чтений имели возможность поддержать материалы в руках, перебрать черепки, обменяться тут же впечатлениями, поспорить.

На заключительном заседании было решено проводить Чтения регулярно, раз в три года. Тогда же решили: поскольку у организаторов нет возможности опубликовать все зачитанные доклады, сосредоточиться следует на самом, по общему мнению, важном — на хронологии. Ведь без точных хронологических определений несостоятельны и любые построения исторического порядка. Они будут лишены необходимой корректности.

Кроме того, хронологические выкладки и корреляции трудно воспринимаются на слух, их можно понять, лишь работая непосредственно с таблицами и текстом. Поэтому в первую очередь нужно издать сборник статей, посвященный проблемам хронологии эпохи Латена и Римского времени. И пусть он будет состоять не только из докладов, прочитанных на конференции, пусть будет дополнен и другими статьями на эту же тему. Важно не отразить формально весь широкий круг научных интересов Марии Александровны, а выразить и продолжить сам дух ее исследований, ее стремление к точности, которая невозможна без хронологических разработок.

Сейчас этот сборник и представляется на суд читателей. Им решать, насколько Тихановский дух здесь присутствует.

Петрудно заметить, что большая часть статей сборника написана в соавторстве. А все знавшие Марию Александровну

помнят, как щедро она была готова всегда делиться своими познаниями, готова к сотрудничеству.

Все мы делаем общее дело, а объем перерабатываемой информации все возрастает, в одиночестве все труднее сохранить и тщательность переработки материала, и широту охвата. Поэтому соавторство становится знаменем времени.

Хотя во времена Марии Александровны ситуация была несколько иной: значительно меньше был объем информации, выше был уровень общей образованности — коллективные труды появлялись сравнительно редко. Но Мария Александровна никогда не чуралась совместной работы. Вспомним книгу «Оборона русских городов», созданную совместно с Д. С. Лихачевым блокадной зимой 1941—1942 гг., блестящую статью о происхождении славян, написанную совместно с Д. А. Мачинским.

Могут сказать, что представители молодого поколения археологов сейчас склонны несколько идеализировать образ Марии Александровны. Она была человеком, и человеком непростым. Однако так сложилось, и наверное, это не случайно, что имя М. А. Тихановой стало своего рода знаменем. А на знамени не должно быть пятен. И наша общая задача — нести это знамя дальше, знамя чистоты науки.

М. Б. ЩУКИН, О. А. ЩЕГЛОВА

СПИСОК РАБОТ М. А. ТИХАНОВОЙ

1. Парижский Малый мост//Средневековый быт. Сб. статей посвящ. И. М. Гревсу. Л., 1925. С. 113—147.
2. Мраморы церкви Иоанна Предтечи в Керчи: (К вопросу о типах византийской капители): ТД//Бюллетень Конф. археологов СССР в Керчи. 1926. № 3. С. 5.
3. Греческая надпись с Таманского полуострова 10 РЕ, 389//Сб. статей посвящ. С. А. Жебелеву. Л., 1926. С. 546—560.
4. Резная костяная пластинка из Судака//СГАИМК. 1931. № 3. С. 21—25: ил.
5. Les chapiteaux de l'église Saint-Jean-le-Précurseur à Kerč//L'Art byzantin chez les Slaves. Paris, 1932. Fasc. 2. S. 3—24: ill. (Orient et Byzance; Vol. 5).
6. Восстание Дольчино//ПИДО. 1934, № 7—8. С. 56—71.
7. История техники в научных учреждениях Ленинграда//АИИТ. 1934. Вып. 2. С. 337—343.
8. Музей науки и техники, основанный Юлиусом Розенвальдом: (Чикаго)//АИИТ. 1934. Вып. 3. С. 343—344.
9. Рец.: Kaempffert W. The Museum of Science and Industry, founded by Julius Rosenwald. — New York, 1929//АИИТ. 1934. Вып. 4. С. 459—460.
10. От редакции//Грацианский Н. П. Бургундская деревня в X—XII столетиях. — Л.; М., 1935. — (ИГАИМК; Вып. 102). С. 7—16.
11. Фридрих Энгельс о феодальной технике//История техники. 1937. Вып. 5. С. 161—192: ил.
12. История СССР с древнейших времен до образования древне-русского государства/АН СССР. ИИМК. — М., Л.: Изд-во АН СССР, 1939.
- Ч. III. Гл. 1. Готы, аланы, гунны. § 2, 3, 7. С. 3—41.
- Ч. IV. Гл. 2. § 9. Культурное состояние Грузии в VIII—X вв. С. 362—369. (Совместно с В. В. Дондуа).

13. Роль Западного Причерноморья в сложении культуры Поднестровья и Подкарпатия первых веков н. э. // КСИИМК. 1940. № 8. С. 67—71; ил.
14. Культура западных областей Украины в первые века нашей эры: (К вопросу об этногенезе постоянных славян) // МИА. 1941. № 6. С. 247—278; ил. Рез. фр.
15. Оборона древнерусских городов. — Л.: Госполитиздат, 1942. — 102 с.; ил. (Совместно с Д. С. Лихачевым).
16. Золотая византийская подвеска—монета из женского погребения в Гнездо-во // КСИИМК. 1945. Вып. 11. С. 28—30, 1 л. ил.
17. Изучение славянства и Древней Руси в ГАИМК—ИИМК за 25 лет // КСИИМК. 1946. Вып. 13. С. 198—201.
18. Вопросы этногонии славянства в работах Н. Я. Марра // Рефераты научно-исслед. работ за 1945 г. (АН СССР. ОИФ). М.; Л., 1947. С. 81.
19. Забытый памятник: (Волинский клад 1610 г.) // Рефераты научно-исслед. работ за 1945 г. (АН СССР. ОИФ). М.; Л., 1947. С. 81.
20. Подготовка к печати и комментарий к статье А. А. Спицына (Поля погребальных урн) // СА. 1948. № 10. С. 53—72; ил.)
21. Курс истории Молдавии: [Макет]. / АН СССР. Молд. науч. исслед. база. ИИИЛ. Ч. I. Кишинев: Школа советикэ, 1949.
- Гл. I. Первобытно-общинный строй на территории Молдавии. С. 11—20.
- Гл. II. Разложение первобытно-общинного строя. Борьба племенных союзов с рабовладельческими государствами. С. 21—34.
- Гл. III. § 1. Анты, тиверцы и уличи на территории Молдавии. С. 35—40;
- § 4. Образование Киевского государства. С. 45—46.
22. Раскопки верхних горизонтов поселения в с. Лука-Врублевцевская // АП. 1949. Т. I. С. 177—183; ил. На укр. яз. Рез. рус.
23. Раскопки поселения первых веков н. э. в Луке-Врублевцевской: (Днестр) // КСИИМК. 1949. Вып. 27. С. 72—74.
24. История Молдавии / АН СССР. Молд. фил. ИИЯЛ. — Т. I. — Кишинев: Школа советикэ, 1951.
- Гл. I. Первобытно-общинный строй на территории Молдавии. С. 9—21; ил.
- Гл. 2. Разложение первобытно-общинного строя. Борьба племенных союзов с рабовладельческим государствами. С. 21—42; ил., карт.
- Гл. III. § 1. Славянские племена на территории Молдавии до образования Киевского государства. С. 45—51; ил.
- То же. На молд. яз. — Кишинев, 1954.
25. Пути развития русской культуры X—XIII вв. // История культуры Древней Руси. М.; Л., 1951. Т. II. С. 510—530. (Совместно с Н. Н. Ворониным).
26. Археологические памятники среднего Поднестровья в первой половине тысячелетия н. э. // КСИА (АН УССР). 1953. Вып. 2. С. 15—19.
27. Базилика: [Дорос—Феодоро—Мангун] / МИА. 1953. № 34. С. 334—389; ил.
28. Дорос—Феодоро в истории средневекового Крыма // МИА. 1953. № 34. С. 319—333.
29. Черепицы с метками из раскопок 1938: [Дорос—Феодоро—Мангун] // МИА. 1953. № 34. С. 430—434; ил.
30. Из материалов Дубоссарского отряда Молдавской экспедиции: (Памятники культуры полей погребений) // КСИИМК. 1955. Вып. 57. С. 92—99; ил., карт.
31. Поселение культуры полей погребений в Луке Врублевцевской Хмельницкой области // КСИА (АН УССР). 1955. Вып. 4. С. 45—46.
32. Борчицкий клад // СА. 1956. № 25. С. 301—317; ил.
33. Черняховская культура // Всемирная история. 1956. Т. II. С. 709—710.
34. О локальных вариантах черняховской культуры // СА. 1957. № 4. С. 168—194; ил., карт.
35. Готы в Причерноморских степях // Очерки истории СССР: Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР. III IX вв. М., 1958. С. 130—137.
36. Днестровско-Волинский отряд Галицко-Волинской экспедиции / КСИИМК. 1960. Вып. 79. С. 93—95; ил.
37. Ласковский клад // СА. 1960. № 1. С. 196—204; ил.

38. Рец.: Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. — (МИА; № 63)//ВВ. 1961. Т. 19. С. 294—307.
39. Археологические экспедиции Гос. Академии истории материальной культуры и Института археологии АН СССР: 1919—1956 гг.: Указатель/АН СССР. ИА. — М.: Изд-во АН СССР, 1962. — 264 с. (Совместно с Н. Н. Ворониным и др.).
40. Разведка в районе верхнего течения реки Горынь//КСИА. 1962. Вып. 87. С. 46—53: ил., карт.
41. Раскопки на поселении III—IV вв. у с. Лепесовка в 1957 г. — 1959 гг.//СА. 1963. № 2. С. 178—191: ил.
42. Рец.: Славянские древности. — Л., 1962. — (АСГЭ; Вып. 4)//СА. 1963. № 3. С. 284—290. (Совместно с Г. Ф. Корзухиной и др.).
43. Библиотека ЛОИА АН СССР: (К 250-летию БАН СССР)//СА. 1964. № 4. С. 170—172.
44. Днестровско-Волынская экспедиция 1960—1961 гг.//КСИА. 1964. Вып. 102. С. 48—56: ил.
45. Раскопки поселения у с. Лепесовка//Доклады и сообщ. археологов СССР (Междунар. конгресс доисториков и протоисториков; VII-й). М., 1966. С. 209—214.
46. К вопросу о связях Скандинавии с Восточной Европой в I-й пол. I тыс. н. э.//ТД Сканд. Петрозаводск, 1968. Ч. 1. С. 149—154.
47. К 60-летию Анатолия Леопольдовича Якобсона//СА. 1968. № 1. С. 118—120: портр.
48. О находке римского оружия на Южной Волини//КСИА. 1969. Вып. 116. С. 36—39: ил.
49. Памяти Хольгера Арбмана: [Некролѳ. 1904—1968]/СА. 1969. № 1. С. 262—264: портр. (Совместно с А. Н. Кирпичниковым).
50. Еще раз к вопросу о происхождении черняховской культуры//КСИА. 1970. Вып. 121. С. 89—94: карт.
51. К вопросу о связях Южной Скандинавии с Восточной Европой в I-й пол. I тыс. н. э.//Studia archaeologica. In memoriam Harri Moora. Tallinn, 1970. С. 202—206. Рез. эст., нем.
52. Новая находка погребения с диадемой в Северо-Западном Причерноморье//СА. 1970. 13. С. 117—127: ил., карт. (Совместно с И. Т. Черняковым).
53. Про металургію у Подністров'ї в черняхівські часи//Матеріали 3-й Подільськ. 1 ст. краєзнав. конф. Львів, 1970. С. 122—124.
54. О раннеславянском поселении в Луке-Врублевцевой//КСИА. 1971. Вып. 125. С. 7—12: ил.
55. Раскопки поселения у с. Лепесовка: (К вопросу о происхождении черняховской культуры)//Actes du 7-me Congrès intern. des sciences préhist. et protohist. Prague, 1971. Vol. 2. S. 1059—1063: ill.
56. Гончарные печи на поселении у с. Лепесовка//КСИА. 1973. Вып. 133. С. 129—137: ил.
57. К вопросу о происхождении гончарной керамики черняховской культуры//Античные города Причерноморья и варварский мир: КТД НК. Л., 1973. С. 29—31.
58. К вопросу о поселениях и жилищах черняховской культуры//Реконструкция древних обществ. отношений по археол. материалам жилищ и поселений: КТД. Л., 1974. С. 42—44.
59. К вопросу о развитии черной металлургии в черняховской культуре//КСИА. 1974. Вып. 140. С. 11—18: ил.
60. К вопросу об обмене и торговле в эпоху черняховской культуры//КСИА. 1974. Вып. 138. С. 66—73.
61. Кельтская проблема в современной археологии//Кельты и кельтские языки. М., 1974. С. 5—13.
62. Pamieci Michaila Illarionowicza Artamonova//Acta archaeologica Carpathica. 1974. T. 14. S. 172—176. Текст парал. на Польск. и фр. яз.
63. К вопросу об этногенезе германцев//ТД Сканд., Л.; М., 1976. Ч. 1. С. 146—149.

- 64 О местах обитания и направлениях движения славян I—VII вв. н. э.: (По письменным и археологическим источникам)//Acta archaeologica Carpathica. 1976. Т. 16. С. 59—94. Рез. нем., польск. (Совместно с Д. А. Мачинским).
- 65 Следы рунической письменности в черняховской культуре//Средневековая Русь. М., 1976. С. 11—17: ил.
- 66 Жилище ремесленника-древодела на поселении у с. Лука-Врублевская на Днестре//КСИА. 1977. Вып. 148. С. 69—76: ил.
- 67 Старшерунические надписи//Мельникова Е. А. Скандинавские рунические надписи. Тексты. . . М., 1977. С. 133—141: ил.
- 68 Zu Fragen des Austausches und Handels im Zeitabschnitt der černjachov-Kultur//Ausklung der Latene Zivilisation und Anfänge der germanischen Besiedlung in mittleren Donaugebiet. Symposium. Bratislava, 1977. S. 343—359.
- 69 О находке римских весов на Южной Волини//Проблемы археологии. 1978. Вып. 2. С. 97—101: ил.
- 70 К вопросу о достоверности датировки закрытых комплексов римскими монетами//КСИА. 1979. Вып. 159. С. 37—43.
- 71 Из прошлого Института археологии АН СССР: (РАИМК—ГАИМК)//КСИА. 1980. Вып. 163. С. 34—36.

Составитель Л. М. Всевиов

И. А. Бажан, В. Е. Еременко

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ
ИССЛЕДОВАНИЯ ХРОНОЛОГИИ МОГИЛЬНИКОВ
ПО МЕТОДУ П. РЕЙНЕКЕ**

В 1902 г. П. Рейнеке предложил для исследования относительной хронологии могильников новый метод, суть которого сводилась к прослеживанию изменения набора типов вещей в погребениях с помощью изучения их совстречаемости в закрытых комплексах. Эти изменения интерпретировались в хронологическом аспекте [Р. Reinecke 1902]. Относительная хронология восточного латена, построенная П. Рейнеке с помощью метода корреляции, действует до настоящего времени в несколько модифицированном виде, что свидетельствует не только об объективном подходе к материалу, но и о точности и объективности самого метода.

В первой половине XX века новый метод использовался эпизодически, что являлось закономерным следствием иллюстративности археологических материалов в общен историческом знании тех лет [Ф. Браун 1899 с. 22]. Одно из приятных исключений — работа П. П. Ефименко, успешно применившего корреляционные таблицы при исследовании хронологии Рязанских могильников [П. П. Ефименко 1926]. Но затем эта методика в советской археологии оказалась надолго забытой.

И только в 60-х гг. наметилась тенденция упорядочивания процедуры археологических исследований, вызванная выражавшимся во все более кризисной форме несоответствием между задачами и методами археологии, отчетливо проявившемся и в археологической хронологии [Е. М. Крупнов 1970; Ю. Н. Захарук 1973]. Вполне естественным в создавшейся ситуации явилось повышение внимания к методу П. Рейнеке как одному из способов упорядочивания структуры археологических исследований в археологии [R. Nachmann 1961; H. Keiling 1969; K. Godłowski 1970; J. Vujna 1982; В. О. Дергачев 1976; А. К. Амброз 1980; и др.] наряду с разработкой и апробированием других методов (например, [М. Б. Шукин 1978; А. Ю. Алексеев 1984]).

Широкомасштабное применение корреляционных методов со-

петскими исследователями в последние годы [М. П. Абрамова 1972; Р. Д. Голдина 1979; А. К. Амброз 1980; А. В. Дмитриев 1982 и др.] при недостаточном их теоретическом осмыслении приводит к излишней доверительному отношению к получаемым периодизациям.

Метод П. Рейнеке в соединении с методом узких датировок предстает в глазах археологов младшего поколения такой же панацеей от всех хронологических бед, какой для археологов старшего поколения казался метод определения абсолютных дат по C^{14} . Как выяснилось, даты, полученные радиоуглеродным методом, пугаются в калибровке.

По-видимому, то же можно сказать и о методе П. Рейнеке, так как вопрос о том, в какой степени корреляция типов вещей и погребений отражает время реального использования их в жилой культуре, остается практически неисследованным [Ю. М. Лескин 1988, с. 9—10].

Если же принять во внимание возможное расхождение времени составления комплекса погребального инвентаря и времени совершения погребения [Ю. А. Алексеев 1984, с. 73-74], а также то, что выделенные с помощью корреляции группы погребений могут оказаться не только хронологическими, но и, например, социальными [J. Vuřna 1982; L. Kruta-Poppi 1979], то проблема выяснения реального исторического содержания полученных периодизаций еще более усложнится.

Необходимо определить критерии применения метода П. Рейнеке, выяснить, какие условия позволяют считать выделенные с помощью корреляции группы погребений хронологическими.

Изучая совстречаемость типов вещей в погребениях, археолог тем самым исследует одну из сторон культурной традиции, осуществляющей упорядочивающую функцию культуры [Э. С. Маркрян 1983, с. 33, 153—154, 172], причем культурная традиция понимается как социально обусловленное явление, как выражение коллективного стереотипизированного опыта. Следовательно, метод П. Рейнеке наиболее корректно использовать для исследования погребений, оставленных одной социально-экономической единицей древности [К. С. Chang 1967; В. М. Массон 1976, с. 153], то есть он дает наименьшие искажения при исследовании каждого могильника в отдельности.

Однако и в этом случае исследователь не застрахован от некоторых неувязок при хронологической интерпретации полученных групп погребений. Как правило, такие неувязки остаются незамеченными.

Так, например, в большинстве периодизаций, построенных по методу П. Рейнеке, погребения первых (ранних) фаз могильников содержат большое количество женских вещей (сережек, бус, браслетов и т. д.), выдавая при этом практически полное отсутствие специфически мужских вещей (оружия, например). Погребения поздних (последних) фаз тех же могильников, как

правило, почти не содержат женских вещей и зачастую содержат мужские. Подобная закономерность отмечена нами в ряде могильников позднего предримского [R. Nachmann 1961, Abb. 10,26,31,46], римского [М. М. Трапш 1971, с. 218; Ю. Н. Воронов, В. А. Юшин 1979] и раннесредневекового [А. В. Дмитриев 1982] времени.

Если считать все эти периодизации отражающими реальную историческую картину, мы будем вынуждены сделать вывод, что население, оставившее эти могильники, в течение жизни целого поколения хоронило исключительно женщин (первая фаза), а затем, когда все женщины вымерли, в течение примерно такого же отрезка времени хоронило исключительно мужчин (последняя фаза).

Подобная интерпретация, если она не подтверждается какими-либо дополнительными аргументами, выглядит, по меньшей мере, надуманно. Следовательно, в ходе исследования могильников не были учтены некоторые однотипные для варварских обществ особенности погребального ритуала.

Разновременность и территориальный разброс подобных случаев свидетельствуют в пользу того, что мы имеем дело не с индивидуальными особенностями каждого могильника, а с общей особенностью погребального обряда варварского мира, проявляющейся в различии темпов попадания однотипных вещей в мужские и женские погребения.

По этнографическим данным известно, что половозрастные различия погребенных наиболее существенно влияют на состав и облик погребального инвентаря [L. S. Binford 1971; В. М. Массон 1976, с. 152 сл.]. В ясторфской культуре существовали даже отдельные могильники для мужчин и женщин [Die Germanen 1976, S. 87—95, 186—196].

О том, что корреляцию типов вещей необходимо проводить отдельно для мужских и женских погребений, П. П. Ефименко писал еще в 1926 г. [П. П. Ефименко 1926]. Данные, накопленные за 50 лет после выхода его работы по хронологии Рязанских могильников, где впервые было произведено подобное разделение, полностью подтвердили его необходимость [Н. W. Bohme 1974, S. 155—157].

Разделение погребений на женские и мужские при исследовании хронологии ставит перед нами проблему синхронизации двух периодизаций — «женской» и «мужской».

Поскольку темп бытования однотипных заимствованных вещей, по которым обычно датируются погребения латенизированных культур, различен в женских и мужских погребениях, синхронизация периодизаций может быть произведена по тем вещам, темп попадания которых в мужских и женских погребениях примерно одинаков — например, по керамике.

Однако это возможно далеко не всегда. В этом случае, если керамики в погребениях мало, или если она не поддается дос-

связано четкому типологическому определению, у нас остается единственный способ синхронизации: считать первую фазу мужских погребений синхронной первой фазе женских, а последнюю — последней.

Но в проведении синхронизации внутри каждого могильника необходимо соотнести общие периодизации с абсолютной хронологией, а делается это, как правило, по заимствованным типам вещей. Появляется новая проблема: темп попадания вещей и какие погребения считать основой этого соотношения? В случае принятия за истинный темпа попадания вещей в мужские погребения мы обнаруживаем значительную архаичность женского погребального обряда, происходящую, по мнению исследователей, в том числе и вследствие того, что женщин хоронили с вещами их родственников некогда в приданое [Е. М. Оятева 1971, с. 111].

Если же считать истинным темп попадания вещей в женские погребения, будет вполне логичным предположить, что и в римском мире мужская половина населения участвовала в погребениях повторяющихся, как правило, в виде набегов, контактах с более цивилизованными соседями, где и заимствовала новые типы вещей.

Для оживления местного производства модных новинок был необходим определенный промежуток времени, и, когда эти провинциальные поселения наконец получало их в массовом количестве, новые набеги доставляли наиболее активной части провинциального населения новейшие типы.

Поэтому абсолютные ранние даты могильников латенизированных культур основываются почти исключительно на погребениях, содержащих женский инвентарь, и при этом не противоречат свидетельствам античных письменных источников и античной системе хронологии — логичным оказывается считать соответствующим темпу попадания вещей в погребения латенской культуры темп попадания их в женские погребения заимствованного населения.

Но в случае принятия этого положения оказывается, что некоторые типы вещей попадают в мужские погребения латенизированных культур раньше, чем в собственно латенские погребения, в которых различия темпов попадания вещей в мужские и женские погребения не наблюдаются. Это парадоксальное явление требует подробного рассмотрения.

Учитывая различие природы исторических и археологических дат, последние из которых при всех обстоятельствах имеют некий интервал во времени или сочетанием таких интервалов [М. В. Shchukin 1989, p. 18-29; М. Б. Шукин 1978], обратимся к традиции временных характеристик, предложенной А. Ю. Алексеевым [1984, с. 73-74] и рассмотрим ее в применении к нашему материалу.

Основной хронологической характеристикой вещей является

время их использования — T_1 (рис. 1), изучаемое с помощью стратиграфии поселений.

Непосредственно зависит от него T_2 — время накопления погребального набора вещей, соответствующее «широкой датировке» [М. Б. Шукин 1978]. По сути дела T_1 и T_2 должны совпадать.

Отрезком времени, когда совместно использовались все вещи погребального комплекса, определяется наиболее вероятное время его составления — T_3 , соответствующее «узкой датировке».

Время совершения погребения, T_4 , либо одновременно T_3 , либо несколько позднее его [А. Ю. Алексеев 1984, с. 74].

Начальная дата наипозднейшей вещи в конечном итоге определяет «узкую» датировку T_3 , а погребение может быть совершено на протяжении всего времени бытования наипозднейших вещей (T_4). T_3 и T_4 поэтому имеют некоторую тенденцию к запаздыванию по сравнению с живой культурой. При определении T_3 и T_4 невольно делается акцент на позднюю часть широкой датировки.

Если же мы хотим определить T_5 , время заимствования вещей, например носителями латенизированных культур из латенской, то оно происходило в живой культуре и следовательно не может быть позже верхнего предела бытования самых ранних вещей комплекса. В T_5 акцент должен быть сделан на раннюю часть широкой датировки.

При определении T_6 , времени попадания заимствованных типов вещей в местные погребальные комплексы, можно наметить два интервала, T_{6a} , соответствующий T_5 , и T_{6b} , определяемый по дате наипозднейших вещей. Учитывая же неоднократно отмечавшуюся неравномерность ритма развития латенской и латенизированных культур (например, [К. В. Каспарова 1982, с. 115]) и неравномерность развития культуры вообще [Ю. М. Лесман 1984, с. 126], может оказаться, что T_6 в ряде случаев будет раньше T_3 и T_4 в латенской культуре (T_{6a}). Темпы запаздывания погребальных комплексов по сравнению с живой культурой могут оказаться различными. Этим, вероятно, и объясняется тот феномен, когда при сравнении датировок латенских импортов по хронологической шкале латена с датировками по античной и скифской хронологии латенские датировки оказываются несколько завышенными [Е. В. Максимов 1982, с. 21—25]. При сопоставлении же археологических данных с письменными источниками более актуальными являются T_5 и T_{6a} . Архаизированная женская мертвая субкультура больше соответствует во времени живой культуре, чем мужская мертвая субкультура.

Таким образом, не следует абсолютизировать точность конечных результатов исследований, проведенных по методу П. Рейнеке: этот метод позволяет определять не даты исполь-

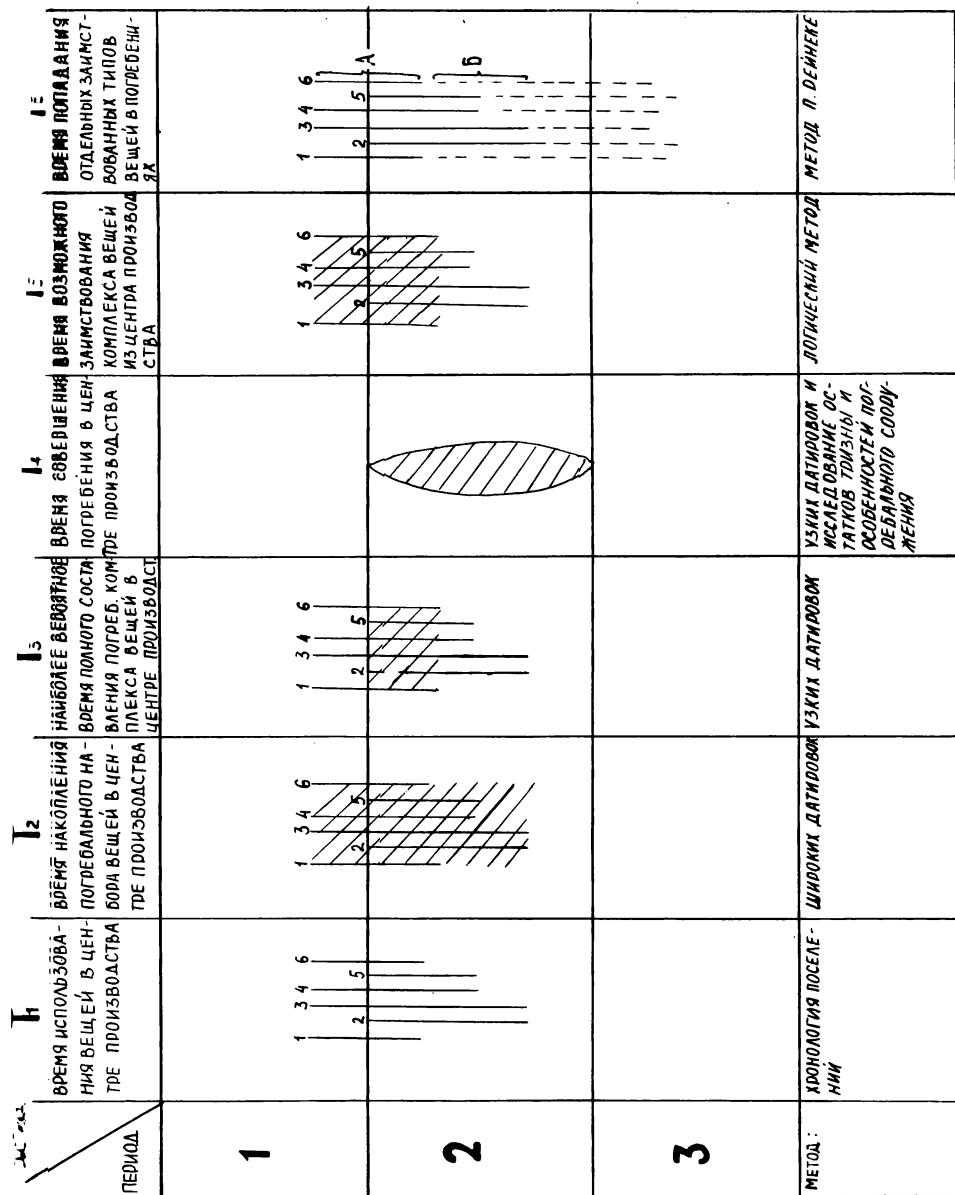

Рис 1 Соотношение временных характеристик вещей из погребальных комплексов.

зования вещей в живой культуре, а даты прекращения исполнения вещей, близкие датам совершения погребений. Хронология поселений поэтому отлична от хронологии могильников.

Метод не дает нам полной картины развития материальной культуры древнего населения, но позволяет объективно устанавливать границы периодов относительной хронологии погребальной обрядности, другими методами не фиксируемые и могущие послужить самостоятельным источником информации которых ценен сам по себе [Е. М. Крупнов 1970, с. 20].

Литература

- Абрамова М. П. Нижне-Джулатский могильник. Нальчик, 1972.
- Алексеев А. Ю. О месте Чертомлыкского кургана в хронологии скифских погребений//АСГЭ. 1984. Вып. 25.
- Амброз А. К. Бирские могильники и проблемы хронологии Приуралья IV-VII вв.//Средневековые древности европейских степей. М., 1980.
- Браун Ф. Разыскания в области готско-славянских отношений. Санкт-Петербург, 1899.
- Воронов Ю. Н., Юшин В. А. Ранний горизонт (II-IV вв. н. э.) в могильнике цебельдинской культуры//СА. 1979. № 1.
- Голдина Р. Д. Хронология погребальных комплексов раннего средневековья в верхнем Прикамье//КСИА. 1979. Вып. 158.
- Дергачев В. О. Класифікація кераміки і відносна хронологія Вихватинського могильника//Археологія. 1976. Вип. 19.
- Дмитриев А. В. Раннесредневековые фибулы из могильника на р. Дюрс. Древности эпохи Великого переселения народов. М., 1982.
- Ефименко П. П. Рязанские могильники. Опыт культурно-стратиграфического анализа могильников массового типа//Материалы по этнографии. 1926. т. I. Вып. 1.
- Захарук Ю. Н. Проблемная ситуация в археологии//СА. 1973. № 4.
- Каспарова К. В. Зарубинецкая культура в хронологической системе культуры эпохи латена//АСГЭ. 1984. Вып. 25.
- Крупнов Е. М. Об историческом аспекте в изучении материальной культуры//Ленинские идеи в изучении первобытного общества, рабовладельческого и феодализма. М., 1970.
- Лесман Ю. М. Погребальные памятники Новгородской земли и Новгорода (проблема синхронизации)//Археологические исследования Новгородской земли. Л., 1984.
- Лесман Ю. М. Погребальные памятники северо-запада Новгородской земли и Новгород XI-XIV вв. (синхронизация вещевых комплексов). Автореферат дисс... канд. ист. наук. М., 1988.
- Максимов Е. В. Зарубинецкая культура на территории УССР. Киев, 1971.
- Маркарян Э. С. Теория культуры и современная наука: логико-методический анализ. М., 1983.
- Массон В. М. Экономика и социальный строй древних обществ. Л., 1971.
- Ояева Е. И. Ранние находки кожаной обуви на территории Западной Европы//АСГЭ. 1971. Вып. 13.
- Трапш М. М. Культура цебельдинских некрополей//Труды в 4-х томах. Т. 3. Тбилиси, 1971.
- Шукин М. Б. О датировках узких и датировках широких//Проблемы археологии. Л., 1978. Вып. 2.
- Binford L. S. Mortuary Practices: Their Study and Their Potential//Memoirs of the Society of American Archaeology. 1971. T. 25.
- Böhme H. W. Germanische Grabfunde des 4. bis 5. Jahrhunderts. München 1974.

- Hujna J. Spiegelung der Socialstruktur auf latènezeitlichen Gräberfelder im Hauptenbecken//PA. 1982. R. LXXIII. Č. 2.
- Chang K. C. Rethinking Archaeology. New York, 1967.
- Die Germanen. Bd. 2. Berlin, 1976.
- Godłowski K. The Chronology of the Late Roman and Early Migration Period. Kraków, 1970.
- Hachmann R. Die Chronologie der jüngeren vorrömischen Eisenzeit//BRGK. 1961 Bd. 41.
- Kelling H. Die vorrömische Eisenzeit im Elde-Karthane Gebiet. Schwerin, 1960.
- Kruta-Poppi L. La sépulture de Ceretolo (Province de Bologne) et le faciès Nolan du III-e s. av. n. e.//Etudes Celtiques. 1979. T. 19.
- Kolnecke P. Zur Kenntniss der La Tène Denkmäler der Zone nordwärts der Alpen//Festschrift der Römisch-Germanische Zentralmuseum zu Mainz. 1902.
- Shechukin M. B. Romé and the Barbarians in Central and Eastern Europe 1st Century B. C. — 1st Century A. D.//BAR, Internat. Ser. 1989. N. 542.

Е. С. Нефедова

К ВОПРОСУ О БРАСЛЕТАХ «ЛАТЕНСКОГО СТИЛЯ»

К браслетам латенского стиля на территории Европейской части СССР обычно относят изделия, орнаментированные шишечками или рубчиками [В. Г. Петренко 1978, с. 55; В. Е. Еременко, Г. М. Залашко, 1986]. Исследователи придерживаются разных мнений относительно происхождения этих браслетов и места их изготовления. Так, Ю. В. Кухаренко, О. Н. Мельниковский, П. Н. Третьяков, опираясь на аналогии, относят браслеты к гальштатско-латенскому кругу [Ю. В. Кухаренко 1959, с. 36; О. Н. Мельниковская 1967, с. 80; П. Н. Третьяков, Е. А. Шмидт 1963, с. 138]. Е. А. Шмидт, В. Г. Петренко, также основываясь на аналогиях, точно определяют культуру, к которой восходят браслеты [П. Н. Третьяков, Е. А. Шмидт 1963, с. 163, 164; В. Г. Петренко 1978, с. 53-54]. В. Е. Еременко и Г. М. Залашко не только относят браслеты к латенской культуре, но и считают их изготовленными кельтскими ремесленниками [В. Е. Еременко, Г. М. Залашко 1986].

Вопрос происхождения этих изделий занимает археологов, так как на территории лесной зоны важна каждая датирующая находка. Обращаясь вновь к проблеме их датировки, попробуем пойти по пути, предложенному исследователями, и привлечь все возможные аналогии браслетам, относимым к гальштатско-латенскому кругу.

Многие авторы рассматривают находки одного региона или провинции и создают типологию для всех браслетов этой территории (см. например [В. Г. Петренко 1978]). Больше всего надежды для решения нашей задачи принципы типологии, пред-

ложенные О. Н. Мельниковской для браслетов милоградской культуры [О. Н. Мельниковская 1967, с. 78-81].

Нами собран 101 браслет из 48 мест находок¹. Большинство браслетов латенского стиля, найденных на территории Европейской части СССР, замкнутые или имеют неорнаментированные концы. Поэтому они делятся на *группы* по элементам рельефного украшения: 1. Браслеты из полушарий; 2. С крупными шариками (среднее между полушарием и шишечкой), 3. С рубчиками и шишечками.

Последняя группа поделена на типы по сочетанию двух признаков: что является единицей орнамента (рубчик, шишечка, несколько шишечек) и как этот орнамент распределяется по поверхности браслета. Браслеты с разомкнутыми орнаментированными концами составляют варианты.

Классификация выглядит следующим образом:

тип 1 — браслеты с рубчиками, расположенными только с внешней стороны;

тип 2 — рубчики охватывают весь стержень;

тип 3 — рубчики расположены на поверхности браслета группами
вариант А — уплощенные концы орнаментированы головками животных;

вариант Б — концы браслета орнаментированы косыми крестами;

тип 4 — комбинированное (из рубчиков и шишечек или из более мелких и более крупных рубчиков) украшение браслета

тип 5 — шишечки в один ряд равномерно распределены по браслету;

тип 6 — шишечки в три ряда равномерно покрывают поверхность;

тип 7 — группы шишечек или утолщений в три ряда чередуются с гладкой поверхностью;

тип 8 — несколько шишечек (от 2 до 5) образуют розетку.

Обратимся к *аналогиям*. Браслеты из полушарий относятся к латенской культуре и датируются III в. до н. э. [V. Zirga 1971 Taf. 3, 14]. В. И. Бидзиля относит эти браслеты к концу III началу II в. до н. э. [В. І. Бідзіля, 1971, с. 113].

Браслеты группы 2 встречены в латенской, и в гальштатской культурах. Поскольку находки этой группы малочисленны и в узко датированных комплексах не представлены, нам придется довольствоваться констатацией западного влияния.

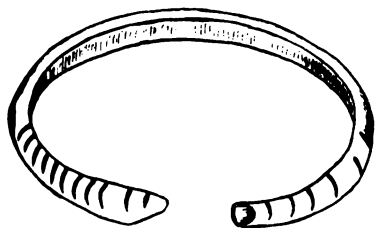
Большинство браслетов группы 3 известно как в латенском так и в гальштатском круге культур (см. рис. 1-2а). Браслеты сходных типов распространены на Кавказе. Есть там и браслеты с орнаментом на концах, аналогичном вышеуказанному (рис. 2а). II

¹ Привлечены браслеты, для которых общепринято гальштатское происхождение, т. к. они орнаментированы рубчиками [В. Г. Петренко 1978, с. 57].

Восточная Европа

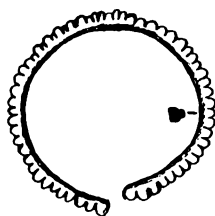
Культуры круга Гальштат

1

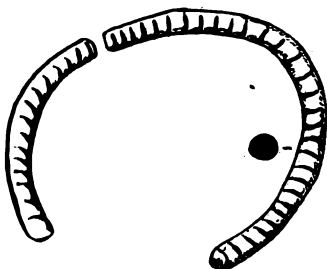

1

9

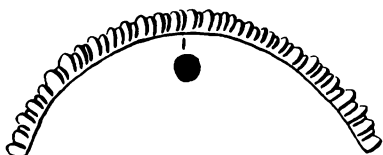

2

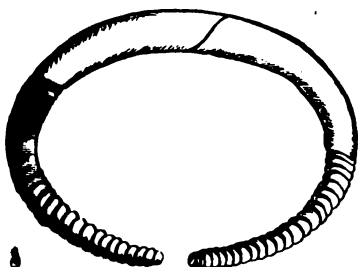

2

10

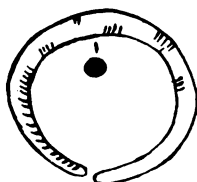

3

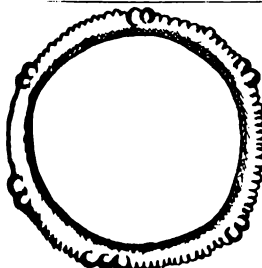

3

11

4

4

12

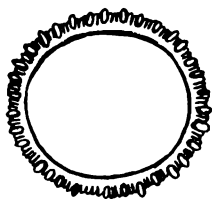

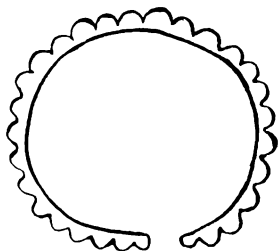
Рис. 1. Браслеты, украшенные шишечками и рубчиками. Типы 1-4. (Нумерация позиций сквозная на рис. 1, 1а, 2, 2а).

1 — Церковище, гор.; 2 — Церковище, гор.; 3 — Свинухово, гор.; 4 — Мещинский кург., погреб. рыбы; 9-12 — Гальштат, мог.

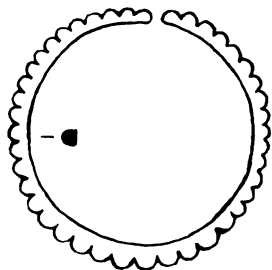
КУЛЬТУРЫ КРУГА ЛАТЕН

КАВКАЗ

1

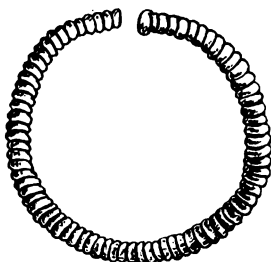

15

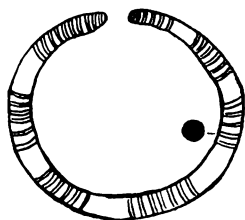
23

2

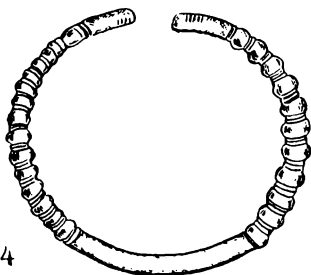

16

3

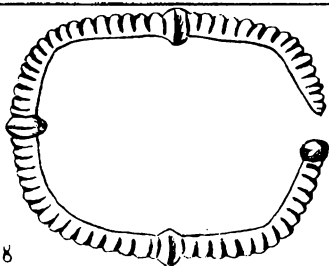

17

24

4

18

Рис. 1а. Браслеты, орнаментированные шишечками и рубчиками. Типы 1-4 (продолжение).

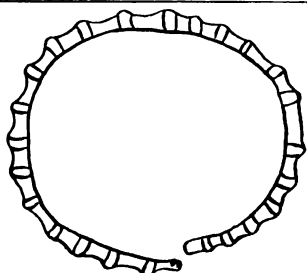
15 — Гириш-Тыреан; 16, 18 — Арад-Гай; 17 — Гальштат; 23 — Хачбул
24 — Тейшебаини.

Восточная Европа

Культуры круга гальштат

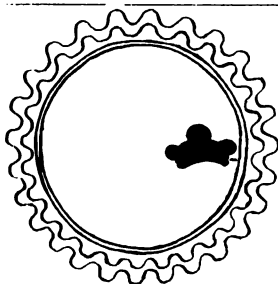
5

5

6

6

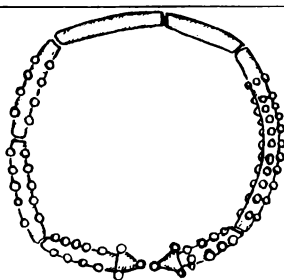

7

7

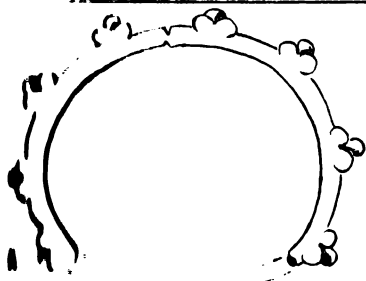

13

8

8

14

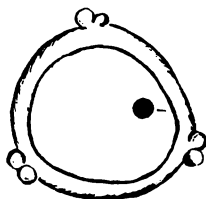

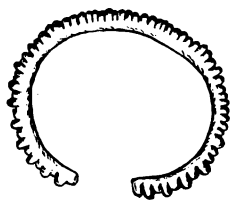
Рис. 5. Прически, орнаментированные шишечками и рубчиками. Типы 5-8.

5 — Галиш Ловачка, пос.; 6 — Галиш Ловачка, пос.; 7 — кург. Огуз; 8 — Новые Ба-
 1000 мм — 14 — Артия, 14 — Мурингол.

КУЛЬТУРЫ КРУГА ЛАТЕН

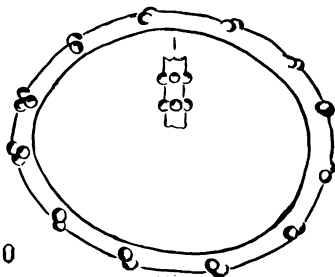
Тип 3а

5

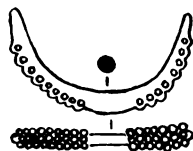
19

6

20

7

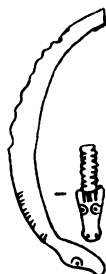
21

8

22

КАВКАЗ

26

ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА

25

Рис. 2а. Браслеты, орнаментированные шишечками и рубчиками. Типы 5-8 (и
должение). Тип 3а.

19 — браслет духцовского типа (по Филипу); 20 — Пиатра; 21 — Вроцл
22 — Слапанице; 25 — Посулье; 26 — Абхазия (по Ю. Н. Воронову).

абсолютной аналогии браслетам с орнаментированными концами из скифских памятников среди кавказских изделий нам найти не удалось. Разные места производства скифских и кобанских браслетов подтверждаются анализом металла [Т. Б. Барцева 1981, с. 74]. Скифские изделия отлиты из сырья западного происхождения, тогда как кавказские браслеты изготовлены из местного сырья. Браслеты в культурах круга гальштат и латен бытуют длительное время, не всегда существенно изменяя форму (табл. 1).

Таким образом, форма браслета, в отличие от формы фибулы, недостаточна для датировки (см. об этом [R. Müller 1985, S. 59-61], J. Filip 1956, s. 127]). Однако мы можем попытаться решить поставленные вопросы на основании совокупности данных: 1. Определение территории распространения каждого типа браслетов в Европейской части СССР, места их наибольшей концентрации; 2. Определение времени бытования типов (часть браслетов найдена в погребениях, датированных по комплексам, и в хорошо стратифицированных слоях поселений, что и дает возможность их датировки); 3. Прослеживание контакта с культурами гальштатско-латенского круга, проявляющегося в находках различных категорий вещей (см. [Ю. В. Кухаренко 1959; Я. Домбровский 1970; И. И. Рыбалова 1970]). Так как постоянным, довольно многочисленным и четко датированным импортом являются фибулы [А. К. Амброз 1966; А. И. Мелюкова 1979, с. 227], то мы сравним, учитывая датировки, распространение фибул и браслетов; 4. Изменение функционального назначения вещи свидетельствует об отсутствии ее носителей, при этом большое количество вещей данного типа, употребленных не по назначению, говорит о местном производстве. Поэтому рассмотрим с этих позиций назначение «браслетных»

На карте 1 представлено *распространение браслетов*. Выделены 6 районов: Закарпатье (5), Верхнее Поднепровье (1) и бассейн Оки (3), Среднее (4) и Нижнее Поднепровье (2), Северное Причерноморье (6). В этих районах браслеты распределились по территории следующим образом (табл. 2).

Выделяются два обособленных района: Северное Причерноморье и Закарпатье. Верхнее Поднепровье и бассейн Оки составляют один район. Видимо, браслеты поступали из Верхнего Поднепровья на Оку. Вещи из Поднепровья в целом не представляют единого массива. Но набор типов Верхнего и Нижнего Поднепровья ближе между собой, чем Верхнего и Среднего. Это, возможно, объясняется включением нами намеренно в набор браслетных типологизмов, связанных с гальштатским влиянием. Это позволяет нам выделить типы 1 и 2, встреченные в Среднем и Верхнем Поднепровье, но отсутствующие в Нижнем, как более ранние, синхронные браслетам с орнаментированными концами из Среднего Поднепровья.

Обратимся теперь ко времени бытования браслетов. Из 101 учтенных браслетов найдено на поселениях, 7 — случайные наход-

Датировка различных типов «латенских» браслетов

Типы браслетов	Кры круга тапшыт	Кры круга татен	Кобанская культура
1	VIII—IV вв. до н. э. [M. Dužek 1966, S. 38]	III в. до н. э. [V. Zirra 1971 S. 190]	VIII—VII вв. до н. э. [B. И. Козенкова 1982, с. 48]
2	—»—	IV-нач. III в. до н. э. [V. Zirra 1971, S. 180]	IX—VIII вв. до н. э. [B. Г. Котович 1982, рис. 2]
3	—»— XII—IX вв. до н. э. [H. Keiling 1974, S. 178]	IV—III вв. до н. э. [R. Müller 1985, S. 59—61]	Сер. I тыс. до н. э. [B. И. Козенкова, 1973, с. 153]
4	VIII—IV вв. до н. э. [M. Dužek 1966, S. 38]	Сер. III—II в. до н. э.* [B. Benadiк 1957, S. 149]	
5	VII—VI вв. до н. э. [R. Müller 1985, S. 59]	V—III вв. до н. э. [V. Zirra 1971, S. 197; R. Müller 1985, S. 59]	
6	XII—VI вв. до н. э. [R. Müller 1985, S. 59; Ф. М. Плотушняк, 1958, с. 80]	к. IV—I в. до н. э. [R. Müller 1985, S. 59—61]	
7	—	III в. до н. э. [Z. Wozniak 1970, s. 263—264]	
8	IV—III вв. до н. э. [Бужор 1958, с. 136]	IV—III вв. до н. э. [V. Zirra 1971, S. 183]	

* Датировка Б. Бенадика удревнена на полстолетия в соответствии с работками современных исследователей (подробнее [А. М. Обломский 1983])

ки. Абсолютные даты для стратифицированных находок, сделанных на поселениях, не приводятся, так как даты последних, как правило, установлены по этим браслетам (табл. 3).

Надежно датированы браслеты из Нижнего и Среднего Поднепровья, Северного Причерноморья. Исходя из того, что браслеты по-видимому, попали в разные районы Европейской части СССР

Распределение типов «латенских» браслетов по географическим регионам

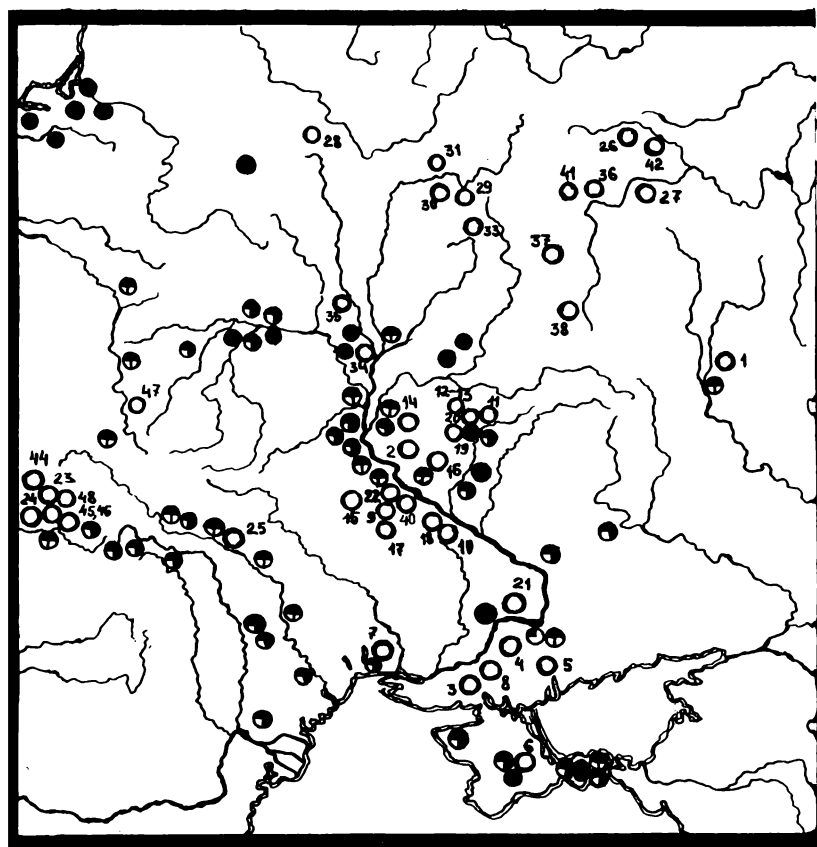
Типы	3	4	5	7	8	1	2	6	Не- опр.	Кол-во пунктов	Кол-во находок
(1)	8	3	4	2	3	5	2	—		8	26
(2)	1	1	2	1	1	—	—	—		5	6
(3)	3		—	—	1	3	—	—	1	7	8
(4)	17 в. А-7 в. Б-2	1	—	—	—	—	3	1		16	22
(5)		1	3	—	—	—	4	3		6	11
(6)		—	—	—	1	—	9	11		2	21

исходя из одних и тех же культурно-исторических процессов, мы считаем правомерным датировать браслеты Верхнего Поднепровья по наличию тех же типов браслетов в Нижнем и Среднем Поднепровье. Косвенным подтверждением возможности такой датировки служит следующее: для средне- и позднелатенских фибул характерно почти одновременное их распространение из разных частей Центральной Европы на территорию Северного Причерноморья и Верхнего и Среднего Поднепровья (см. [А. М. Обломов 1944]).

Тип 1 появился на рассматриваемой территории в конце V в. до н. э. и продолжал существовать в IV—III вв. до н. э. Несколько типов браслетов появляется здесь в IV—III вв. до н. э. (типы 4, 5, 6, 7). Появление браслетов типа 1, видимо, следует относить ко времени не позже V в. до н. э., судя по находке в предматериковом слое Селецкого городища. Этот слой датируется раннедьяковским временем, т. е. VII-V вв. до н. э. [Н. А. Кренке 1987, с. 12].

Наиболее обособленный район — Закарпатье. Браслеты этого района могут датироваться, в основном, временем существования раннеархаичных поселений: Галиш—Ловачка (вторая пол. III в. до н. э. — нач. II в. н. э.) [В. Г. Бідзіля, 1964, с. 126; он же 1971, с. 113]) и Арабад-Копани (60 г. до н. э. — 106 г. н. э.) [В. Г. Котигорошко 1944, с. 100].

Интересно, как эти датировки и районы распространения браслетов соотносятся со временем бытования и ареалами раннеархаичных поселений: Галиш—Ловачка и Арабад-Копани (раннеархаичные поселения). Они включают Закарпатье, Среднее и

○ — БРАСЛЕТЫ

ФИБУЛЫ:

● — VI-V в.в. до н.э.

⊕ — IV-III в.в. до н.э.

● — II-I в.в. до н.э.

● — I в. н.э.

Карта 1. Распространение браслетов и одновременных им фибул.

1 — Частые кург., к. 12; 2 — к. 4 у Любарецкого пос.; 3 — к. 23, п. 1 у Красный Перекоп; 4 — к. Огуз; 5 — Мелитопольский кург.; 6 — некр. Непт Скифского; 7 — Ольвия; 8 — Николаевка (Казацкое); 9 — ур. Холодный Яр; 10 — с. Грушевка; 11 — с. Волковцы; 12 — с. Басовка; 13 — с. Басовка; 14 — с. Сеньковка; 15 — с. Рыжановка; 16 — Бобрница, к. 66; 17 — Пастер; 18 — Черкассы; 19 — Сурмачевка; 20 — Аксютинцы; 21 — к. Чертомлык; 22 — Григоровка; 26 — Шербинское гор.; 27 — Каширское гор.; 28 — Замощье; 29 — Церковище; 30 — Демидовка; 31 — Новые Батеки; 32 — Песчаный ров; 33 — шемля; 34 — Чаплинское гор.; 35 — гор. Горошков; 36 — гор. Свиногово; 37 — гор. Мужитино; 38 — гор. Надежда; 39 — гор. Лбище; 40 — с. Пекари; 41 — Ило-Ленивец; 42 — гор. Селецкое; 43 — Ульвинок; 44 — Ужгород; 45 — с. Мона; 46 — с. Доброселье; 47 — с. Дрисино; 48 — Малая Копаня.

Датированные находки «латенских» браслетов в Восточной Европе

	Место находки	Дата	Слой на поселении
I	Селецкое, гор.		Предматерик
I	Гушемля, гор.		Нижний слой
I	Чертомлык, к.	IV—III вв. до н. э.	
I	Насовка, к. А	к. V-IV в. до н. э.	
I	Холодный яр, к. 28	IV в. до н. э.	
I	Семьковка, к. 6	к. V-нач. IV в. до н. э.	
I	Мечитопольский курган	IV-III вв. до н. э.	
I	Частиные курганы, к. 12	IV-III вв. до н. э.	
II	Чибарина, к. 4	IV-III вв. до н. э.	
I	Рытывики	II в. до н. э.	
II	Пьяный Скифский, м. 75	II-I вв. до н. э.	
II	« », м. 28	— » —	
II	« », м. 30, 77, 79, 58, м. 101	I-II вв. н. э.	
	Мезитино		Нижний слой
III	Красный Перекон, к. 23, к. 1	IV-III вв. до н. э.	
III	Гушенин, гор.		Нижний слой

Поднепровье, Северное Причерноморье. Раннелатенские фибулы найдены и в Верхнем Поднепровье, но с ареалом браслетов они перекрещиваются лишь частично: фибулы найдены на юге этой области, а браслеты — на севере. Что касается находок средне- и позднелатенских фибул, то их наибольшее распространение наблюдается в Северном Причерноморье. В Восточном Причерноморье фибулы этого времени сравнительно

немногочисленны, но они найдены на тех же памятниках, что браслеты. В Верхнем и Среднем Поднепровье находки эти времени отсутствуют, что может служить для установления конечной даты бытования браслетов в этих районах.

Итак, в Среднем Поднепровье и Южной части Верхнего Поднепровья браслеты с рубчиками и шишечками исчезают II в. до н. э. [О. Н. Мельниковская 1967, с. 77].

У нас есть доказательства местного производства браслетных литейных форм с городищ Чаплин, Новые Батеки и из Ольвии и отливки типов 3, 8, 1 или 2 [П. Н. Третьяков 1959, рис. 11, 1; Е. А. Шмидт 1974, табл. 17, рис. 9; А. И. Фурманська 1958].

Многочисленность находок браслетов типа 6 в Северном Причерноморье позволяет также предположить их местное производство. «Браслеты» этого типа в ряде случаев во II-I вв. до н. э. не носились на запястьях, а вкладывались в мешочек, следы которого в одном из погребений удалось проследить [Э. А. Сымоненко 1983, с. 98], в таком случае кольца с шишечками находятся в районе таза [А. В. Коренько, В. А. Найдено 1977, с. 235].

Это явление — усиление одного из назначений браслетов, — есть использование в качестве амулетов, характерное и для культур латенского круга [R. Müller 1985, S. 61], сопровождалось их местным производством.

Что касается находок на городищах, мы не можем установить какое-либо их использование. Поскольку в IV-III вв. до н. э. браслеты в степной зоне носили на запястьях, судя по находкам в погребениях, мы можем предположить, что в Верхнем Поднепровье и бассейне Оки их использовали также.

Таким образом, вырисовывается следующая картина появления и использования браслетов в раннем железном веке. Примерно в VI-V вв. до н. э. рубчатые браслеты появляются на территории Европейской части СССР (контакты Западной Европы с Кавказом отличаются от контактов с другими регионами, здесь не рассматриваются). Надо отметить, что в Закарпатье, Прикарпатье и Поднестровье встречены рубчатые браслеты позднего бронзового и раннего железного века, но они не были широко распространены [Ф. М. Потушняк 1958; В. А. Дергачев 1975]. Появление рубчатых браслетов связано с влиянием гальштатского круга культур. Браслеты распространились на данной территории видимо, почти одновременно.²

В IV-III вв. до н. э. многообразие типов браслетов увеличивается за счет местного производства уже известных типов, а отчасти — из-за нового притока импортных вещей. Вышеуказанные датировки не позволяют нам связать браслеты с гальштатской культурой, скорее это культуры латенского круга.

² Точнее говоря, если исходить исключительно из материалов, приведенных автором, самым ранним датированным браслетом оказывается единственная находка

Во II в. до н. э. на территории зарубинецкой культуры (Среднее, часть Верхнего Поднепровья) прекращается употребление браслетов с шишечками и рубчиками. Касается ли это северной части Верхнего Поднепровья и Оки, мы не знаем.

В Северном Причерноморье кольца с шишечками различного диаметра существуют непрерывно до III в. н. э. Закарпатье на протяжении этого времени остается обособленным районом. Мы не можем на имеющемся материале проследить изменения в употреблении браслетов в этом регионе в латенскую эпоху.

Предлагаемая нами картина будет уточняться с накоплением новых сведений. Особенно это касается раннего этапа появления браслетов в Северном Причерноморье.

ЛИТЕРАТУРА

- Амброз А. К. Фибулы юга Европейской части СССР//САИ. 1966. Вып. Д1-30.
- Вирцева Т. Б. Цветная металлообработка скифского времени. М., 1981.
- Виділя В. І. Поселення Галиш-Ловачка у с. Клечаново//Археологія. 1964. Т. XVII.
- Виділя В. І. Історія культури Закарпаття на рубежі нашої ери. Киев, 1971.
- Вижор. Гето-дакийская культура в Мургиоле//Dacia, 1958. Т. 2.
- Дергачев В. А. Бронзовые предметы 13-8 вв до н. э. из Днестровско-Прутского бассейна. Кишинев, 1975.
- Амбровський Я. Проблеми восточних зв'язей лужицької культури//СА. 1970. № 3.
- Залашко Г. М., Еременко В. Е. К вопросу о датировке кладов браслетов раннего времени в Поднепровье//Хозяйство и культура доклассовых и раннеклассовых обществ. Тезисы докладов конференции молодых ученых. М., 1986.
- Козенкова В. И. Предметы из Ца-Ведено//Кавказ и Восточная Европа в древности, М., 1973.
- Козенкова В. И. Типология и хронологическая классификация предметов южнорусской культуры, восточного варианта//САИ. 1982. Вып. В2—5.
- Кореняко А. В., Найдено В. А. Погребения раннего железного века в курганах на реке Томузловке//СА, 1977. № 3.
- Котигорошко В. Г. Раскопки дакийского городища у с. Малая Копаня//АО. 1970. М., 1980.
- Котович В. Г. Проблемы культурно-исторического и хозяйственного развития населения древнего Дагестана. М., 1982.
- Кренке Н. А. Культура населения бассейна Москвы-реки в железном веке и раннем средневековье. Автореф. дисс. . . канд. ист. наук. М., 1987.
- Кухаренко Ю. В. Распространение латенских вещей на территории Восточной Европы//СА. 1959. № 1.
- Мельниковская О. Н. Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке. М., 1967.

ки типа I из предметно-керамического раннедьяковского слоя Селецкого городища (табл. 3), относимого Н. А. Кренке к VII—V вв. до н. э. Для датировки тем же временем двух других браслетов этого типа из Подчья (регион 3) и пяти экземпляров из Верхнего Поднепровья (регион 1) (табл. 2) у нас нет твердых данных, поскольку этим тип I бытовал долго, с VIII по III в. до н. э. (табл. 1), а, следуя методике автора, ранние фибулы VI-V вв. до н. э. в этих регионах не представлены (карта 1).

Что касается браслетов 3 типа, бытовавших с XII по III в. до н. э. (табл. 1), то в Восточной Европе они зафиксированы в комплексах конца V-IV в. до н. э. (Басовка, Сеньковка) и IV-начала III в. до н. э. (Чертолмык, Холодный Яр) (табл. 3), т. е. скорее уже латенского, чем гальштатского времени (Прим. ред. — М. Ш.).

- Мелюкова А. И. Скифия и фракийский мир. М., 1979.
- Обломский А. М. О хронологии некоторых типов фибул латенской культуры // СА. 1983. № 1.
- Обломский А. М. Верхнеднепровский вариант зарубинецкой культуры. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1984.
- Петренко В. Г. Украшения Скифии VII-III вв. до н. э. // САИ. 1978. Вып. Д4—5.
- Потушняк Ф. М. Археологічні знахідки бронзового та залізного віку на Закарпатті. Ужгород, 1958.
- Рыбалова В. Д. О связях Украины с Центральной Европой в эпоху бронзы и раннего железа // Исследования по археологии СССР. Л., 1961.
- Сымонович Э. А. Население столицы позднескифского царства. Киев, 1983.
- Третьяков П. Н. Чаплинское городище // МИА. 1959. № 70.
- Третьяков П. Н., Шмидт Е. А. Древние городища Смоленщины. М., 1963.
- Фурманска А. І Ливарні форми з розкопок Ольвії // АП, 1958. Т. 7.
- Шмидт Е. А. Днепр-двинские племена в I тыс. н. э. Диссертация ... докт. ист. наук. Смоленск, 1974 (Рукопись).
- Benadić B., Vlček E., Ambros C. Keltské pohrebiska na juhozápadnom Slovensku. Bratislava, 1957.
- Dužek M. Thrakisches Gräberfeld der Hallstattzeit in Chotin. Bratislava, 1966.
- Filip J. Ketlové ve střední Evropě. Praha 1956.
- Kerckhoff H. Zur Ur- und Frühgeschichtlichen Besiedlung der Ortsflur Kremmin im Kreise Ludwigslust // Bodendenkmälpflege in Mecklenburg. Berlin, 1974.
- Müller R. Die Gräbfunde der Jastorf- und Latènezeit an Elbe. Berlin, 1985.
- Woźniak Z. Osadnictwo celtyckie w Polsce. Wrocław, 1970.
- Zirra V. Beiträge zur Kenntnis des keltischen Latène in Rumänien // Dacia.

**Г. Г. Абезгауз, В. Е. Еременко,
В. Г. Журавлев, С. Ю. Каргопольцев**

К ВОПРОСУ О РАННЕЙ ДАТЕ МОГИЛЬНИКОВ ЗАРУБИНЕЦКОЙ КУЛЬТУРЫ

Основным материалом, который позволяет соотносить хронологию зарубинецкой культуры с европейской, являются фибулы, изготовленные по латенским прототипам. К. В. Каспарова синхронизировала ранние зарубинецкие фибулы с переходом от латена C₁ к C₂ и отнесла время появления наиболее ранних погребений к 180-170 гг. до н. э. Одним из важнейших компонентов сложения культуры, по ее мнению, явился юго-западный, балкано-иллирийский, так как именно в Иллирии известны прототипы зарубинецких фибул с треугольным щитком [К. В. Каспарова, 1977; 1978; 1981; 1984] — «копьевидные» фибулы, пропорции которых очень близки зарубинецким [С. П. Пачкова, 1988]. Вместе с тем трудно переоценить и роль северо-западных связей в процессе сложения зарубинецкой культуры, проявляющихся в формах проволоочных фибул, керамики и погребального обряда [К. В. Каспарова 1981; 1988; А. М. Обломский 1983, с. 113]. Кроме конкретных северо-западных аналогий зарубинецкого вещевого комплекса и погребального обряда, нельзя не

привести и одно соображение общего порядка, вряд ли менее важное.

В северо-восточной Чехии раскопан ряд памятников латена C_1 , для которых характерно сочетание кельтской и ясторфской культурных традиций. Это памятники подмокельской группы, которая на ступени латена C_2 трансформируется в кобыльскую [N. Venclová 1973]. Территория, занятая подмокельской группой, в настоящее время является единственным местом, где наблюдается постепенный переход местной культуры (в данном случае периферийно-ясторфской) из нелатенизированного состояния в латенизированное. На всех других территориях процесс латенизации на ступенях B_2-C_1 не засвидетельствован: мы видим лишь его результат — памятники типа Поянешти-Лукашевка, пшеворской, оксывской и зарубинецкой культур. Таким образом, именно северо-восточная Чехия могла быть тем центром (или начальным пунктом), из которого началось распространение процесса латенизации. Это предположение косвенно подтверждается сходством проволоочных фибул зарубинецкой культуры с чешскими, отмеченным А. М. Обломским [1983, с. 113].

К. В. Каспарова отмечает, что судя по количеству ранних датируемых вещей, зарубинецкая культура сложилась несколько позднее других латенизированных, но в то же время некоторые черты зарубинецкой керамики сравнивает с самыми ранними материалами этих культур. По ее мнению, фибулы с треугольным штифом и проволоочные появляются в зарубинецкой культуре одновременно, около 180-170 гг. до н. э. [К. В. Каспарова 1984, рис. 5, с. 116]. Эта дата несколько раньше, чем прежняя [К. В. Каспарова 1976, с. 59-62], но тем не менее и ее принятие не решило полностью противоречия ранних дат фибул из погребений датам ранних клейм из слоев поселений (220-200 гг. до н. э.) [Е. В. Максимов 1982, с. 25].

Вместе с тем процесс возникновения латенизированных культур, происходивший на ступени латена C_{1b} , датируется сейчас временем более ранним, чем 180-170 гг. до н. э. Так, Т. Домбровская связала возникновение пшеворской культуры с передвижениями окраинного ясторфского населения, которые попали в поле зрения античных письменных источников, упоминающих висгарнов около 239-229 гг. до н. э. [Т. Dąbrowska 1988, s. 75]. Столь ранняя датировка сложения латенизированных культур на ступени C_{1b} находит свое подтверждение и в материалах самой латенской культуры.

Данные для абсолютной датировки перехода от ступени C_{1a} к C_{1b} дает дендрохронология. Анализ обуглившегося дерева из захоронения 96 могильника Ведерат на Рейне, где были найдены кристаллизованные среднелатенские фибулы с шариками, характерные для ступени C_{1b} (J. Vujna 1982, Abb. 4, 30), показал 208 г. до н. э. [A. Haffner 1979, S. 405-409]. Исторические события, с которыми может быть связано широкое распространение вещей нового стиля,

раньше всего появившегося в Северной Италии, охватывают период от 225 г. до н. э., когда кельты и союзные им белги потерпели поражение от римлян при Таламоне, до 192 г. до н. э., когда бои были окончательно изгнаны из Италии и переселились на территорию Чехии [М. В. Shchukin, V. E. Eremenko, im Druck]. Таким образом, период C_{1b} можно датировать примерно 225-190 гг. до н. э. Следовательно, ранние комплексы латенизированных культур, содержащие вещи этой ступени — «удлиненные» фибулы вариантов А-В-Костшевский, фибулы с шариками (см. [J. Vujna 1982, Abb; 4, 30, 31]), в том числе ранние комплексы могильника Поянешти и погребения II фазы могильника Любошице, с которыми К. В. Каспарова сравнивает ранние зарубинецкие материалы [1984, с. 116], также могут быть отнесены к 220-190 гг. до н. э. Принятие такой даты позволяет избежать хронологического разрыва между ранней датой поянешти-лукашевских селищ, определяемой родосскими амфорными клеймами 220-180 гг. до н. э. [С. П. Пачкова, М. А. Романовская 1983, табл. 1], и ранней датой могильников.

В зарубинецкой культуре ранних вещей мало. По этим вещам со ступенью C_{1b} может быть синхронизировано, по-видимому, лишь несколько погребений [К. В. Каспарова 1984, рис. 2, 1-5]. Но даже и эти несколько погребений, следовательно, могут быть датированы 225-190 гг. до н. э., что позволит ликвидировать разрыв между ранней датой могильников и ранней датой селищ, определяемой косскими и фасосскими амфорными клеймами 230-200 гг. до н. э. [Е. В. Максимов 1982, табл. VI, 1, 2, с. 22].

Однако для того, чтобы уверенно синхронизировать ранние зарубинецкие погребения со ступенью C_{1b} и датировать их временем более ранним, чем 180-170 гг. до н. э., по нашему мнению, необходимо выделить раннюю фазу, в погребениях которой нет юго-западных, балкано-иллирийских компонентов. Причина этого заключается в следующем.

К. В. Каспарова, исследовав прототипы зарубинецких фибул с треугольным щитком — копьевидные, которые датируются в Югославии временем от последней четверти III в. до н. э. и позднее, все же отнесла появление дериватов таких фибул и других вещей юго-западного происхождения в Поднепровье к 180-170 гг. до н. э., то есть связала с походами бастарнов в Иллирию в 179-168 гг. до н. э. [К. В. Каспарова 1977, с. 76; 1981, с. 75]. И действительно, раньше этих походов прямые контакты населения Поднепровья и Иллирии вряд ли были возможны, а для предположений об опосредованных контактах [С. П. Пачкова 1988, с. 20-21; А. М. Обломский 1986, с. 55-56] явно недостает материала: копьевидные фибулы, обнаруженные в Румынии и Северном Причерноморье, происходят из более поздних комплексов, чем ранние погребения зарубинецкой культуры — почти все эти комплексы датированы концом II в. до н. э. — I в. н. э.. Интересно отметить, что все группировки племен — поздние скифы, сарма-

ны, галаты Малой Азии, бастарны Подунавья, на памятниках которых обнаружены эти копьевидные фибулы (см. [Н. Polenz 1978, Abb. 3, 2; D. Berciu 1981, Pl. 28, 2; В. П. Бабенчиков 1967, табл. X, 8; Н. Н. Погребова 1961, рис. 4, 6, с. 158; М. П. Абрамова 1972, рис. 4, 45, 13, 20; К. Ф. Смирнов 1984, рис. 43, 7; И. И. Игнатов 1986, рис. 2, 3, с. 88, прим. 9; Б. Ю. Михлин 1980, рис. 5, 3, с. 202; и др.]), входили в систему антиримских военно-политических союзов под эгидой Митридата Евпатора, царя Понта (116-63 гг. до н. э.), наряду со скордисками (см. [Е. А. Молев 1974]), у которых и могли позаимствовать новый тип украшений.

Итак, если исходить из предположения о том, что появление фибул с треугольным щитком в зарубинецкой культуре связано с походами бастарнов, которое представляется нам верным, для подтверждения датировки появления зарубинецких погребений на ступени С_{1b}, в 220—190 гг. до н. э., необходимо выделить раннюю фазу, в погребениях которой еще не появились фибулы с «восьмерками», с треугольным щитком и другие вещи билкано-иллирийского происхождения.

Столь серьезная задача заставляет нас с особой осторожностью относиться к методике хронологических исследований. Применение корреляционного метода П. Рейнеке, даже при условии разделения погребений на половозрастные группы (см. статью [И. А. Бажан, В. Е. Еременко в настоящем сборнике]), само по себе еще не гарантирует точности конечного результата, поскольку он в немалой степени зависит от точности исходной типологии, и в особенности — типологии наиболее массового материала, керамики.

Существует два основных направления типологических исследований. Одно ставит перед собой задачу выделения основных форм, отражающих реальные процессы, но не существующих в действительности в чистом виде [А. В. Гулыга 1969, с. 37], другое — задачу подробного исследования всех известных особенностей материала. Не приходится сомневаться в том, что «обеспечить одновременное решение этих задач классическая типология с ее методом визуального подбора типов не в состоянии» [Г. С. Лебедев 1979, с. 74]. Более того, в одновременном решении двух типологических задач нет необходимости, так как для решения каждой из них существуют два разных математизированных алгоритма исследования: метод последовательного деления на классы (ПДК) и кластерный метод (КМ). Первый позволяет учесть все известные особенности материала, второй — выделить основные его закономерности [В. И. Василевич 1966, с. 176-183]. Раздельное применение двух алгоритмов позволяет решать обе типологические задачи. Однако на практике разделение двух типологических задач не всегда очевидно, и зачастую один из алгоритмов используется для решения обеих задач. Неразделенность задач приводит к смешению методов

и, в конечном счете, к невозможности сравнения результатов исследований памятников, полученных разными авторами.

Исходя из того, что изучению конкретных особенностей материала должно предшествовать выявление наиболее общих его закономерностей, мы поставили перед собой задачу выработки алгоритма, позволяющего получать близкие культурным типам керамики, которые могут быть использованы для изучения хронологии могильников по единой системе. При выработке алгоритма мы будем исходить из сравнения ПДК и КМ при условии применения количественных, а не визуальных способов оценки значений признаков: ошибки и субъективизм зрительского восприятия общеизвестны [П. Линдсей, Д. Норман 1974, с. 20-21]. Критерием культурности типов условимся считать то, насколько признаки, по которым произведено деление на типы, близки признакам, которыми отличаются выделенные единицы [В. И. Василевич 1966].

Метод последовательного деления на классы имеет два основных недостатка. Первый состоит в том, что такое деление не вполне способствует выявлению наиболее общих закономерностей исследуемого материала: случайное отклонение значения признака, иногда довольно значительное, либо перемещает объект в группу несхожих объектов, либо и вовсе оставляет его за полями классификации. Второй недостаток органически связан с первым: «цена ошибочной классификации на каждом этапе деления возрастает, и конечные группы могут оказаться весьма далекими от естественных единиц» [В. И. Василевич 1966, с. 183]. Этот процесс обуславливается двумя причинами: субъективными ошибками и относительностью устойчивости признаков, которые устойчивы в одних пределах значений и неустойчивы в других. Поскольку метод ПДК требует единства оснований и признаков, по которым производится деление на классы, он не может учесть относительности устойчивости значений признаков.

Рассмотрим для примера классификацию керамики зарубинецкого могильника Чаплин, предложенную А. М. Обломским [1985]. Керамика разделена на классы по форме, пропорциям, декору и объему, сделана попытка соотнесения четырех классификаций. Наиболее подробно разработана классификация по пропорциям, поэтому именно на ее примере попытаемся проследить, как на каждом этапе исследования возрастает «цена ошибочной классификации».

Этап первый: выбор признаков. При семи параметрах, выбранных А. М. Обломским, пропорции сосудов описываются не пятью соотношениями, а шестью — не учтено отношение высоты венчика к высоте верхней части сосуда. В результате сосуды, одинаковые по пяти пропорциям А. М. Обломского, могут значительно различаться (рис. 1,1,2). Следовательно, ошибочно утверждение, что одинаковыми значениями пяти пропорций могут

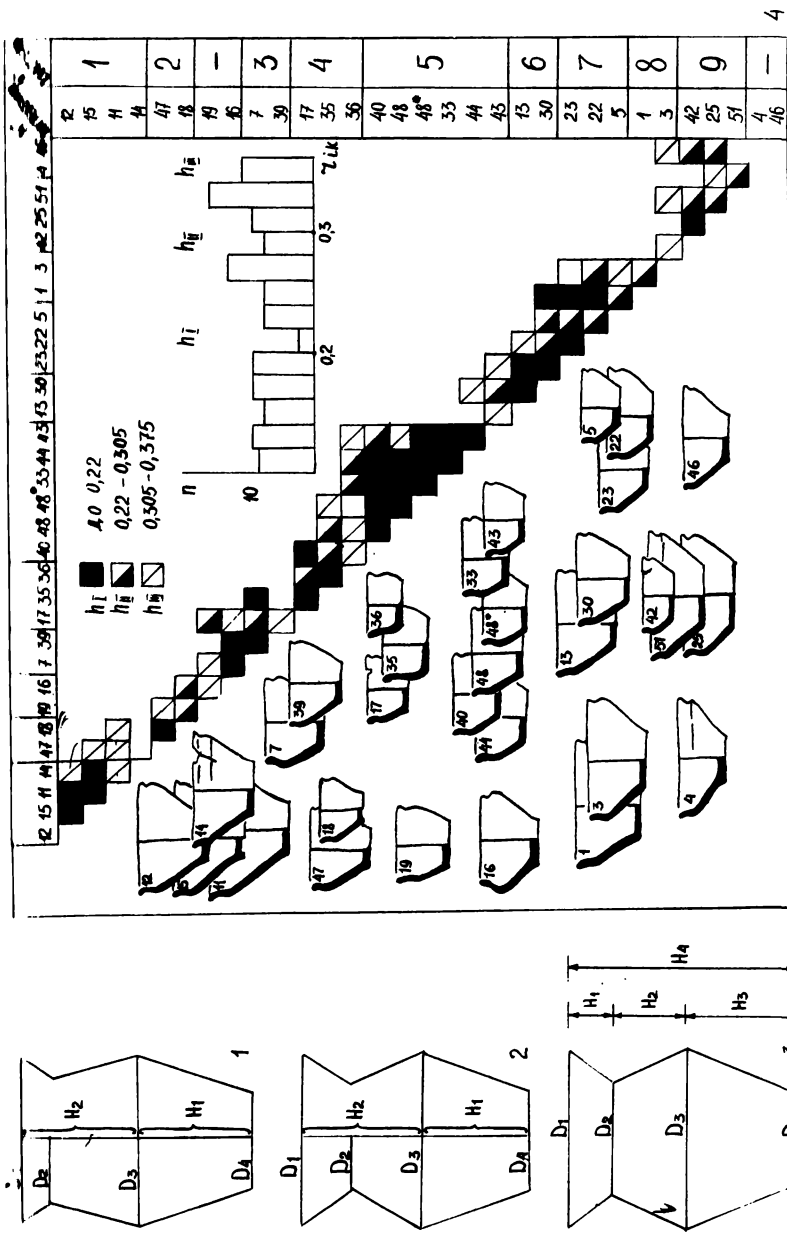

Рис. 1. Система измерений А. М. Обломского (1, 2) и авторов (3)
Кластеры мисок (4). Буквами обозначены сосуды, обнаруженные вне погребений.

обладать только пропорционально подобные сосуды [А. М. Обломский 1985, с. 97].

Этап второй: выбор групп значений признаков. А. М. Обломский располагает отношения размеров сосудов по ранжиру и делит их на определенное число групп, которое, как он полагает без какого-либо обоснования, должно быть равным четырем для мисок и трем для горшков. Границы между группами, по его мнению, должны выбираться так, чтобы максимальное расстояние между значениями в одной группе было меньше расстояний между крайними точками соседних групп. Принцип выделения групп и установки их границ оказывается в значительной степени субъективным и по сравнению с методом, предложенным И. С. Каменецким [И. С. Каменецкий 1978], вряд ли может быть применен для выявления объективно существующих закономерностей изучаемого материала. Более того, если уж следовать принципу А. М. Обломского, расстояние между группами следует сравнить с расстоянием между точками в каждой соседней группе, а не в одной из них. Рассмотрев отношение $\frac{D_1}{H_2}$, нетрудно убедиться, что расстояние между второй и третьей группами (0,3) меньше максимального расстояния между точками внутри третьей группы (0,43) [А. М. Обломский 1985, табл. 3] и, следовательно, граница между второй и третьей группами проведена А. М. Обломским в нарушение им же выбранного принципа.

Из того, что отношения нижних частей сосудов не образуют групп, А. М. Обломский делает вывод, что значимыми являются лишь пропорции верхних частей сосудов, тогда как пропорции нижних частей относятся к одному стандарту [А. М. Обломский 1985, с. 97-98]. Между тем для мисок максимальное значение отношения $\frac{D_3}{H_1}$ в два раза больше минимального, $\frac{D_4}{H_1}$ — в 2,7 раза; для горшков — в 1,4 и 2,3 раза соответственно [А. М. Обломский 1985, рис. 6,7]. При таком существенном изменении пропорций вряд ли можно говорить о едином стандарте. Скорее здесь имеет место закономерное их изменение, заслуживающее внимательного анализа.

Этап третий: построение общей классификации. Рассматривая комбинации групп пропорций для отношений $\frac{D_1}{H_2}$, $\frac{D_2}{H_2}$, $\frac{D_3}{H_2}$, А. М. Обломский полагает, что этот анализ, сопровождаемый графиком, способствует выделению типов сосудов [1985, с. 100—103, рис. 8]. В действительности дело обстоит иначе. Рассмотрим, например, отношение $\frac{D_1}{H_2}$. Если на графике А. М. Обломского из начала координат провести прямые, соответствующие определенным им границам групп значений этого соотношения, мы

получим ряд секторов, ограниченных этими прямыми. При этом миски первой группы попадут в сектор значений, соответствующий первой группе, миски второй группы — во второй сектор и так далее, причем их попадание в эти сектора не зависит от отношений $\frac{D_2}{H_2}$ и $\frac{D_3}{H_2}$. Непонятно, с какой целью А. М. Обломский заменил определенные им самим границы групп значений признаков, которые должны изображаться в виде секторов, на труднообъяснимые кривые [1985, табл. 4, рис. 8]. Рассуждения о том, что миски первой группы относятся к первому типу, миски второй — ко второму, оказываются совершенно излишни.

Достаточно было сказать, что каждой группе соотношения $\frac{D_1}{H_2}$ соответствует тип с тем же номером. Таким образом, типы выделяются фактически по одному соотношению, которое ни в коей мере не отражает общих закономерностей пропорций сосудов.

Итак, мы можем констатировать, что поставленная А. М. Обломским задача «классификации керамики для нужд периодизации» реализована не столь объективно, как он полагает. В этом повинны, прежде всего, недостатки метода ПДК, усиленные субъективными ошибками. Этот метод было бы правильнее применить для исследования частных взаимосвязей изучаемых объектов по тем или иным признакам, а не для исследования наиболее общих его закономерностей.

Кластерный метод (КМ), рекомендации по использованию которого для нужд классификации появлялись неоднократно [В. М. Василевич 1966; Культура... 1984, с. 12, 28-31, 33-35; D. L. Clarke 1968, p. 512-634], совершенно незаслуженно остается неразработанным в применении к практическим проблемам археологии. В основе КМ лежит объединение признаков объекта в один комплексный показатель. Каких-либо общих положений о выборе этого показателя нет, но при исследовании объектов, признаками которых являются n размеров, последние обычно рассматриваются как координаты точки в n -мерной прямоугольной системе координат, а в качестве комплексного показателя используется расстояние от начала координат до этой точки [Б. Дюран, П. Оделл 1977]. Тогда каждому объекту можно сопоставить величину вектора

$$r_i = \sqrt{\sum_{j=1}^n x_{ij}^2} \quad (1)$$

где x_{ij} — j -й размер i -го сосуда, и сходство объектов оценивается близостью показателя (1). При этом близким его значениям могут соответствовать сосуды с существенно различающимися пропорциями, то есть возможно «скрадывание структуры типа — характерных для него внутренних корреляций отдельных черт»

[Leo S. Klejn 1982, p. 43-44, fig. 9]. Этот недостаток в значительной степени устраняется тем, что объекты группируются на основе близости векторов не только по величине, но и по направлению, что приводит к показателю

$$r_{ik} = \sqrt{\sum_{j=1}^n (x_{ij} - x_{kj})^2} \quad (2)$$

который представляет собой расстояние между концами i -го и k -го векторов, то есть степень близости объектов выражается расстоянием между точками в n -мерном пространстве. Учет не только величины, но и направления векторов приводит к смене оснований классификации, то есть наиболее влияющих на ее результат групп устойчивых сочетаний признаков, если эти сочетания перестают быть устойчивыми.

КМ состоит в формировании подмножеств из множеств объектов таким образом, что внутри каждого подмножества объекты удовлетворяют некоторому требованию о степени их сходства между собой, а за его пределами нет ни одного объекта, который удовлетворял бы этому требованию сходства [С. Р. Рао 1980]. Требование к сходству объектов внутри кластеров выражают с помощью порогового значения h . Применительно к показателю (2) это требование выражается в виде

$$r_{ik} \leq h \quad (3)$$

и должно выполняться для всех пар объектов, входящих в кластер.

Мы изложили теоретические положения применения кластерного метода. Теперь попытаемся применить этот метод в приложении к материалам могильника Воронино, раскопанного Ю. В. Кухаренко [1961, с. 55-61] (35 целых форм горшков, 30 — кружек и 31 — мисок).

Каждый из рассматриваемых сосудов характеризуется семью независимыми параметрами (рис. 1,3). Эти размеры, а также общая высота сосудов были измерены для всех категорий керамики.

При использовании показателя (2) для выделения кластеров сосудов возникает ряд вопросов: чему отдать предпочтение — абсолютным или относительным размерам; можно ли уменьшить количество учитываемых в показателе (2) признаков с целью ослабления «скрадывания» структуры типа; как рационально установить значения порога h .

Выбор абсолютных или относительных размеров зависит от особенностей изучаемого материала. При классификации зарубинецкой керамики предпочтение следует отдать относительным размерам, так как изменение типа сопровождается изменением пропорций в большей степени, чем изменением размеров сосудов.

Уменьшения «скрадывания» структуры типа можно добиться исключением некоторых признаков, исходя из разных соображений. Во-первых, целесообразно исключить признаки, не обладающие устойчивостью. Таким признаком является величина H_1 , распределение которой близко к нормальному и поэтому может считаться случайным. Во-вторых, следует исключить из рассмотрения признаки с большим коэффициентом взаимной корреляции, так как использование двух пропорционально изменяющихся признаков завышает их вес в образовании показателя (2). Таким признаком является любая из величин D_1 и D_2 , коэффициент корреляции которых достигает 0,99. Если исключить одну из них, например, D_1 , математическое представление о форме сосуда практически не изменится. В то же время удельный вес остальных признаков в образовании показателя (2) повысится. На основании вышеизложенного признаки H_1 и D_1 были исключены из рассмотрения. В качестве относительных размеров для формирования кластеров были приняты отношения оставшихся пяти признаков к общей высоте сосудов.

Формирование кластеров целесообразно разделить на четыре этапа. Первый состоит в расположении объектов по линии возрастания показателя (1), после чего, соблюдая полученное расположение, вычисляют и сводят в матрицу значения показателя (2). На втором этапе выбирают пороговые значения показателя (2) путем исследования его статистического распределения (гистограммы на рис. 1,4, 2, 3). Пороговые значения целесообразнее выбирать в местах разряжения количеств значений показателя (2). Для того, чтобы учесть все близкие связи и в то же время исключить слабые, оказалось достаточно выбрать предварительно три пороговых значения, которые обозначены в порядке возрастания h_I , h_{II} , h_{III} (рис. 1,4, 2, 3). В случае выбора двух пороговых значений кластеры могут «рассыпаться», и при учете четвертого — слиться.

Третий этап состоит в последовательном упорядочивании матрицы по пороговым значениям, имеющим целью приближение наименьших значений показателей (2) к диагонали. Упорядочивание производится путем перестановки в матрице строк и соответствующих им столбцов с теми же номерами. На четвертом этапе решается задача проведения границ между кластерами. Определение КМ предполагает проведение границ по пороговому значению h . В таком случае кластеры могут пересекаться, что нежелательно ввиду необходимости четкого разграничения типов. Поэтому условимся в случае пересечения кластеров проводить границы между ними путем исключения из кластеров максимально возможного числа объектов, связанных пороговым значением h_{III} . Если же и в этом случае кластеры остаются пересекающимися, возможно привлечение качественных признаков для их деления или же выделение сосудов, по-

павших в пересечение, в отдельный переходный кластер [И. С. Каменецкий, Б. И. Маршак, Я. А. Шер 1975, с. 22].

Выполняя указанные рекомендации, мы получили кластеры мисок, горшков и кружек с разными пороговыми значениями (рис. 1, 2, 3). Естественно, что в каждом кластере сосуды близки по пропорциям, по которым они выделялись, и по форме, непосредственно зависящей от пропорций, однако можно заметить и некоторые другие более или менее закономерно изменяющиеся при переходе от одного кластера к другому признаки. Так, отсутствие лошения характерно почти исключительно для горшков 15-го и 16-го кластеров (рис. 2). Сосуды, явно инородные по пропорциям и форме (горшок позднезарубинецкого облика и сосуд, схожий с оксывским — рис. 2, А, Б) используемый метод оставляет за границами кластеров. Следовательно, КМ может быть применен и для диагностики культурной принадлежности сосудов.

Очевидно, что сосуды, принадлежащие одному кластеру,

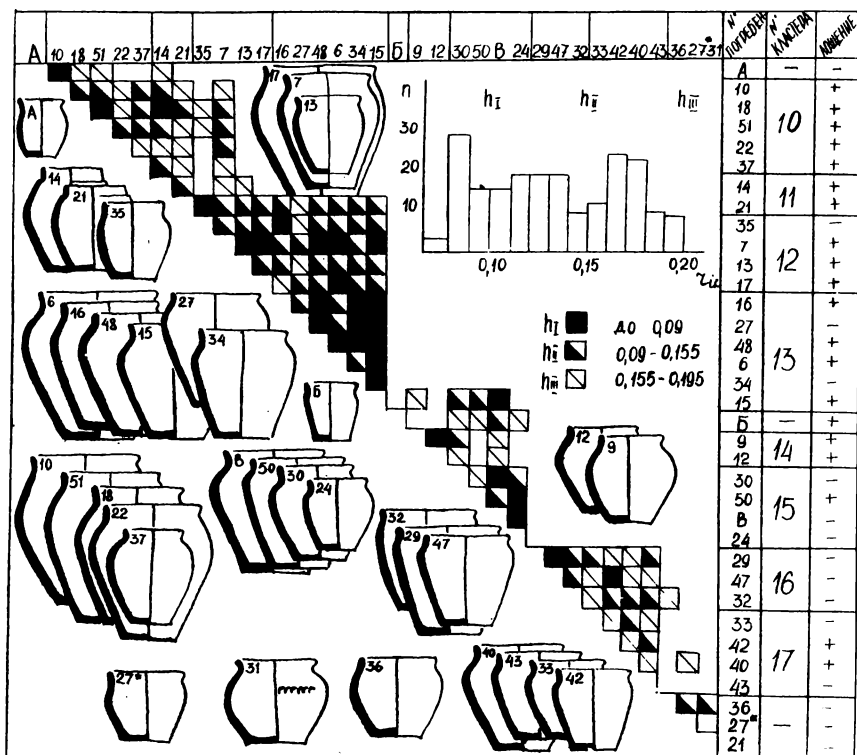

Рис. 2. Кластеры горшков. Буквами обозначены сосуды, обнаруженные вне погребений.

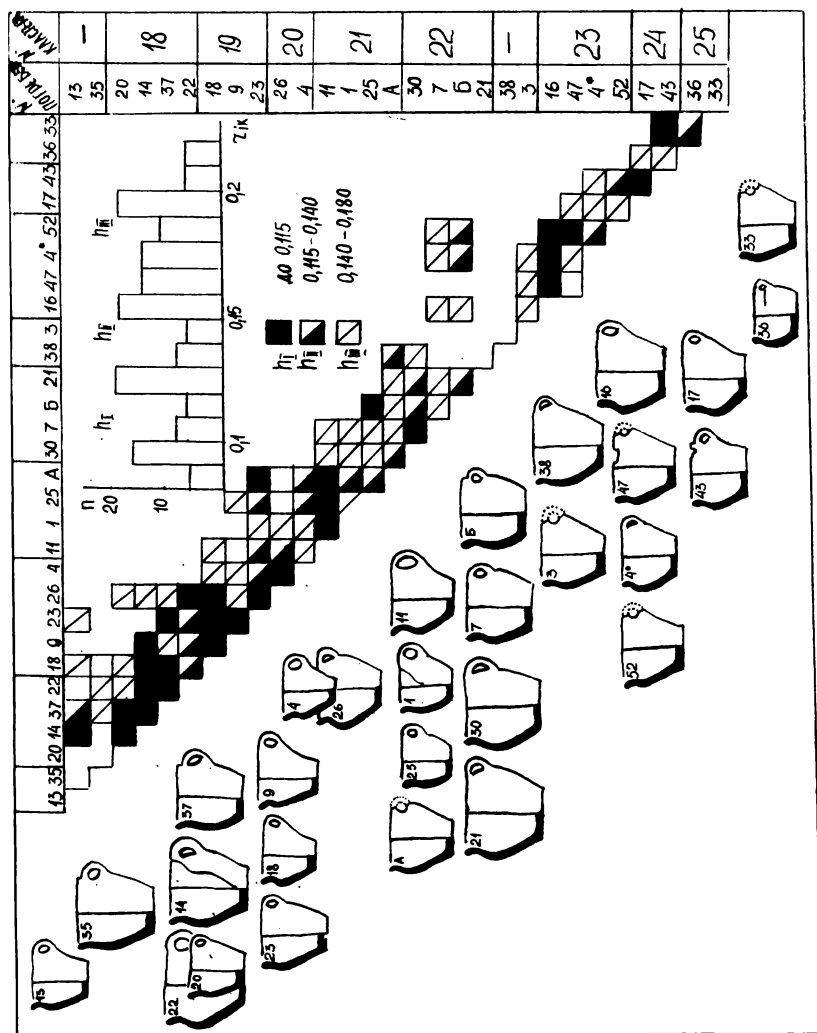

Рис. 3. Кластеры кружек. Буквами обозначены сосуды, обнаруженные вне погребений.

не могут быть абсолютно одинаковыми. В каждом кластере наблюдаются колебания признаков пропорций, формы и объема. Но, поскольку эти различия внутри кластеров не превышают, как правило, величин, которые могли бы дать основание для их разделения на более дробные группы, мы считаем, что их следует отнести за счет «интенсивности формотворчества» [И. С. Каменецкий, Б. И. Маршак, Я. А. Шер 1975, с. 108-109], не выходящей в данном случае за рамки внутритиповых изменений. Те сосуды, которые не вошли в кластеры (рис. 1, 4, 2 — в графе «кластер» им соответствует прочерк), за исключением инородных для данной керамической традиции, являются, скорее всего, проявлением той же интенсивности формотворчества, но приведшей уже к образованию зачатков новых типов.

Полученные результаты позволяют утверждать, что алгоритм КМ в значительно большей степени удовлетворяет основной задаче типологии — выявлению наиболее общих закономерностей изучаемого материала, нежели алгоритм ПДК.

Обратимся к практическому использованию полученной типологии для исследования хронологии могильника Воронино с помощью корреляционного метода с учетом половозрастных различий погребенных.

Разделение погребений могильника на половозрастные группы, поскольку антропологическое определение остатков сожженных не произведено, может быть сделано по содержанию женских категорий вещей (булавок, браслетов, бус) и коррелирующих с ними черт погребального обряда (рис. 4). Степень корреляции черт обряда определена по формуле $\frac{s^2}{k \cdot l}$ [И. С. Каменецкий,

Б. И. Маршак, Я. А. Шер 1975, с. 50]. К группе «женских» отнесены погребения, содержащие женские категории вещей и характеризующиеся такими чертами, как расположение керамики на костях, парность фибул и наличие фибул с треугольным щитком. К группе «мужских» отнесены погребения, в которых эти признаки не отмечены. Это разделение достаточно условно, и возможно, что в группу «женских» попало некоторое количество мужских погребений, а в группу «мужских» — несколько женских, но количество таких погребений вряд ли велико.

Два урновых погребения (№№ 2, 32) определены как детские по схожести обряда и инвентаря и находке в одном из них детского зуба [Ю. В. Кухаренко 1961, с. 55, 58]. Три погребения являются кенотафами (№№ 11, 31, 34). Поскольку в детских погребениях и кенотафах обнаружено малое количество типов вещей и количество самих погребений мало, они непригодны для изучения их с помощью корреляционного метода.

Обратимся к исследованию совстречаемости типов вещей в «мужских» и «женских» погребениях. Каждый кластер сосудов обозначим как тип с тем же номером, а металлические вещи обозначим следующим образом: фибулы I хронологического

Рис. 4. Половозрастные группы погребений могильника Воронино.

1 — корреляция черт обряда могильника Воронино; 2 — группы погребений по содержанию категорий инвентаря и коррелирующим чертам обряда.

Черты обряда: 1. Наличие бус, бусинок и браслетов; 2. Расположение керамики на костях; 3. Наличие фибул с треугольным щитком; 4. Наличие двух фибул; 5. Расположение керамики на восточной оконечности распылки костей (с отклонениями); 6. Положение кружки в миску; 7. Лошение горшков; 8. Расположение керамики на западной оконечности распылки костей (с отклонениями); 9. Преднамеренная выщербленность сосудов; 10. Положение сосудов на бок; 11. Наличие золы в погребении; 12. Расположение керамики на южной или северной оконечности распылки костей (с отклонениями).

этапа зарубинецкой культуры — I, второго этапа — II, третьего этапа — III, провололочные фибулы среднелатенской конструкции — IV, многооборотные браслеты — V (периодизация полеского варианта зарубинецкой культуры принята по К. В. Каспаровой [1984]).

Корреляция типов вещей, содержащихся в погребениях двух групп и последующее изучение встречаемости рядов типов вещей, выстроенных в зависимости от частоты встречаемости в погребениях, позволили выделить четыре группы «женских» погребений и три группы «мужских» (рис. 5.1,2). Исследование типологических взаимосвязей выделенных групп погребений позволяет

синхронизировать их между собой по тем типам вещей, которые встречаются как в «женских», так и в «мужских» погребениях (рис. 5,3).

Таким образом, мы получили картину хронологического развития могильника Воронино. Погребения 1 фазы не содержат

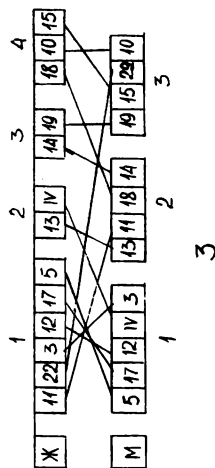
№ погребения	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
1		21	39	17	15							
2			34	11				12				
3				30				10	21			
4												
5												
6								16	11			
7								50	34	19	10	10
8									25	27	15	
9										17	15	
10												
11												
12												
№ погребения	12	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	группа
8	+	+										ЖЕНСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ
36	+				+	+						
40	+											
7	+					+						
42	+					+						
1	+					+						
21	+					+						
4	+	+	+			+	+					
19	+	+						+				
35	+							+				
47	+	+			+			+	+			
24	+				+	+	+	+	+			
37	+	+	+			+	+	+		+		
5	+	+								+		
33	+				+				+	+		
29	+	+	+	+					+			
25	+	+	+	+		+	+			+		
48	+					+	+	+		+		МУЖСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ
9	+					+	+	+	+			
16			+			+	+	+		+		
20					+	+	+	+	+			
27					+	+	+	+	+			
3					+	+	+	+	+	+		
14					+	+					+	
30					+	+	+					
17					+	+	+	+		+		
45					+	+	+					
50					+	+						
10					+	+		+			+	
26					+	+		+			+	
12					+	+						
15					+	+	+	+				
46					+	+	+	+				
44					+	+	+	+				
22					+	+	+		+			
48					+	+	+	+	+			
38					+	+	+	+	+			
39					+	+	+	+	+			
43							+	+	+	+		
23							+	+	+	+		

ОБЪЕМ	ПОСЛЕД.	ТАБЛИЦА	
		1	2
1	21 7 35 36 33 40	11 22 3 12 4 25 17 5 43 1 20 19 23 11 49 9 21 16 18 40 14 45 8	11 22 3 12 4 25 17 5 43 1 20 19 23 11 49 9 21 16 18 40 14 45 8
2	48 16 4	11 22 3 12 4 25 17 5 43 1 20 19 23 11 49 9 21 16 18 40 14 45 8	11 22 3 12 4 25 17 5 43 1 20 19 23 11 49 9 21 16 18 40 14 45 8
3	42 9 25	11 22 3 12 4 25 17 5 43 1 20 19 23 11 49 9 21 16 18 40 14 45 8	11 22 3 12 4 25 17 5 43 1 20 19 23 11 49 9 21 16 18 40 14 45 8
4	47 1 24 29 37	11 22 3 12 4 25 17 5 43 1 20 19 23 11 49 9 21 16 18 40 14 45 8	11 22 3 12 4 25 17 5 43 1 20 19 23 11 49 9 21 16 18 40 14 45 8

1

ОБЪЕМ	ПОСЛЕД.	ТАБЛИЦА	
		1	2
1	43 17 39 27	5 17 24 12 19 3 13 1 11 18 14 49 6 15 22 10 2 7	5 17 24 12 19 3 13 1 11 18 14 49 6 15 22 10 2 7
2	15 14 12	5 17 24 12 19 3 13 1 11 18 14 49 6 15 22 10 2 7	5 17 24 12 19 3 13 1 11 18 14 49 6 15 22 10 2 7
3	22 18 30	5 17 24 12 19 3 13 1 11 18 14 49 6 15 22 10 2 7	5 17 24 12 19 3 13 1 11 18 14 49 6 15 22 10 2 7

2

фибул с треугольным щитком, а погребение 25, в котором обнаружена фибула с восьмерками [Ю. В. Кухаренко, 1961, глбл. 40,15] попало в 3 фазу (рис. 5,1). Фибулы с треугольным щитком появляются во второй фазе женских погребений (рис. 6,49,60).

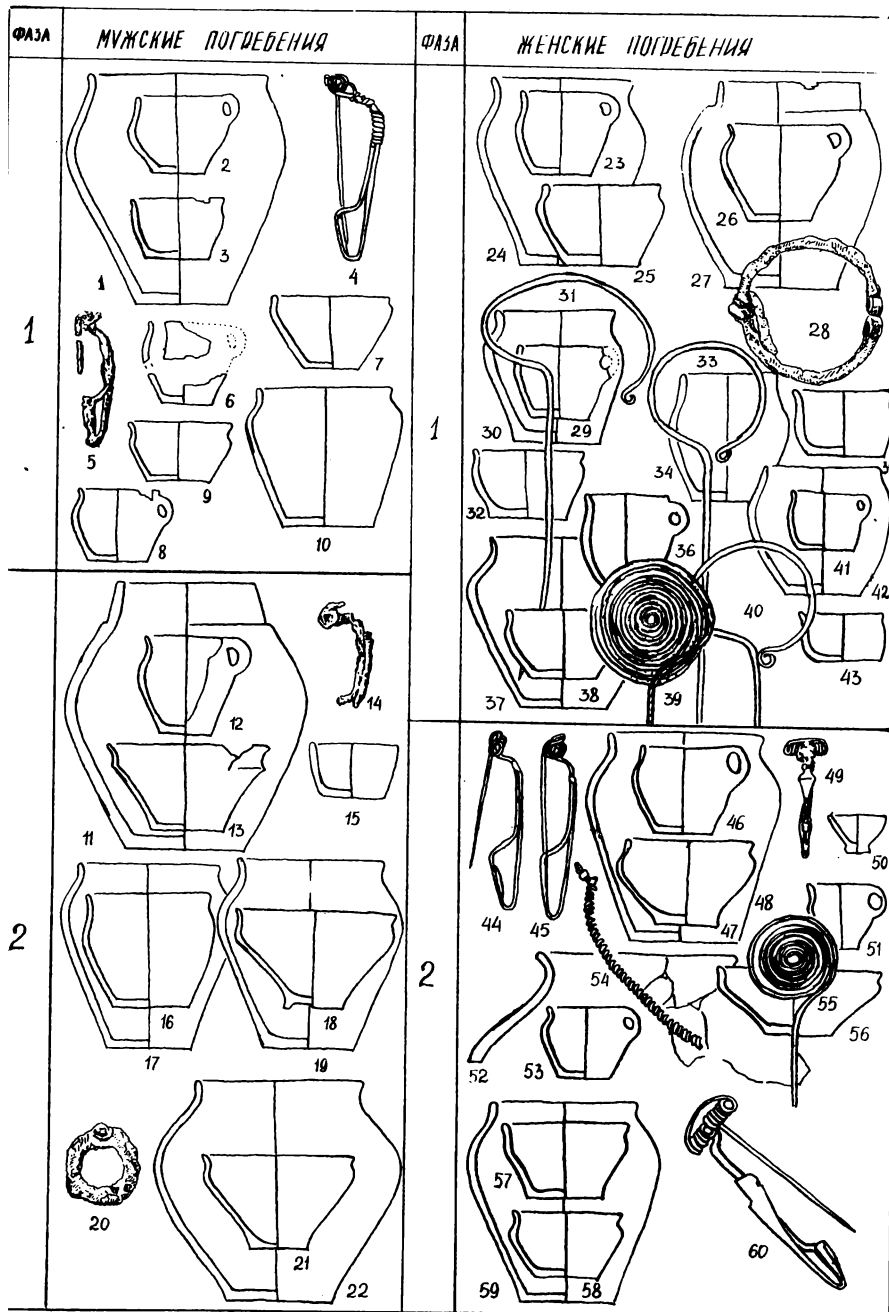
Погребения 1 фазы могут быть датированы по фибулам В-Костшевский. Эти фибулы в других латенизированных культурах появляются в самых ранних комплексах, которые могут быть синхронизированы с латеном C_{1b} [G. Domański 1975, tabl. XVIb,e; T. Dąbrowska 1988, S. 57] и выходят из употребления еще на ступени C_2 [K. Godłowski 1977, s. 167,186]. В зарубинецкой культуре они бытуют значительно дольше, вплоть до позднего латена [К. В. Каспарова, 1984, с. 115] и могут быть датированы достаточно широко — от C_{1b} до D_1 . Но по корреляции погребения могильника Воронино, в которых эти фибулы обнаружены, следуют раньше погребения 4, из которого происходит фибула I варианта (рис. 6,49), причем ни в какое другое положение переместить эти погребения невозможно: тогда нарушится вся корреляционная последовательность. Поскольку ранние фибулы с треугольным щитком, по-видимому, появляются около 180-170 гг. до н. э., погребения 1 фазы можно датировать более ранним временем, т. е. синхронизировать именно с латеном C_{1b} . В таком случае появляется возможность совместить ранние даты зарубинецких могильников и селищ.

Можно предположить, что процесс сложения зарубинецкой культуры происходил в два этапа, первый из которых практически синхронен времени образования других латенизированных культур на ступени C_{1b} , а второй связан с балканскими походами бастарнов.

Впрочем, единичный пример наличия «добалканской фазы» в могильнике Воронино вряд ли достаточен для того, чтобы доказать это предположение: отсутствие фибул с треугольным щитком в погребениях 1 фазы может быть и случайным. Поэтому мы попытаемся подкрепить высказанное предположение материалами могильника Корчеватое среднеднепровского варианта, в котором раскопано 103 погребения [И. М. Самойловский 1947; 1959].

К сожалению, эти материалы опубликованы недостаточно полно, что не позволяет разделить погребения по половозрастным группам при исследовании хронологии и применить кластерный алгоритм типологии керамики. Впрочем, в последнем нет особой необходимости, поскольку, в отличие от могильника Воронино, керамический комплекс могильника Корчеватое достаточно отчетливо распадается на ряд характерных форм.

Каждую такую форму можно обозначить как хронологический индикатор с соответствующим номером (рис. 7,5-14), так же, как и фибулы с треугольным щитком (рис. 7,1-3) и среднелатенской конструкции (рис. 7,4). Изучение встречаемости

хронологических индикаторов (рис. 7,15) и последующее исследование встречаемости индикаторов, выстроенных в хронологической последовательности, в погребениях, позволило разделить материалы могильника на три фазы (рис. 7,16). Нас интересуют в данном случае первые две (рис. 8).

В погребениях I фазы обнаружены фибулы варианта В-Костюшевский (рис. 8,2,3). В погребениях II фазы — фибулы с треугольным щитком, близкие II и III вариантам (рис. 8,19,23,28,29) [А. К. Амброз 1966, табл. 2,3-5]. По К. В. Каспаровой, такие фибулы появляются в фазе II, т. е. в конце II в. до н. э. [1984, с. 115-116]. Вместе с тем нельзя не отметить, что в могильнике Воронино фибулы I и II варианта обнаружены в погребениях одной фазы (рис. 6,49,60). Если считать это показателем их одновременности (хотя бы они и не совстречались непосредственно друг с другом), можно предположить, что фибулы I и II варианта появились в зарубинецкой культуре одновременно. Кстати, одновременность появления фибул I и III варианта в зарубинецкой культуре отмечал еще А. К. Амброз [1966, с. 15-16]. Этому не противоречат даты копьевидных фибул Югославии, где в погребениях конца III — начала II вв. до н. э. известны прототипы практически всех вариантов зарубинецких фибул с треугольным щитком (см. [С. П. Пачкова 1988, с. 21]). Следовательно, фибулы I, II и III варианта могли появиться в зарубинецкой культуре одновременно, около 180-170 гг. до н. э., хотя основное время бытования этих вариантов здесь, по-видимому, было несколько различным и перекрывалось лишь частично (ср. [С. П. Пачкова 1988, рис. 1,Г]).

Тогда фаза II могильника Корчеватое по фибулам может быть синхронизирована с более ранним временем, чем фаза II по К. В. Каспаровой, то есть с латеном C₂, а фаза I этого могильника — с латеном C_{1b}.

Итак, на материалах могильников Воронино и Корчеватое нами выделена фаза, которая могла предшествовать I фазе по К. В. Каспаровой. Выводы о ее синхронизации с латеном C_{1b}, хотя и носят предварительный характер, все же позволяют поставить вопрос об удревнении ранней даты могильников зарубинецкой культуры до 220-190 гг. до н. э., окончательно разрешить который удастся, по-видимому, после исследования аналогичным методом других зарубинецких могильников, в том числе тех, где есть погребения с вещами, характерными исключительно для латена C_{1b} (например, Велемичи I — см. [К. В. Каспарова 1984, рис. 2,3]).

Рис. 6. Ранние комплексы могильника Воронино.

1—4 — погр. 17; 5—7 — погр. 39; 8—10 — погр. 43; 11—13 — погр. 14; 14—17 — погр. 27; 18—20 — погр. 15; 21—22 — погр. 12; 23—25 — погр. 7; 26—28 — погр. 21; 29—32 — погр. 33; 33—36 — погр. 35; 37—39 — погр. 40; 40—43 — погр. 36; 44—48 — погр. 16; 49—56 — погр. 4; 57—60 — погр. 48.

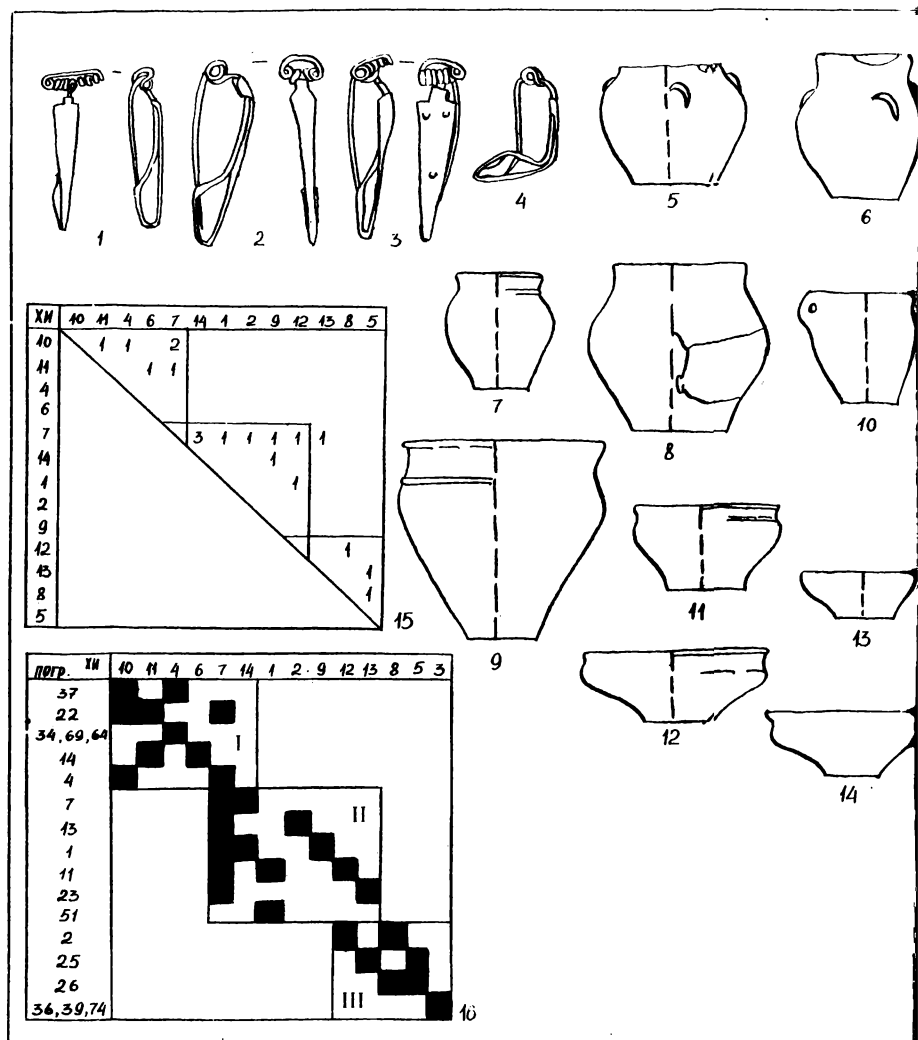

Рис. 7. Хронологические индикаторы могильника Корчеватое (1—14); совстречаемость хронологических индикаторов (15); хронология могильника (16)

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамова М. П. Нижне-джулатский могильник. Нальчик, 1972.
 Амброз А. К. Фибулы юга Европейской части СССР//САИ. 1966. Вып. Д1—30.
 Бабенчиков В. П. Некрополь Неаполя Скифского//История и археология древнего Крыма. 1957. Вып. 1.
 Василевич В. И. Что считать естественной классификацией?//Философские проблемы современной биологии. М.-Л., 1966.

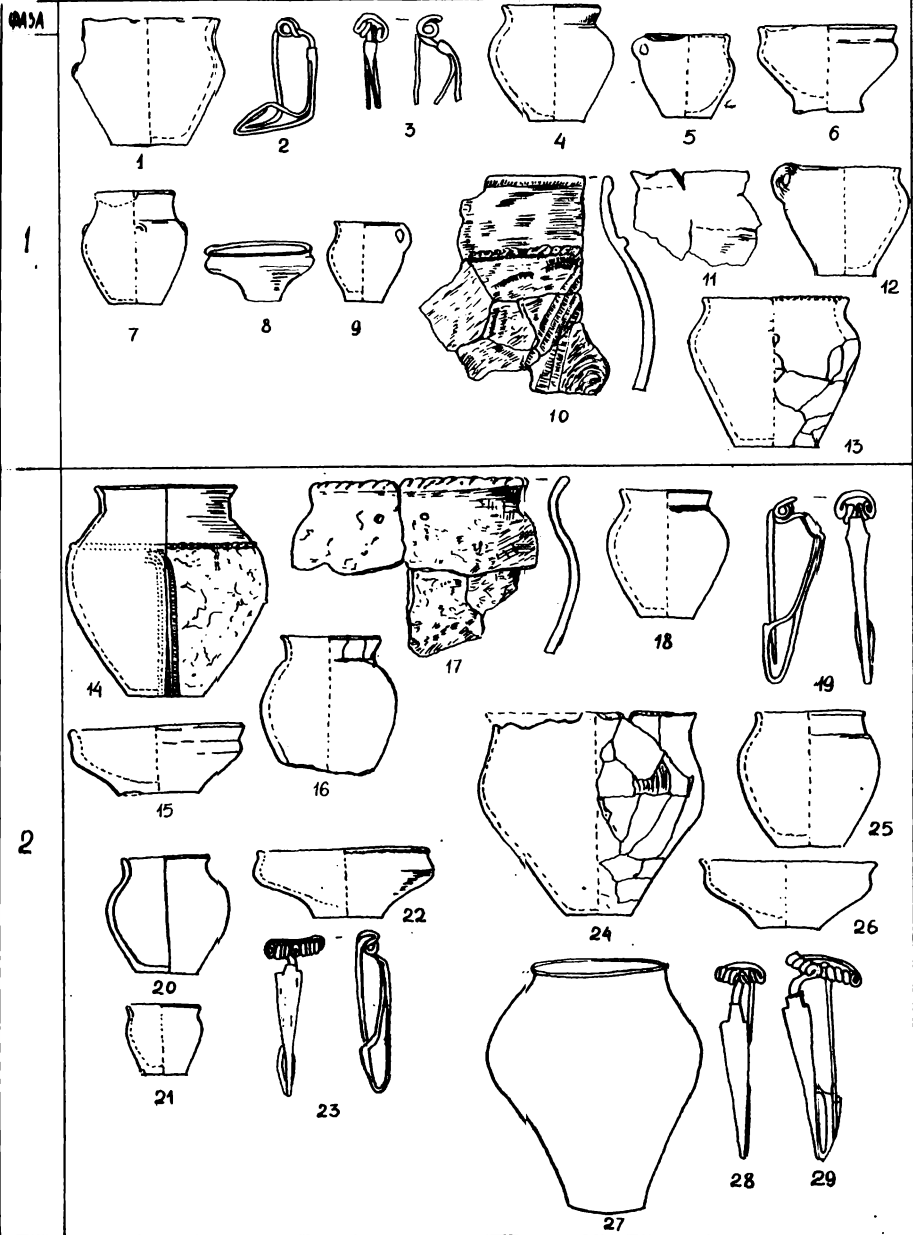

Рис. 8. Ранние комплексы могильника Корчеватое.

1—2 — погр. 37; 3 — погр. 3; 4—6 — погр. 22; 7—9 — погр. 14; 10—13 — погр. 4; 14—17 — погр. 7; 18—19 — погр. 13; 20—23 — погр. 11; 24—26 — погр. 1; 27—29 — погр. 51

Гулыга А. В. История как наука//Философские проблемы исторической науки. М., 1969.

Дюран Б., Оддел П. Кластерный анализ. М., 1977.

Игнатов В. Н. Катакомбы сарматского времени из курганов у ст. Хоперская//КСИА. 1986. Вып. 186.

Каменецкий И. С. Искусственные и естественные классификации в археологии//Проблемы археологии. Л., 1978. Вып. II.

Каменецкий И. С., Маршак Б. И., Шер Я. А. Анализ археологических источников. Возможности формализованного подхода. М., 1975.

Каспарова К. В. Новые материалы могильника Отвержицы и некоторые вопросы относительной хронологии зарубинецкой культуры Полесья//АСГЭ, 1976. Вып. 17.

Каспарова К. В. О фибулах зарубинецкого типа//АСГЭ. 1977. Вып. 18.

Каспарова К. В. Некоторые типы фибул зарубинецкой культуры (к вопросу о ранней дате и юго-западных связях)//Проблемы археологии. Л., 1978. Вып. II.

Каспарова К. В. Роль юго-западных связей в процессе формирования зарубинецкой культуры//СА. 1981. № 2.

Каспарова К. В. Зарубинецкая культура в хронологической системе культур эпохи латена//АСГЭ. 1984. Вып. 25.

Каспарова К. В. Об одном из возможных компонентов зарубинецкого погребального обряда//СА. 1988. № 1.

Культура и цивилизация. Тезисы докладов. М., 1984.

Кухаренко Ю. В. Памятники раннего железного века на территории Полесья//САИ. М., 1961. Вып. Д1—29.

Лебедев Г. С. Археологический тип как система признаков//Типы в культуре. Л., 1979.

Линдсей П., Норман Д. Переработка информации у человека. М., 1974.

Максимов Е. В. Зарубинецкая культура на территории УССР. Киев., 1982.

Михлин Б. Ю. Фибулы Беляусского могильника//СА. 1980. № 3.

Молев Е. А. Митридат Евпатор: создание Черноморской державы. Саратов, 1974.

Обломский А. М. О хронологии некоторых типов фибул зарубинецкой культуры//СА. 1983. № 1.

Обломский А. М. Классификация керамики верхнеднепровского варианта зарубинецкой культуры (по материалам Чаплинского могильника)//СА. 1985. № 1.

Обломский А. М. Опыт классификации и хронологии фибул с треугольным щитком на ножке (т. н. зарубинецких)//КСИА. 1986. Вып. 186.

Пачкова С. П. Фибул зарубинецкого типа//Археология. 1988. Вып. 62.

Пачкова С. П., Романовская М. А. Памятники Карпато-Днестровского региона конца I тыс. до н. э.//Славяне на Днестре и Дунае. Киев, 1983.

Погребова Н. Н. Погребения в мавзолее Неаполя Скифского//МИА, 1961. № 96.

Рао С. Р. Кластер-анализ в применении к изучению перемешивания рас в популяции людей//Классификация и кластер. М., 1980.

Самойловский И. М. Корчуватский могильник//Археология. 1947. Т. I.

Самойловский И. М. Корчеватовский могильник//МИА. 1959. № 70.

Смирнов К. Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1984.

Berciu D. Buridava Dacica. București, 1981.

Bujna J. Spiegelung der Socialstruktur auf Latènezeitlichen Gräberfelder im Karpatenbecken//PA. 1982. R. LXXIII. S. 2.

Clarke D. L. Analytical Archaeology. London, 1968.

Dąbrowska T. Bemerkungen zur Entstehung der Przeworsk—Kultur//Prähistorische Zeitschrift. 1988. Bd. 63. Hf. 1.

Domański G. Studia z dziejów środkowego Nadodrza w III—I w. p. n. e. Wrocław etc., 1975.

Godłowski K. Okres lateński w Europie. Kraków, 1977.

Haffner A. Zur absoluten Chronologie der Mittelatènezeit//Archäologisches Korrespondenzblatt. 1979. Jg. 9. Hf. 4.

- Klejn Leo S. Archaeological Typology//BAR. Internat. Ser. 1982. N. 153.
 Polenz H. Gedanken zu einer Fibel von Mittellatèneschema aus Kayserý in
 Mitteleuropa//Böner Jahrbucher. 1978. Bd. 178.
 Shchukin M. B., Eremenko V. E. Zur Frage der Datierung keltischer Altertümer
 im Transkarpatengebiet der Ukraine und einige Probleme der Latène—Chronologie//
 МАС (im Druck).
 Venclová N. Otázky etnické příslušnosti podmokelské a kobylské skupiny//
 Archeologické Rozhledy. 1973. R. 25.

В. Е. Еременко, В. Г. Журавлев

ХРОНОЛОГИЯ МОГИЛЬНИКА ЧАПЛИН ВЕРХНЕДНЕПРОВСКОГО ВАРИАНТА ЗАРУБИНЕЦКОЙ КУЛЬТУРЫ

Моги́льник Чаплин является самым крупным моги́льником зарубинецкой культуры: Ю. В. Кухаренко и Л. Д. Поболь раскопано 281 погребение [Ю. В. Кухаренко, 1959; Л. Д. Поболь 1973]. Л. Д. Поболь, исследуя хронологию моги́льника, выделил раннюю «дофибульную» стадию, генетически связанную, по его мнению, с милоградской культурой. В подтверждение этой гипотезы приведены некоторые черты обработки керамики и погребального обряда [Л. Д. Поболь 1971, с. 166-170, 174]. Несостоятельность хронологических изысканий Л. Д. Поболь убедительно показана К. В. Каспаровой, Д. А. Мачинским и М. Б. Щукиным [1976], поэтому мы не будем на них останавливаться.

Хронология моги́льника Чаплин, предложенная А. М. Обломским в III главе диссертации «Верхнеднепровский вариант зарубинецкой культуры» [1983а] и частично опубликованная [1983; 1985; 1986], заслуживает детального рассмотрения. Положительной ее стороной является то, что она основана на корреляции типов керамики и фибул, которые, в свою очередь, выделены с помощью математизированного алгоритма последовательного деления на классы. Вместе с тем ошибки в определении границ между группами значений признаков, повторяющиеся как в разделе, посвященном типологии керамики (см. статью [Г. Г. Абезгауз, В. Е. Ерёменко, В. Г. Журавлев, С. Ю. Каргопольцев в настоящем сборнике]), так и в разделе о фибулах [С. П. Пачкова 1988, прим. на с. 11, 18], отсутствие разделения погребений по полу и возрасту при исследовании хронологии позволяют сомневаться в адекватности фаз, полученных А. М. Обломским, исследуемому материалу. Некоторые несоответствия в его хронологии видны, что называется, невооруженным глазом. Например, I фаза характеризуется фибулами с треугольным щитком, и лишь в конце ее появляются провололочные среднелатенские

типа Г2 по типологии Ю. В. Кухаренко — А. М. Обломского [А. М. Обломский 1983а, с. 10-11], то есть варианта В-Костшевский в общепринятых терминах [J. Kostrzewski 1919, Abb. 2]. Поскольку и для могильника Воронино, и для Чаплина, как мы увидим ниже (рис. 3), фибулы с треугольным щитком — типично женский признак (в погребениях с женским инвентарем обнаружены и прототипы этих фибул в Югославии [Z. Marić 1968, Tabl. V, 1-22, VII, 16-37]), мы вынуждены заключить, что весь II в. до н. э. на могильнике хоронили исключительно женщин, и лишь на рубеже II-I вв. до н. э. начали хоронить мужчин.

Вызывает возражения и столь поздняя датировка появления фибул В-Костшевский: к рубежу II-I вв. до н. э., то есть к началу латена D₁, они уже вышли из употребления практически во всех латенизированных культурах, как и в собственно латенской [K. Godłowski 1977, s. 167, 186], и появиться в зарубинецкой культуре в это время им просто неоткуда. Исключение составляют, пожалуй, лишь позднескифские памятники, где фибулы среднелатенской конструкции обнаружены даже в комплексах I в. н. э. — например, в Красном Маяке¹, но они отделены от территории зарубинецкой культуры сарматами [К. Ф. Смирнов 1984, рис. 28], у которых нет фибул среднелатенской конструкции в столь поздних комплексах.

Принципиальные возражения вызывают и «широкие» датировки латенских фибул, основывающиеся у А. М. Обломского на обновлении завышенной хронологической схемы Я. Филиппа — Р. Хахмана — А. К. Амброза, которая в настоящее время кардинально пересмотрена в сторону удревнения [K. Godłowski 1977, s. 45-60, М. В. Shchukin 1989, p. 18-30; М. В. Shchukin, V. Е. Eremenko, im Druck]. Главной причиной, побуждающей нас вновь обратиться к исследованию хронологии могильника Чаплин, являются именно принципиальные расхождения с А. М. Обломским в вопросе о применимости к материалам зарубинецкой культуры датировок европейской хронологической системы латена: нам представляется, что если нет комплексов, свидетельствующих о запаздывании тех или иных общеевропейских типов вещей на территории Поднепровья по сравнению с другими латенизированными культурами, нет и оснований для более поздней или более широкой датировки этих вещей.

Кроме того, отказываясь применять достаточно узкие даты латенских типов фибул и значительно расширяя их, мы, по существу, лишаемся возможности определить, одновременно ли с ранними могильниками на Полесье и в Среднем Поднепровье был заложен Чаплин, а этот вопрос имеет принципиальное значение.

¹ Пользуюсь случаем поблагодарить автора раскопок О. А. Гей за предоставленную информацию.

Кластеры мисок могильника Чаплин

№ кластера	№№ погребений	№ кластера	№№ погребений
1	23, 94	20	203, 268, 264, 179, 29
2	103, 221, 254		222, 36, 269
3	27, 150	21	114, 118
4	116, 39, 205, 10	22	28, 1, 4, 248, 246
5	98, 84, 128, 156 126, 123	23	275, 213, 236, 260, 146
6	58, 149, 54, 53, 72		56, 218, 62, 241, 169
7	75, 184, 93	24	211, 141
8	209, 110		70, 278, 263, 139, 183
9	112, 9, 119, 214	25	48, 99, 162
10	65, 30, 105, 109, 14 12, 225, 89, 100, 117 243, 73, 173, 175, 280 132, 101	26	265, 272
11	277, 34, 125	27	145, 152*, 210, 252, 231, 178, 134
12	197, 225	28	216, 182, 204
13	109*, 212, 94*	29	111, 106, 40, 161
14	12, 41, 159, 15, 142, 43 143, 230, 96, 165	30	201, 192, 24
15	113, 63, 244, 237, 22 151, 130, 226, 256	31	59, 97, 196
16	194, 191, 144	32	19, 168, 207, 95
17	85, 60, 91, 261	33	185, 131, 44a, 267, 148
18	31, 251, 224, 234, 16, 63*	34	136, 249, 115
19	55, 140, 250, 147, 120, 152, 245, 240, 35, 129, 167, 50, 104, 258, 208, 33	35	49, 83, 38
			238, 163, 18, 86, 228

Для типологии чаплинской керамики нами применен кластерный метод, разработанный на материалах могильника Воронино (см. статью [Г. Г. Абезгауз, В. Е. Ерёменко, В. Г. Журавлев, С. Ю. Каргопольцев в настоящем сборнике]). С помощью этого метода выделено 35 кластеров мисок (№№ 1-35, табл. 1) и 5 кластеров горшков (рис. 1). Большой размер матрицы кластеров мисок (181 позиция) не позволяет привести ее полностью, и мы даем лишь конечный результат, сохранив последовательность кластеров (табл.).

Нумерация кластеров сосудов и других типов вещей принята сквозная: каждый кластер и тип обозначен как хронологический индикатор с соответствующим номером.

Для типологии среднелатенских фибул использована общепринятая европейская схема Й. Костшевского [J. Kozłowski 1919]. В погребениях могильника Чаплин обнаружены три типа таких фибул: В-Костшевский (рис. 2,64), Г/Н-Костшевский (рис. 2,65) и фибулы, по схеме близкие В-Костшевский, но с расплюсченной, узкопластинчатой спинкой (рис. 2,72).

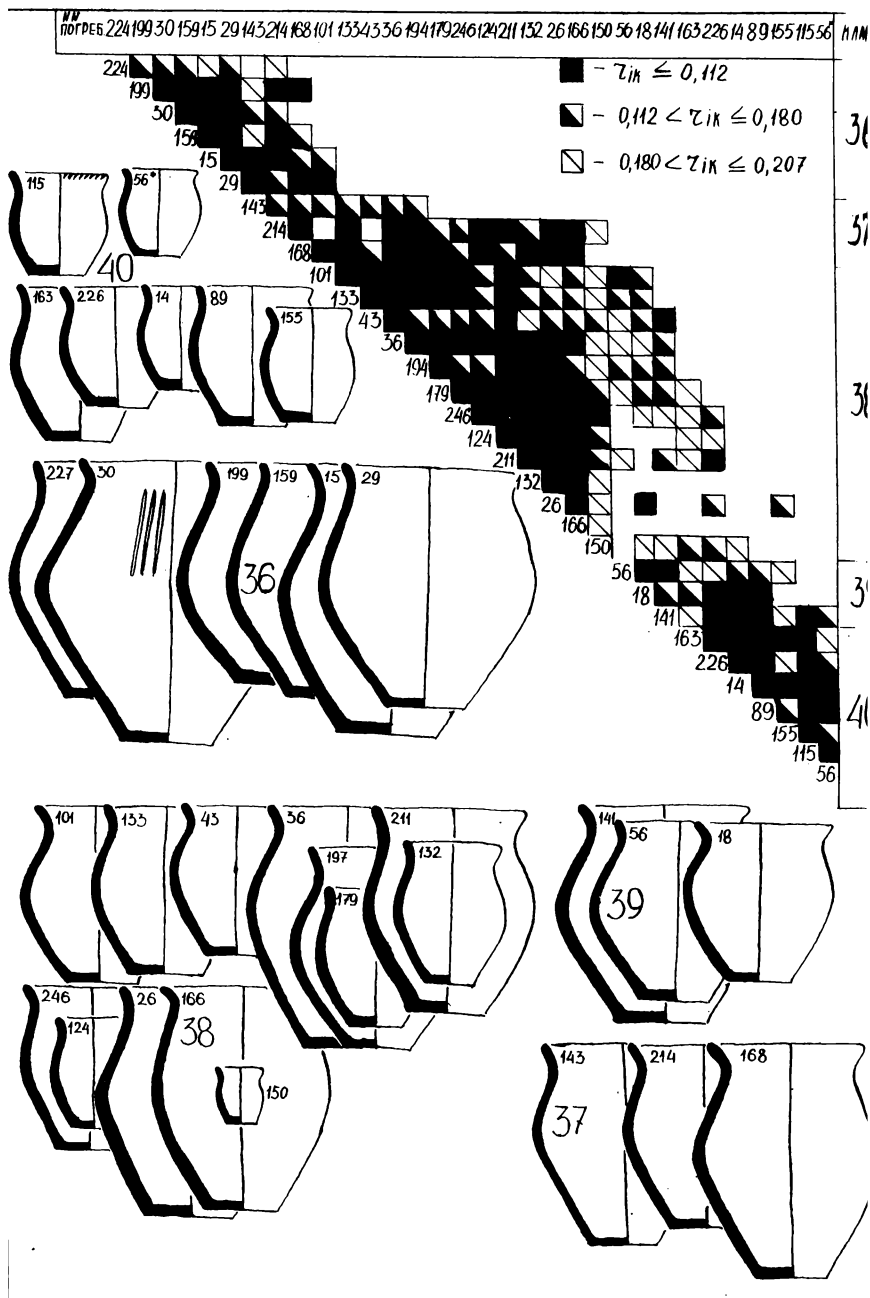

Рис. 1. Кластеры горшков могильника Чаплин.

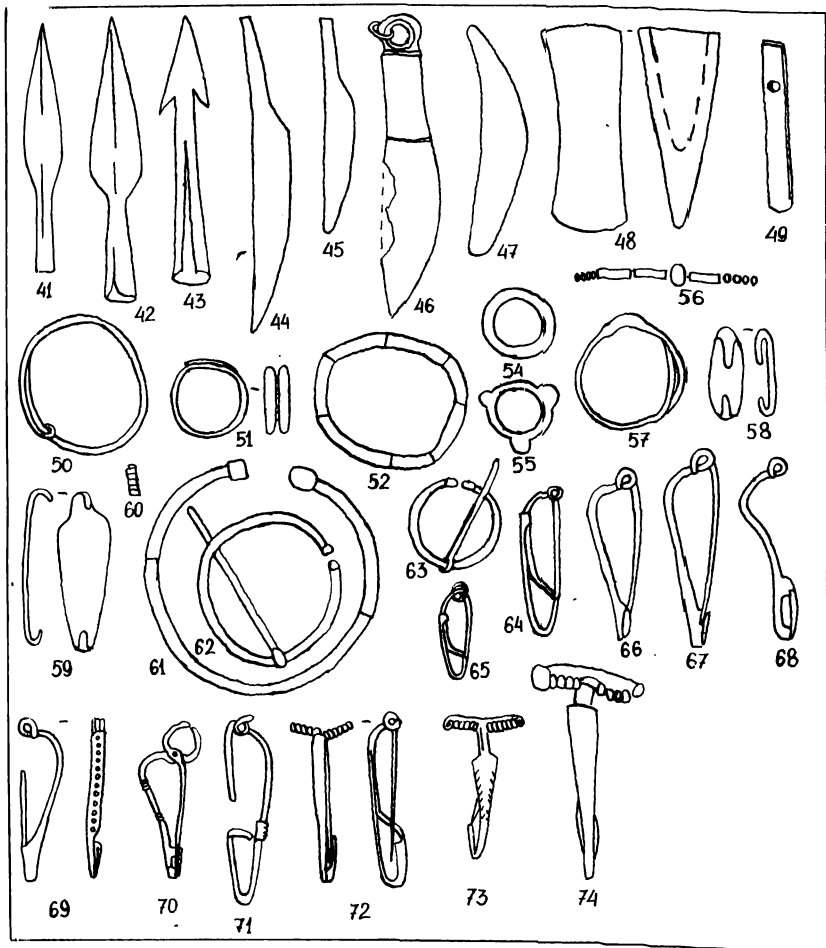

Рис. 2. Типы металлического инвентаря и некоторых других вещей.

Для типологии позднелатенских фибул, близких вариантам М, N, O-Костшевский, можно было бы применить типологические уточнения, сделанные К. В. Каспаровой [1981а, с. 15] или вовсе отказаться от типологии Й. Костшевского, как это сделали Ю. В. Кухаренко [1964] и А. М. Обломский [1983], но мы решили пойти другим путем, используя более общее типологическое членение по степени прогнутости спинки. По этому признаку фибулы позднелатенской конструкции могут быть разделены на три группы: непрогнутые (рис. 2,66), слабопрогнутые (рис. 2,67) и сильнопрогнутые (рис. 2,68). Причины, побудившие нас сгруппировать эти фибулы именно по степени прогнутости, станут ясны ниже.

В отдельные типы выделены подвязные (рис. 2,71) и щипцовая (рис. 2,70) фибулы, а также позднелатенская фибула с пластинчатой спинкой (рис. 2,69).

В типологии фибул с треугольным щитком мы следуем за А. К. Амброзом [1966]. Его типология, несомненно, нуждается в уточнении путем измерения параметров фибул. Но с поправками, сделанными А. М. Обломским [1986], вряд ли можно согласиться ввиду сомнительного способа разграничения групп значений признаков [С. П. Пачкова 1988, прим. на с. 11, 18]. Разработки С. П. Пачковой [1988] представляются гораздо более основательными, но, к сожалению, в ее статье не дана итоговая таблица разбивки фибул по вариантам, что не позволяет воспользоваться ее поправками.

Если обратиться к графикам пропорций фибул с треугольным щитком, предложенным А. М. Обломским [1986, рис. 1] и С. П. Пачковой [1988, рис. 4], нетрудно отметить, что отношение ширины щитка к его длине дает нормальное распределение, а достаточно четкое различие по соотношению длины щитка к длине свободного конца ножки позволяет лишь отделить I вариант от II, III и IV, причем последние три варианта и по этому параметру дают нормальное распределение и практически неразделимы. Кстати, границы на графиках такого рода могут проводиться только одним математически оправданным способом — в виде прямых, выходящих из начала координат, делящих координатное поле на ряд секторов, причем прямые проводятся в местах наибольшего разряжения признаков. Поэтому границы между группами значений признаков, проведенные А. М. Обломским [1986, рис. 1], неверны и с точки зрения формальных математических методов.

Вернемся к фибулам могильника Чаплин. А. К. Амброз отнес к I варианту фибулы из погребений 16, 67 и 72 [1966, с. 16]. В погребении 67 фибул нет: по-видимому, имелось в виду погребение 76, в котором как раз найдены две железные фибулы, соответствующие описанию А. К. Амброза [Л. Д. Поболь 1973, с. 91, рис. 30,14,15]. А. М. Обломский добавил к этому фибулы из погребений 103, 201 и 255 [1986, табл. 1]. По своим удлинненным пропорциям и отсутствию четкого деления щитка и свободного конца ножки они, в отличие от фибул I варианта из могильников Воронино и Велемичи, близки II варианту (см. [А. М. Обломский 1986, рис. 2, 1—4]). Резких отличий между I и II вариантами в могильнике Чаплин нет, поэтому при корреляции удобнее обозначить их как вариант I-II (рис. 2,73). Различия между II и III вариантами еще более условны, поэтому они обозначены как вариант II-III (рис. 2,74).

Подковообразные фибулы разделены на три типа путем статистического исследования их диаметра: большие (диаметр больше 9 см), средние (диаметр от 6 до 9 см) и маленькие (диаметр меньше 6 см — см. рис. 2,61-63). Типология копий принята

рис. 2,41-42) [R. a M. D. Wołagiewiczowie 1981]. Ножи разделены на 4 типа: с горбатой спинкой короткие (рис. 2,45) и удлинённых пропорций (рис. 2,44), серповидные (рис. 2,47). Железный нож с бронзовой рукоятью и кольцом (рис. 2,46) выделен в отдельный тип. В корреляционных таблицах учтены также точила, топоры—кельты, поясные крючки двух типов, кольца четырех типов и наборы бус (рис. 2,49-54).

Прежде, чем исследовать хронологию могильника Чаплин корреляционным методом, необходимо разделить погребения на женские и мужские (см. статью [И. А. Бажан, В. Е. Ерёмченко в настоящем сборнике]). Это сделано путем изучения совпадения категорий инвентаря и некоторых признаков погребального обряда (рис. 3). При этом признаки №№ 1-5 оказались мужскими, 12-19 — женскими, а 6-11 — характерными для обеих групп погребений. Таким образом, мужские погребения характеризуются наличием наконечников копий, дротиков, топоров-кельтов, ножей, точил, кусочков кремня-огнив и подковообразных фибул; женские — наличием пронизей, миниатюрных сосудов, браслетов, колец, бус (без учета бисера), фибул с треугольным щитком, нескольких фибул в одном погребении (последний признак характерен и для собственно кельтских женских погребений [J. Waldhauser 1987, Abb. 5,14, 16]). Интересно отметить, что погребения, определенные Т. С. Кондукторовой как детские по остаткам сожжений, в большинстве своем (22 из 40) оказались включенными в группу женских (рис. 3), что, по-видимому, свидетельствует о том, что маленьких детей хоронили по обряду матерей независимо от пола.

Деление погребений на женские и мужские по содержанию категорий инвентаря достаточно условно: здесь необходимо учитывать как нечеткость перехода от одной группы погребений к другой (рис. 3), так и отсутствие независимых критериев проверки. Вместе с тем только с помощью этого деления мы можем исследовать хронологию женских и мужских погребений раздельно, путем изучения корреляции типов вещей в погребениях каждой группы. Методика такого исследования изложена в статье [Г. Г. Абезгауз, В. Е. Ерёмченко, В. Г. Журавлев, С. Ю. Каргопольцев в настоящем сборнике].

На материалах могильника Чаплин выделено 4 фазы мужских и 5 фаз женских погребений (рис. 4; 5). Из 74 типов вещей, учтенных в корреляции, лишь 16 встречается и в мужских, и в женских погребениях, что практически сводит на нет возможность синхронизации фаз друг с другом по этим типам. Поэтому приходится соотносить с европейской хронологией периодизацию мужских и женских погребений по отдельности и лишь после этого синхронизировать их друг с другом.

Фазы могильников латенизированных культур позднего предримского времени (далес — IIIВ) можно синхронизировать и со ступенями латена, и с фазами собственно ППВ. На

подр. пог.	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	ПРОИЗН.
134,272																				
36																				
189																				
29																				
223,236																				
70*																				
140																				
244,99																				
232																				
113																				
84,258																				
204																				
18																				
224																				
220,15																				
39																				
168																				
156																				
55																				
277*																				
119																				
75,171																				
13																				
194,242																				
265,269																				
250																				
42																				
131																				
234																				
240																				
142																				
30																				
173																				
58																				
90																				
184*																				
191																				
231																				
152																				
125																				
129																				
117*																				
120																				
137																				
34																				
229																				
184																				
179,262																				
153																				
182																				
157																				
12																				
254*																				
147																				
121*																				
107*																				
188																				
278*																				

МУЖСКИЕ

ЖЕНСКИЕ

Рис. 3. Корреляция некоторых признаков обряда и категорий погребального инвентаря.

Признаки: 1. Копье, топор; 2. Огнivo, кремeнь; 3. Подковообразная фибула; 4. Нож; 5. Точило; 6. Остатки погребального-костра (уголь, зола); 7. Проволочная латенская фибула; 8. Горшок; 9. Кости черепа в погребении; 10. Круглая яма; 11. Яма не ориентирована по линии северо-запад — юго-восток; 12. Пронизи; 13. Миниатюрные сосуды; 14. Браслет; 15. Кольца; 16. Бусы (кроме бисера); 17. Фибула с треугольным щитком; 18. Две и более фибул в погребении; 19. Пест, зернотерка. Звездочкой отмечены детские погребения по определениям Т. С. Кондукторовой.

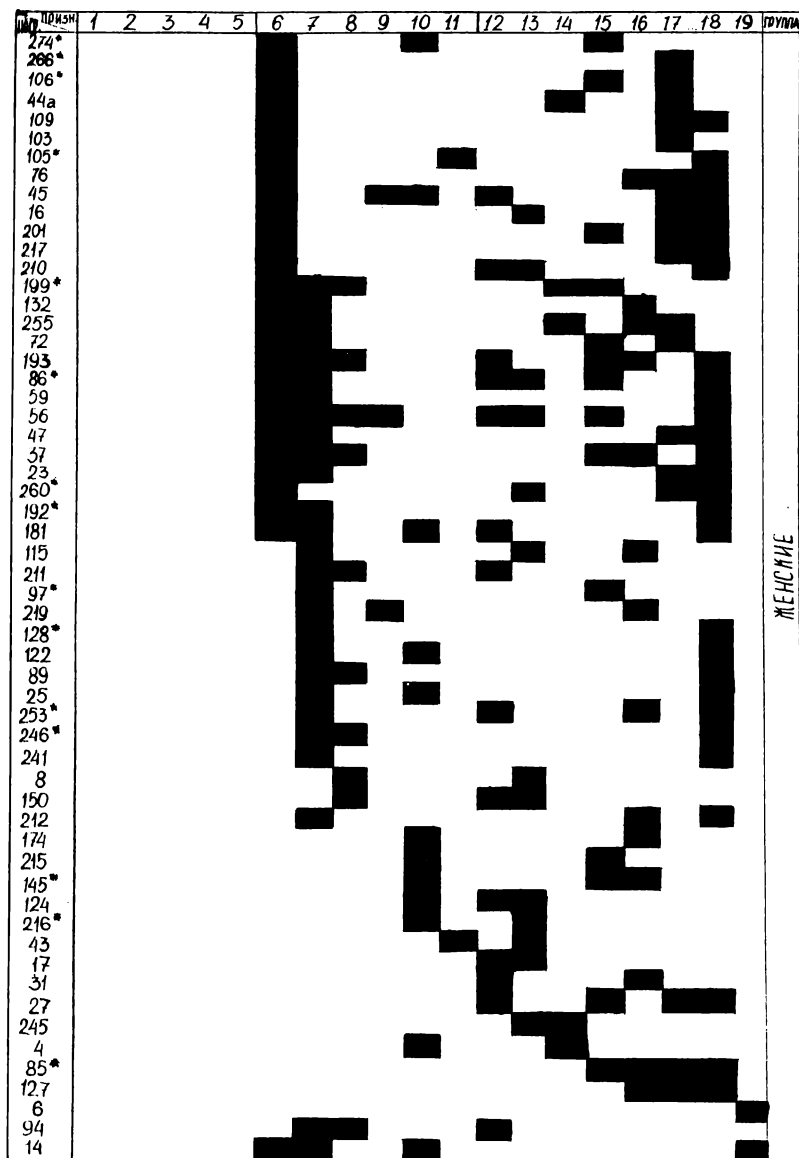

Рис. 3. Продолжение.

обоих путях перед нами встает ряд трудно преодолимых в рамках этой статьи препятствий. Первое из них заключается в том, что Р. Хахман при выделении фаз ППВ по каким-то причинам отказался от применения корреляционного метода сравнения

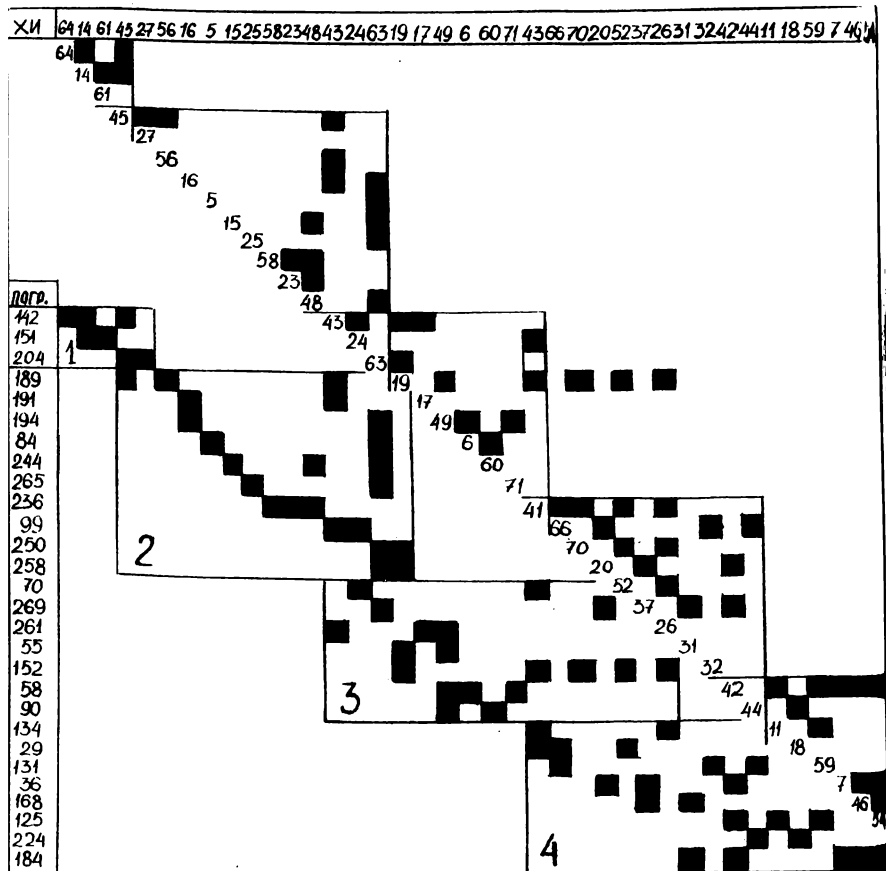

Рис.. 4. Корреляция хронологических индикаторов мужских погребений (номера ХИ соответствуют номерам на табл. 1, рис. 1, 2).

фаз отдельных могильников, и поэтому описание фаз ППВ в заключительной главе его книги [R. Nachmann 1961, S. 231-240] явно проигрывает в строгости метода и точности группировки материала предшествующим главам, в которых исследуются конкретные могильники. Реальное содержание фаз ППВ, таким образом, может существенно отличаться от того, что вкладывал в них Р. Хахман. Восполнить этот досадный пробел нетрудно путем корреляции между собой фаз могильников, выделенных им, но это уже тема специального исследования [М. Б. Шукин, В. Е. Ерёмченко, в печати].

Второе препятствие состоит в том, что некоторые фибулы (например, В-Костшевский), бытуют в зарубинецкой культуре значительно дольше, чем в других латенизированных. Это, по

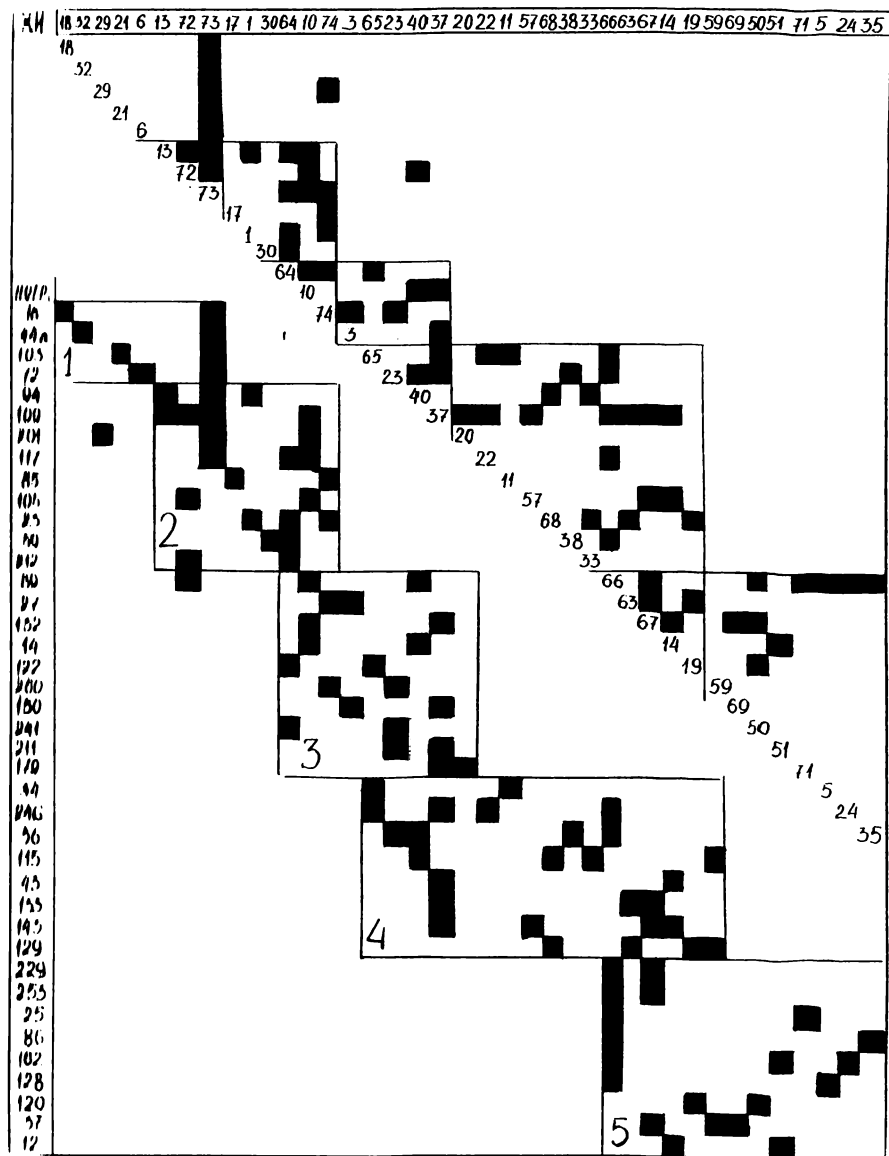

Рис. 5. Корреляция хронологических индикаторов женских погребений (номера ХИ соответствуют номерам на табл. 1, рис. 1, 2).

видимо, объясняется нарушением связей с ними где-то еще на ступени C_2 (отсутствие фибул вариантов С, F, малочисленность D/E, G/H-Костшевский), продолжающимся вплоть до ступени D_1 (отсутствие вариантов K, L, малочисленность J и на-

хаймских (см. [К. В. Каспарова 1984, с. 115—116]). В-третьих, в зарубинецкой культуре практически отсутствует целый ряд категорий вещей (поясные крючки, умбоны, наконечники копий), путем корреляции которых Р. Хахман выделял фазы могильников ППВ. И, наконец, неясна как типология фибул с треугольным щитком (см. [С. П. Пачкова 1988, с. 10-12]), так и относительная и абсолютная хронология I, II и III вариантов. Эти фибулы редко совстречаются со среднелатенскими проволочными (что, кстати, может быть объяснено их принадлежностью к разным костюмам — мужскому и женскому). Эволюционная типохронологическая схема этих фибул (от фибул с коротким узким щитком, покрывающим часть ножки, к фибулам с длинным широким щитком, покрывающим всю ножку (см. [К. В. Каспарова 1977, с. 74-76; С. П. Пачкова 1988, с. 21, рис. 1]), по-видимому, верна лишь в тенденции. Во всяком случае, судя по их совстречаемости между собой и с проволочными фибулами, все они появляются примерно в одно и то же время (в один период относительной хронологии), хотя основное время бытования (максимум находок) каждого варианта несколько различно: раньше всего выходят из употребления фибулы I варианта, позже всего — III [А. К. Амброз 1966, с. 15-16, табл. 1; А. М. Обломский 1986, с. 54-55, табл. 3].

Подытоживая, можно сказать, что в зарубинецкой культуре в целом и в могильнике Чаплин в частности из типов вещей ППВ, которые коррелировал Р. Хахман [R. Nachtmann 1961, Taf. 1-14], представлены лишь немногие, причем как правило те, что есть и в собственно латенской культуре. Поэтому на данном этапе удобнее синхронизировать фазы Чаплина со ступенями латена, абсолютные датировки которых в настоящее время значительно полнее аргументированы, чем фаз ППВ [М. В. Shchukin, V. E. Eretenko, im Druck].

Мужские погребения I-ой фазы по удлинённой бронзовой фибуле В-Костшевский из погребения 142 (рис. 6,1) могут быть синхронизированы с латеном C₂ [K. Godłowski 1977, s. 45]. В погребениях этой фазы обнаружены подковообразные фибулы (рис. 6,7,11), характерные для всего времени существования культуры: в могильнике Воронино такая фибула обнаружена в погребении 21, отнесенном к I фазе, по-видимому, синхронизирующейся с латеном C_{1b} [Г. Г. Абезгауз, В. Е. Ерёменко, В. Г. Журавлев, С. Ю. Каргопольцев, статья в настоящем сборнике, рисг. 6,28]. Подковообразные фибулы найдены на позднескифском Каменском городище [Б. Н. Граков 1954, с. 108, табл. XI,8], на городищах раннего железного века Северной Белоруссии [В. И. Шадыро 1985, рис. 40,4,5, 42,6], но их датировка на этих памятниках неясна. Подковообразные фибулы, обнаруженные на скифских памятниках, типологически иные [Л. Д. Поболь 1971, с. 105,108].

Предположение об увеличении диаметра таких фибул с те-

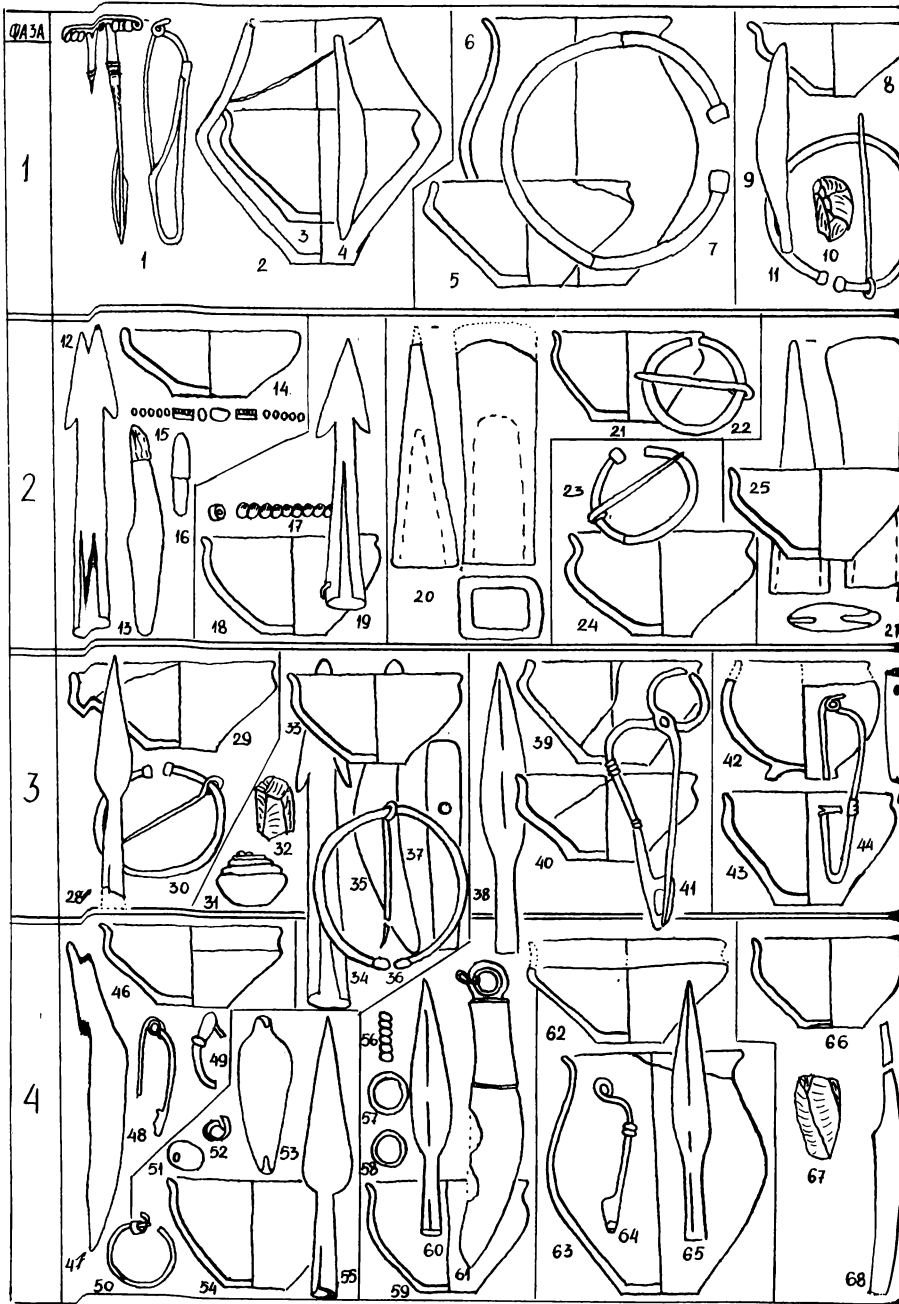
нием времени [Л. Д. Поболь 1971, с. 170] нашими наблюдениями не подтверждается. Они свидетельствуют скорее об обратном: в I фазе обнаружены фибулы большего диаметра, чем во II (рис. 6,7,11,22,23). Впрочем, малое количество хронологических наблюдений не позволяет однозначно определить, изменился ли диаметр фибул со временем.

В мужских погребениях 2-ой фазы найдены топоры-кельты (рис. 6,20,26), сравнимые с позднелатенскими [J. Filip 1956, tabl. CXXVIII,32—34; Z. Woźniak 1970, s. 127—128, Tabl. XL,2), и также наконечники дротиков (рис. 6,12, 19), аналоги которым известны на памятниках раннего железного века Литвы и Калининградской области III-II вв. до н. э. [А. Г. Митрофанов 1978, с. 37], Северной Белоруссии [В. И. Шадыро 1985, с. 62, рис. 37,2,4]. В оксывской культуре подобные дротики сочетаются в закрытых комплексах с позднелатенскими фибулами [R. a M. D. Wołagiewiczowie 1963, s. 31, Tabl. VIII,3, II,3). Скифские дротики, с которыми сравнивает чаплинские Л. Д. Поболь [1971, с. 105], типологически иные, со значительно более длинной втулкой [Л. К. Галанина 1977, табл. 9,15, 10,11,22].

По-видимому, фаза 2 синхронна позднему латену, а точнее — ступени D₁. В этом убеждает нас и то, что следующая, 3-я фаза может быть синхронизирована с концом D₁ и ступенью D₂, в пользу чего свидетельствует находка шипцовой фибулы (рис. 6,41) — деривата римского изделия ступени A₁ римского времени, синхронного латену D₂ [М. Б. Шукин, в печати, рис. 3,30; М. В. Shchukin 1989, Part II, III, 4,25] и подвязной (рис. 6,44), аналогичная которой в женском погребении 28 сочетается с фибулой ступени D₂ (рис. 7,66,67) [К. В. Каспарова 1986, рис. 2,16,19, с. 9]. Наконечники копий 3-й фазы находят аналогии в оксывской культуре [К. В. Каспарова 1986, с. 15]. Так, наконечник из погребения 70 (рис. 6,28) близок типу Ib («ланцетовидным»), которые в закрытых комплексах сочетаются с фибулами ступеней D₁ и D₂ [R. a M. D. Wołagiewiczowie 1963, s. 25-26, Tabl. III,12].

Позднелатенские фибулы, появляющиеся в погребениях фазы 4 (рис. 6,48,64), не оставляют сомнений в ее синхронизации с латеном D₂. Эту дату подтверждают и наконечники копий (рис. 6,55,60), сравнимые с вариантом IIc оксывской культуры [R. a M. D. Wołagiewiczowie 1963, s. 28, tabl. XVII,7). В погребении 184 вместе с таким наконечником обнаружен железный нож с бронзовой рукоятью и колечком (рис. 6,41), отнесение которого Л. Д. Поболем к «дофибульной» стадии вызывает удивление, тем более что близкие по форме ножи известны в позднем латене эпохи оппидумов [Л. Д. Поболь 1971, с. 168; Archeologické... 1980, obr. 125].

Вопрос о границе между 3 и 4 фазами проблематичен: обе они содержат вещи, характерные для латена D₂. Но в погребениях 4-ой фазы отсутствуют те типы вещей, которые появляются еще

на ступени D₁, различаются они и по керамическому комплексу, но не составляет сомнений в том, что фаза 4 несколько позже фазы 3.

Хронология женских погребений дает несколько иную картину (рис. 7). В погребениях 1-ой фазы обнаружены фибулы I-II варианта (рис. 7,1,2,4,7,11), которые появляются в зарубинецкой культуре в среднелатенское время, вероятно, около 180-170 гг. до н. э. [К. В. Каспарова 1984, с. 115, рис. 5].

В погребениях 2-й фазы одновременно с фибулами В-Костшевский (рис. 7,22) получают распространение их местные производные — фибулы со слегка расплющенной, узкопластинчатой спинкой (рис. 7,19) и фибулы варианта II-III (рис. 7,15,27,28).

Фаза 3 отличается от предшествующей по керамике и отсутствию фибул варианта I-II. По-видимому, эти две фазы синхронны концу латена C₂ и ступени D₁, то есть именно тому периоду, когда связи зарубинецкой культуры с латенской и латенизированными временно прервались.

В погребениях 4-й фазы обнаружены фибулы G/H-Костшевский (рис. 7,43,46), причем в погребении 246 — в сочетании с прогнутой фибулой ступени D₂. В нескольких погребениях найдены прогнутые фибулы (рис. 7,52,54,55) этой ступени.

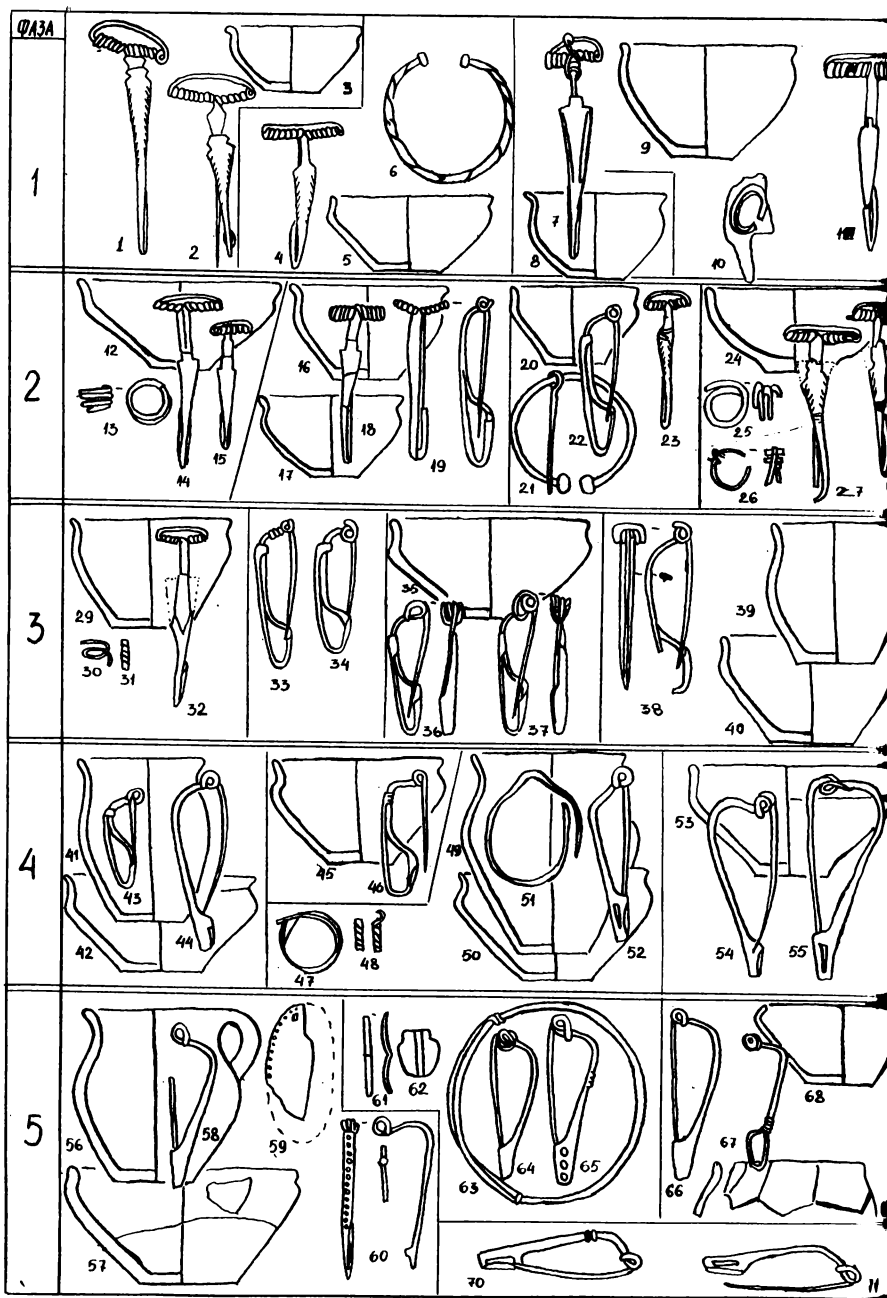
Слабопрогнутые фибулы характерны для фазы 5 (рис. 7,58, 11,64,65,66,70,71), здесь же обнаружена и подвязная (рис. 7,67).

Таким образом, 1-ая фаза женских погребений и 1-ая мужских может быть синхронизирована с латеном C₂, то есть со 180—120 гг. до н. э.; 2-я и 3-я фазы женских и 2-я фаза мужских — с латеном D₁, то есть со 120-60 гг. до н. э.; 4-ая фаза женских и 1-я фаза мужских — с латеном D₂, то есть с 60-15 гг. до н. э. (абсолютные даты периодов латена см. [М. В. Shchukin, V. E. Eгешенко, im Druck; М. В. Shchukin 1989, III. 5a]).

Сложнее обстоит дело с 4-ой фазой мужских и 5-ой фазой женских погребений. На первый взгляд, их следовало бы синхронизировать с латеном D₂. Но при более внимательном рассмотрении оказывается, что самые поздние фибулы Чаплина, происходящие из погребений этих фаз — слабопрогнутые и непрогнутые (рис. 6,48,64, 7,60,64-66,70,71), в то время как поздние фибулы ступени D₂ — сильнопрогнутые (K. Godłowski 1977, Tabl. IX, 11,15,30,31), близкие которым в Чаплине соответствуют 4-ой фаза женских погребений (рис. 7,54,55). Слабопрогнутые фибулы, близкие чаплинским, характерны для римского времени ступени A₁ [М. Б. Щукин, в печати, рис. 3,35,36; М. В. Shchukin 1989, Part II, III. 4,31]. Слабопрогнутая фибула с отверстиями на

Рис. 6. Хронология мужских погребений.

1 4 — погр. 142; 5—7 — погр. 151; 8—11 — погр. 204; 12—16 — погр. 189;
17 19 — погр. 191; 20—22 — погр. 244; 23—24 — погр. 194; 25—27 — погр. 236;
28 30 — погр. 70; 31—37 — погр. 261; 38—41 — погр. 152; 42—45 — погр. 58;
46 49 — погр. 131; 50—55 — погр. 125; 56—61 — погр. 184; 62—65 — погр. 29;
66 68 — погр. 224.

приемнике из погребения 239 (рис. 7,65) может быть сравнена с римской Альмгрен-68 [М. Б. Шукин, в печати, рис. 3,6].

Все это убеждает нас в том, что последние фазы женских и мужских погребений синхронны уже не латену D₂, а времени доживания латенских традиций в культурах ППВ в условиях распространения влияния провинциально-римской культуры, охватывавшего период от 15 г. до н. э. по 30-40 гг. н. э. [К. В. Каспарова 1986; М. Б. Шукин, в печати], механизм которого остается пока неясным (подробнее см. [М. Б. Шукин, В. Е. Еременко, в печати]).

Таким образом, могильник Чаплин был заложен во II в. до н. э., скорее ближе к его середине или даже концу, о чем свидетельствует малое количество погребений I фазы, и наиболее активно использовался в позднелатенское время, в конце I в. до н. э. — начале I в. н. э., когда было совершено 90 процентов всех датированных погребений. Не противоречат распространению этой датировки на весь верхнеднепровский вариант зарубинецкой культуры материалы поселений и могильника Горошков: изделий, которые могут быть синхронизированы исключительно с латенем C₂, здесь обнаружено исчезающе малое количество, большинство находок синхронизируется с позднелатенским временем [А. М. Обломский 1983а, с. 14-15].

Рассмотрение горизонтальной стратиграфии могильника (рис. 8) лишь отчасти подтверждает картину его хронологического развития от центра к краям, предложенную Л. Д. Поболем [1971, рис. 70] и поддержанную А. М. Обломским [1983а, с. 11]. Самые ранние погребения очерчивают практически всю территорию, использовавшуюся позднее, но вследствие их малочисленности создается впечатление, что более поздние погребения как бы «расширяют» ее. На самом деле может быть выделена лишь одна окраина могильника, освоенная позже других — юго-западная, в районе раскопа «и» (рис. 8).

По вопросу о происхождении верхнеднепровского варианта зарубинецкой культуры можно отметить следующее. Если исходить из определения поздней даты поморской культуры по латенским фибулам ступени B₁ [Z. Woźniak 1979, tabl. 3, VIII], закончившейся около 330 гг. до н. э. [М. В. Shchukin, V. E. Eremenko, in Druck; М. В. Shchukin 1989, Ill. 5a] и немного более поздней датировки конца милоградской культуры по импортам ступени B₂, 280-ми гг. до н. э. [В. Е. Еременко 1989], то между этими культурами и ранними комплексами Чаплина ступени C₂ образуется лакуна длительностью от 100 до 150 лет. Это не позволяет

Рис. 7. Хронология женских погребений.

1—3 — погр. 16; 4—6 — погр. 44а; 7—8 — погр. 103; 9—11 — погр. 72; 12—14 — погр. 201; 16—19 — погр. 109; 20—23 — погр. 117; 24—28 — погр. 85; 29 — 32 — погр. 27; 33—34 — погр. 122; 35—37 — погр. 241; 38—40 — погр. 89; 41—44 — погр. 246; 45—46 — погр. 34; 47—52 — погр. 143; 53—55 — погр. 129; 56 — 60 — погр. 137; 61—65 — погр. 239; 66—69 — погр. 25; 70—71 — погр. 253.

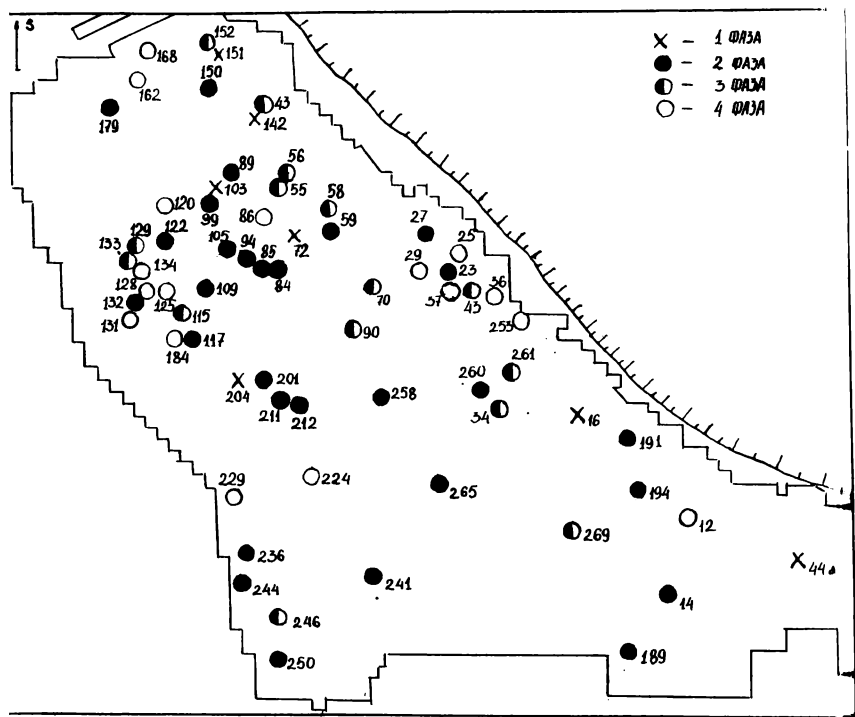

Рис. 8. Горизонтальная стратиграфия могильника.

согласиться с тем, что памятники типа Горошков-Кистени формировались на поморско-милоградской основе [А. М. Обломский 1985а]. Сходство ранней зарубинецкой и, в частности, ранней чаплинской керамики с позднепоморской ничуть не выше, чем с синхронной восточноясторфской, причем существование ясторфской культуры в последних веках до н. э., в отличие от поморской, не вызывает сомнений [В. Е. Ерёменко 1988]. Впрочем, в данном случае выбор аналогий не столь уж важен: массовое использование могильника Чаплин начинается в то время, когда зарубинецкая культура уже сложилась. Во всяком случае, материалы женских погребений мало чем отличаются от женских погребений других вариантов культуры, за исключением отсутствия в Чаплине фибул IV варианта, что, возможно, свидетельствует о нарушении связей с остальной территорией культуры в период их появления, видимо, где-то на ступени I, [К. В. Каспарова 1984, рис. 5].

Практически все отличия могильника Чаплин и верхнеднепровского варианта культуры от других заключаются в особенностях мужских погребений — погребений воинов, в которых полностью отсутствует юго-западный, балканский компонент культуры и очень ощутимы позднескифский, оксывский и ясторф-

иный компоненты (кстати, здесь уместно вспомнить о слабой численности мужских и женских погребений по типам вещей — лишь 10 типов из 74, то есть 21 процент, общие и для женщин, и для мужчин).

К проявлению позднескифского компонента могут быть отнесены нагубник (рис. 9,16,35), точила (рис. 9,15,31), игольник (рис. 9,14,36) и, с меньшей степенью вероятности, подковообразные фибулы, браслеты со скользящим замком, сосуды на кольцевых поддонах и миски с загнутым внутрь венчиком (рис. 9,11-13,32-34). Аналоги этим вещам происходят из могил Неаполя Скифского, датированных фибулами неапольского варианта и среднелатенской конструкции [Э. А. Сымонович 1983, табл. IX,8, XXII,3,7, XXV,2—5,9, XXXVII,37—39].

Оксывскому влиянию можно приписать обычай помещения оружия в могилы и сами типы наконечников копий и дротиков (рис. 9,17—19,37—39) [R. a M. D. Wołągiewicz 1963, Tabl. III,1,12; VII,3; XII,3].

И, наконец, ясторфский компонент представлен поясными крючками (рис. 9,10,20,24) [H. Keiling 1969, Taf. 17,2], топорами — кельтами (рис. 9,2,23) [St. Hvass 1985, Pl. 154a], которые, впрочем, известны и в латенской культуре (см. выше) и керамикой (рис. 9,1,3-9,21-23,25-30), сравнимой с керамикой Ютландии периодов II (III-II вв. до н. э.) и в особенности IIIa (II в. до н. э. — рубеж эр) по К. Беккеру [C. J. Becker 1961, 290-291, Pl.60d, 71a, 76h, 77k; St. Hvass 1985, Pl. 18h, 133j, 137h].

Дать объяснение появления столь странного симбиоза культурных компонентов в мужских погребениях могильника Чаплин в рамках привычной теории «контактов» вне времени, места, конкретной исторической ситуации было бы нетрудно. Но можно пойти и другим путем — попытаться предложить гипотезу, объясняющую этот «симбиоз», основываясь на некоторых сведениях, дошедших до нас античными письменными источниками о передвижениях древних народов.

В сохранившемся в «Жизнеописаниях» Плутарха фрагменте «Истории» Посидония Апамейского, охватывавшей 145-82 гг. до н. э. [М. И. Ростовцев, 1925, с. 39-40; В. В. Латышев 1904, I, с. 487-488], упоминаются кельтоскифы и кимвры на берегах Мелитиды. При внимательном прочтении этот фрагмент распадется на две части, судя по всему, смешанных механически. Первую часть мы отметим цифрой (1), вторую — (2). Текст до звездочки принадлежит Плутарху.

Итак: «(1) Кимвры ни с кем не вступали в сношения, а та страна, из которой они явились, была так обширна, что никто не знал, что это за люди и откуда они, словно туча, надвинулись на Италию и Галлию. Большинство предполагало, что

² Отрывок приведен в переводе С. Ошерова

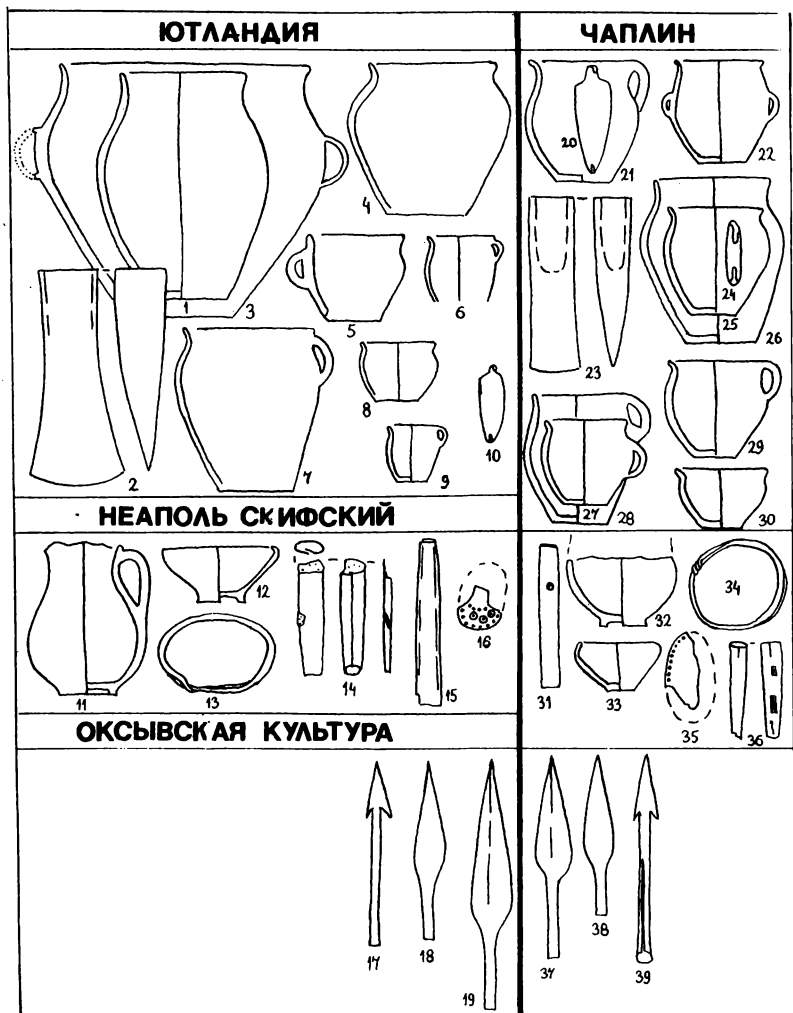

Рис. 9. Вещи позднескифского, ясторфского и оксывского происхождения и их аналоги

1, 8 — Гердинг, жил. II; 2, 5 — Холде; 3 — Холде, жил. XLIV; 4 — Хвиндерун; 6 — Реген; 7 — Холде, жил. XVIII; 9 — Грентофт, жил. А; 10 — Кляйн Ворнов; 11—16 — Неаполь Скифский: 11 — мог. 75; 12, 14 — мог. 4; 13, 15 — мог. 54; 16 — мог. 34; 17—19 — оксывская культура: 17 — Варшково; 18 — Пулхлеб; 19 — Жатки; 20—39 — могильник Чаплин: 20 — п. 125; 21, 35 — п. 7; 22 — п. 147; 23—24 — п. 136; 25 — п. 18; 26, 37 — п. 36; 27 — п. 144; 28 — п. 233; 29 — п. 235; 30 — п. 75; 31 — п. 261; 32 — п. 58; 33 — п. 259; 34 — п. 222; 36 — п. 77; 38 — п. 134; 39 — п. 189

они принадлежат к германским племенам, живущим около Северного Океана, как свидетельствуют их огромный рост, голубые глаза, а также то, что кимврами германцы называют разбойников*. Но некоторые утверждают, будто земля кельтов так ве-

ими и обширна, что от Внешнего моря и самых северных обитателей обитаемого мира простирается на восток до Меотиды и граничит со Скифией Понтийской. Здесь кельты и скифы смешиваются и отсюда начинается их передвижение; и они не стремятся пройти весь свой путь за один поход и не кочуют непрерывно, но, каждое лето снимаясь с места, продвигаются все дальше и дальше и уже долгое время ведут войны по всему матерiku. И хотя каждая часть племени носит свое имя, все войско носит общее имя кельтоскифы. (2) Третьи же говорили, что киммерийцы, знакомые в старину грекам, составляли только небольшую часть племени, ибо это были лишь предводимые неким Лигдамидом мятежники и беглецы, которых скифы вынудили переселиться с берегов Меотиды в Азию, (1) а что самая большая и единственная часть киммерийцев живет у Внешнего моря, в стране столь лесистой, что солнце там никогда не проникает сквозь чащи высоких деревьев, простирающихся до самого Герцинского леса. Небо в тех краях таково, что полюс стоит чрезвычайно высоко и вследствие склонения параллелей почти совпадает с зенитом, а дни и ночи — равной длины и делят год на две части» [Plut., Mar., XI].

Если пласт сведений (1) содержит более или менее реальные данные о кельтоскифах и кимврах, то второй пересказывает фантастическую версию о родстве киммерийцев и кимвров. Именно второй пласт сведений и послужил, вероятно, причиной того, что М. И. Ростовцев в свое время считал кельтоскифов и кельтиберов созданием фантазии Посидония [М. И. Ростовцев 1925, с. 39—40]. Реальность существования кельтиберов сейчас уже не вызывает сомнений (историю вопроса и библиографию см. [А. Л. Монгайт 1974, с. 292—309]). В то же время данные о кельтоскифах и кимврах на берегах Меотиды до сих пор кажутся фантастическими. Вместе с тем, если отнести отождествление киммерийцев и кимвров за счет бытовавшей в античное время традиции удревнения описываемых народов и учесть, что Посидоний в передаче Страбона пытался смягчить это явно режущее слух отождествление с помощью «народной этимологии» («Посидоний... недурно предполагает, что кимвры, будучи разбойниками и кочевниками, совершали походы даже до местностей по Меотиде и что от них-то получил название Киммерийский Боспор, то есть как бы Кимврнйский, ибо греки называли кимвров киммерийцами» [Strabo, VII,22]), то в сообщении Посидония можно попытаться отыскать зерно истины.

Страбон сообщает: «Посидоний был другом Помпея, совершившего поход против иверов и албанцев до морей, находящихся по обе стороны их, то есть Каспийского и Колхидского» [Strabo, XI, 1]. Если «кельтоскифский» пласт сведений Посидония отнести к промежутку между 145 г. до н. э., которым начиналась его «История» в 52-х книгах, и 120-ми гг. до н. э., когда кимвры действуют уже далеко на западе, то окажется, что Посидоний

мог получить сведения о кельтоскифах от Помпея приблизительно через полвека после описываемых событий, так как поход состоялся в 66-65 гг. до н. э. Он был направлен против союзников Митридата Евпатора, следовательно, непосредственно затрагивал и скифов, поддерживавших понтийских царей вплоть до 63 г. до н. э. Скифы тоже были врагами Рима, а своих врагов полководец Помпей должен был знать хорошо.

Почему же Посидоний отождествил кимвров и кельтоскифов? Ведь после 120-х гг. до н. э. кимвры уже были хорошо известны римлянам, и ни один античный источник не называет их ни кельтами, ни скифами. Самое интересное — то, что Посидоний не отождествляет кимвров с германцами, как это делают все более поздние источники, в частности, Плутарх в предисловии к отрывку из Посидония. Здесь можно предложить следующее объяснение. Термин «германцы» был использован уже самим Посидонием, но не в собирательном значении, а по отношению к племени, живущему на левом берегу Рейна. Собирательным этот термин стал лишь после восстания Спартака, а окончательное его значение как общего названия группы северных варваров утвердилось лишь во времена Тацита [К. Godłowski 1977, s. 18]. В то же время доказано, что существовала обширная группа племен «между кельтами и германцами» [R. Hachmann, G. Kossack, H. Kühn 1962], сочетающая в себе черты как одних, так и других варваров. Судя по всему, к таким «промежуточным» племенам и следует отнести кимвров Посидония, как и предшествующих им бастарнов, которых античные источники называли то кельтами, то германцами, а то и вовсе фракийцами [R. Vulpe 1955, p. 14]. Связь кимвров с кельтами в таком случае становится объяснимой. Сложнее обстоит дело с объяснением связи кимвров со скифами.

Географическое расположение Кельтики, описанное Посидонием, согласуется с реальностью второй половины II — начала I в. до н. э. только в том случае, если под «Кельтикой» понимать не только территорию, занятую собственно кельтами, но и территорию племен, подвергшихся сильному кельтскому влиянию, то есть носителей латенизированных культур позднего предримского времени — оксывской, пшеворской и зарубинецкой, которая действительно тянется от «Внешнего» моря в сторону Меотиды. Но где же могло произойти смешение «кельтов» со скифами? Если в могильнике Чаплин позднескифские элементы прослеживаются достаточно четко, то этого нельзя сказать о зарубинецких могильниках Среднего Поднепровья. Относить кельто-скифское смешение на счет непосредственного территориального контакта зарубинецкой и позднескифской культур вряд ли правомерно еще и потому, что все время существования зарубинецкой культуры от поздних скифов ее отделяют сарматы [К. Ф. Смирнов 1984, рис. 28].

Здесь следует обратить внимание на еще одно сообщение

Страбона, относящееся к рубежу II—I вв. до н. э.: «Все эти племена (скифы и сарматы) и племена бастарнов смешались как с теми фракийцами, которые живут по ту сторону Истра, так и с теми, которые живут по эту сторону реки» [Strabo, VII,3,4]. Это сообщение может быть поставлено в один ряд с сообщением о смешении кельтов и скифов у Меотиды. По сути дела, оба автора свидетельствуют об одном и том же явлении, происходившем в Северном Причерноморье, но на противоположных его концах: Страбон — на западном, Посидоний — на восточном. Реальность существования кельтоскифов Посидония оказывается более чем вероятной: по-видимому, это та часть поздних скифов, которая была вовлечена в орбиту понтийской политики и подверглась сильному влиянию со стороны кельтских и кельтизированных членов союза, созданного под эгидой Митридата Евпатора [Е. А. Молев 1974; 1974а] — то есть галатов Малой Азии, скифских Подунавья и бастарнов. Быть может, и «кельтоскифов», и не только наемников-галатов изображают боспорские терракотовые статуэтки всадников с овальными кельтскими щитами [В. И. Пругло 1966]?

Кроме этих статуэток, в Северном Причерноморье, на скифских и сарматских памятниках «вокруг Меотиды» обнаружено большое количество латенских импортов II—первой половины I в. до н. э. [Z. Woźniak 1974]. На позднескифских памятниках найдена и керамика латенизированных культур — зарубинецкой [Э. А. Сымонович 1978] и поянешти-лукашевской [В. П. Петров 1961], кстати, весьма трудно отличимая одна от другой. Все эти находки достаточно отчетливо свидетельствуют если не о смешении, то, по крайней мере, о весьма оживленных контактах поздних скифов с кельтским и кельтизированным миром. Видимо, не осталось совсем в стороне от этих контактов и население зарубинецкой культуры: достаточно вспомнить позднескифские элементы в Чаплине. Если считать их обратной связью кельтоскифского смешения на восточной оконечности Кельтики Посидония, то путь кимвров, ставших впоследствии «кельтоскифами», от «Внешнего моря», из Ютландии, к берегам Меотиды, который маркируется кругом аналогов вещам из мужских погребений Чаплина, вряд ли прошел мимо Верхнего Поднепровья.

Суммируя результаты исследования хронологии могильника Чаплин, можно выделить основные выводы, к которым пришли авторы.

Первое: могильник начал использоваться позже самых ранних могильников зарубинецкой культуры, вероятно, около середины или конца II в. до н. э. *Второе:* женские погребения могильника практически не отличимы от женских погребений могильников других вариантов культуры. *Третье:* мужские погребения резко отличаются от женских и от мужских погребений других могильников. Это погребения воинов, в которых довольно ощутимы позднескифский, оксывский и ясторфский компоненты.

Четвертое: появление таких погребений в Верхнем Поднепровье может быть связано с передвижениями кимбров-кельтоскифов, помещаемых Посидонием на берегах Меотиды около 145-120 гг. до н. э.

ЛИТЕРАТУРА

- Амброз А. К. Фибулы юга Европейской части СССР//САИ. 1966. Вып. Д1-30.
- Галанина Л. К. Скифские древности Поднепровья (Эрмитажная коллекция Н. Е. Бранденбурга)//САИ. 1977. Вып. Д1-33.
- Граков Б. Н. Каменское городище на Днепре//МИА. 1954. № 36.
- Ерёменко В. Е. Поморская культура, кельты в южной Польше и поморская версия сложения латенизированных культур//Древнее производство, ремесло и торговля по археологическим данным. Тез. докл. IV конф. молодых ученых. М., 1988.
- Ерёменко В. Е. Археологическая карта милоградской культуры//Славяне: этногенез и этническая история (междисциплинарные исследования). Л., 1989.
- Каспарова К. В. О фибулах зарубинецкого типа//АСГЭ. 1977. Вып. 18.
- Каспарова К. В. Хронология зарубинецкой культуры Припятского Полесья. Автореф. дисс.... канд. ист. наук. Л., 1981.
- Каспарова К. В. Зарубинецкая культура в хронологической системе культур эпохи латена//АСГЭ. 1984. Вып. 25.
- Каспарова К. В. Поздняя фаза зарубинецких могильников//Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев, 1986.
- Каспарова К. В., Мачинский Д. А., Шукин М. Б. (рец.) Поболь Л. Д. Славянские древности Белоруссии. Минск, 1971, 1973, 1974.//СА. 1976. № 4.
- Кухаренко Ю. В. Чаплинский могильник//МИА. 1959. № 70.
- Кухаренко Ю. В. Памятники железного века на территории Полесья//САИ. М., 1961. Вып. Д1-29.
- Кухаренко Ю. В. Зарубинецкая культура//САИ. М., 1964. Вып. Д1-19.
- Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. т. I. Пб., 1904.
- Митрофанов А. Г. Железный век средней Белоруссии. Минск., 1978.
- Молев Е. А. Митридат Евпатор. Создание Черноморской державы. Саратов., 1974.
- Молев Е. А. Установление власти Митридата Евпатора на Боспоре//Античный мир и археология. Саратов, 1974. Вып. 2.
- Монгайт А. Л. Археология Западной Европы. Бронзовый и железный века. М., 1974.
- Обломский А. М. О хронологии некоторых типов фибул зарубинецкой культуры//СА. 1983. № 1.
- Обломский А. М. Верхнеднепровский вариант зарубинецкой культуры. Автореф. дисс.... канд. ист. наук. М., 1983а.
- Обломский А. М. Проблема происхождения верхнеднепровского варианта зарубинецкой культуры//Тезисы докладов советской делегации на V Международном Конгрессе славянской археологии. М., 1985.
- Обломский А. М. Классификация керамики верхнеднепровского варианта зарубинецкой культуры (по материалам Чаплинского могильника)//СА. 1985. № 1.
- Обломский А. М. Опыт классификации и хронологии фибул с треугольным щитком на ножке (так называемых зарубинецких)//КСИА. 1986. Вып. 186.
- Пачкова С. П. Фибулы зарубинецкого типа//Археология. 1988. Вып. 62.
- Поболь Л. Д. Славянские древности Белоруссии. Ранний этап зарубинецкой культуры. Минск, 1971.
- Поболь Л. Д. Славянские древности Белоруссии. Минск, 1973.
- Пругло В. И. Позднеэллинистические боспорские терракоты, изображающие воинов//Культура античного мира. М., 1966.

- Петров В. П.* До питання про ліпну кераміку з городищ Нижнього Подніпров'я II ст. до н. е. — II ст. н. е. // АП УРСР. 1961. Т. X.
- Ростовцев М. И.* Скифия и Боспор. Петроград, 1925.
- Смирнов К. Ф.* Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1984.
- Сымонович Э. А.* Посуда зарубинецкого типа из Николаевского могильника на Нижнем Днепре // Вопросы Древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978.
- Сымонович Э. А.* Население столицы позднескифского царства. Киев, 1983.
- Шадыро В. И.* Ранний железный век Северной Белоруссии. Минск, 1985.
- Щукин М. Б.* Некоторые проблемы хронологии раннеримского времени (к методике историко-археологических сопоставлений) // АСГЭ. Вып. 31. (В печати).
- Щукин М. Б., Ерѣменко В. Е.* Современное состояние хронологии латена и позднего претримского времени // АСГЭ. Вып. 33. (В печати).
- Archeologické výzkumy a nálezy na Slovensku v roku 1978.* Nitra, 1980.
- Becker C. J.* Forrømersk jernalder i Syd- og Midtjylland // Nationalmuseets Skrifter. Større beretninger VI. København, 1961.
- Filip J.* Keltové ve střední Evropě. Praha, 1956.
- Godłowski K.* Okres lateński w Europie. Kraków, 1977.
- Hachmann R.* Die Chronologie der jüngeren vorrömischen Eisenzeit // BRGK. 1961. Bd. 41.
- Hachmann R., Kossack G., Kühn H.* Völker zwischen Germanien und Kelten. Neumünster, 1962.
- Hvass St.* Hodde // Arkæologiske Studier. 1985. T. VII.
- Keiling H.* Die vorrömische Eisenzeit im Elde-Karthane Gebiet // Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte der Bezirke Rostock, Schwerin und Neubrandenburg. 1969. Bd. 3.
- Kostrzewski J.* Die ostgermanische Kultur im der Spätlatenezeit. Leipzig, 1919.
- Marič Z.* Japodske nekropole u dolini Une // Glasnik Zemaljskog Muzeja u Sarajevu. Archeologija N. S. 1968. T. 23.
- Shchukin M. B., Eremenko V. E.* Zur Frage der Datierung keltischer Altertümer im Transkarpatengebiet der Ukraine und einige Probleme der Latène — Chronologie // AAC. (im Druck).
- Shchukin M. B.* Rome and the Barbarians in Central and Eastern Europe 1st Century B. C. — 1st Century A. D. B.A.R. Internat. Ser. 1989. N 542.
- Vulpe P.* Le problème des bastarnes à la lumière des découvertes archéologiques en Moldavie. București, 1955.
- Waldhauser J.* Keltische Gräberfelder in Böhmen // BRGK. 1987. Bd. 68 —
- Wojagiewiczowie R. a M. D.* Uzbrojenie ludności Pomorza Zachodniego u progu n. e. // Materiały Zachodnio-Pomorskie. 1963. T. IX.
- Woźniak Z.* Osadnictwo celtyckie w Polsce. Wrocław etc., 1970.
- Woźniak Z.* Wschodnie pogranicze kultury lateńskiej. Wrocław etc., 1974.
- Woźniak Z.* Chronologia młodszej fazy kultury pomorskiej w świetle importów i naśladownictw zabytków pochodzenia południowego // Problemy kultury pomorskiej. Koszalin, 1979.

**КИМВРЫ, ТЕВТОНЫ, КЕЛЬТОСКИФЫ
И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ХРОНОЛОГИИ
РУБЕЖА СРЕДНЕГО И ПОЗДНЕГО ЛАТЕНА**

*«Что касается кимбров, то одни рассказы о них
не точны, а другие совершенно невероятны»*

Страбон

Вступление. Рубеж II—I вв. до н. э. был переломным моментом в истории Европы. Начиналась «перестройка» Римской республики, делались самые первые шаги на пути к постепенному превращению её в Империю. Одним из таких шагов было создание Гаем Марием армии нового типа: вместо ополчения свободных общинников она набирается из неимущих, пролетариев, становится профессиональной, что делает ее рычагом политических переворотов. И если первоначально такие политики, как Сулла и Цезарь, а затем Август и Флавиус будут использовать этот рычаг для утверждения личной власти, то в дальнейшем, становясь все более самостоятельной политической силой общества, армия будет все чаще превращать императоров в игрушку собственных армейских интересов. Вспомним «чехарду» солдатских императоров III в. н. э. и один из эпизодов, когда сенатор Деций был вынужден объявить себя императором по требованию солдат, угрожавших ему в противном случае смертью [Zosim, I, 21, 22; Zon., XII, 19].

В конце II в. до н. э. на востоке начинал свою деятельность Митридат Евпатор, ставший в 120 г. до н. э. царем Понта, царства, уже владевшего почти всей Малой Азией и усилиями Митридата вскоре превратившегося в мощную циркумпонтийскую державу [Е. А. Молев 1974]. В Северном Причерноморье понтийскому царю пришлось столкнуться в 109 г. до н. э. с новой «массагето-роксолано-аорсской» волной движения сарматских племен на запад [Д. А. Мачинский, 1974] и удалось включить их в орбиту своей политики.

Митридат мечтал объединить людские ресурсы варваров Причерноморья и финансовые возможности греческих полисов, напасть на Италию через Подунавье, подключив силы тамошних варваров, и сокрушить Рим. Удалось осуществить ему лишь первую часть замыслов.

В тот момент, когда все эти события назревали, с севера на Рим обрушились полчища кимбров и тевтонов. Первое столкновение произошло в 113 г. до н. э. В Риме «вести о количестве и силе наступающих войск вызвали сначала недоверие, но впоследствии они оказались преуменьшенными сравнительно с

деспотичностью. На самом деле двигалось 300 000 вооруженных воинов и, по рассказам, толпы детей и женщин шли вместе с ними еще в большем числе — они нуждались в землях, чтобы где-то прокормить такое множество» [Plut., Mar., XI].

От результатов этого нашествия зависел весь дальнейший ход европейской истории, и мы не знаем, как бы она повернулась, если бы обновленной армии Мария (а одним из стимулов ее продвижения и была, очевидно, угроза варварского вторжения) не удалось разбить кимвров и тевтонов в 102 и 101 гг. до н. э.

Историки античности обычно не придают большого значения этим событиям, видят здесь скорее ряд пограничных инцидентов, вообще, на наш взгляд, несколько недооценивают «варварский фактор» в истории античности, так как события, происходившие в самом Барбарикуме, слишком скупо освещены письменными источниками и могут быть реконструированы лишь с привлечением данных археологии, дающих не слишком много однозначных возможностей для исторических реконструкций. Именно поэтому археологи зачастую не рискуют включать свои наблюдения в исторический контекст. Попытку преодолеть в какой-то мере этот недостаток на примере событий рубежа II—I вв. до н. э. мы и хотели бы предпринять, сознавая степень гипотетичности наших построений.

При знакомстве с соответствующими данными письменных источников и археологии сразу возникает три вопроса, три задачи [М. В. Shchukin, 1989, р. 228—231], на которые нам и предстоит попытаться найти ответы.

Загадка первая: почему кимвры и тевтоны не захватили Рим, что удалось двумя веками раньше кельтам? Вряд ли последние превосходили новых пришельцев умением воевать и явно уступали им в численности. Триста тысяч воинов — сила огромная, не сопоставимая ни с одной армией того времени: тридцать римских легионов периода расцвета Империи насчитывали лишь около половины этого количества.

Приглядевшись к последовательности действий и маневров кимвров и тевтонов [Strabo, VII,2,1—2; Appian, Celtica, 13; Oros., 5,6; Plut., Mar., XI, XXIII—XXVII], нетрудно убедиться, что они выглядят по крайней мере странно и нелогично, если бы целью варваров был захват Италии, как утверждают Плутарх [Plut., Mar., XI] и Анней Флор [Flor., I, 38].

Первыми, на кого напали кимвры, были кельтские племена бойев, живших в Герцинском лесу, на территории современной Чехии, куда они были вынуждены выселиться, будучи изгнанными римлянами 80 лет назад, в 192 г. до н. э., из Италии. Если кимвры и тевтоны намеревались идти на Рим, лучшего союзника для такого похода, чем бойи, было не найти. Склонить их к союзу можно было, сыграв на вполне вероятном в их среде стремлении взять реванш в борьбе с римлянами, или просто привлечь алчной перспективой грабительских походов, которой со-

блазнились несколько позже гельветы и амброны. Бойи могли бы послужить проводниками и информаторами, да и военную силу представляли собой немалую, раз сумели отбить нападение шромных полчищ чужеземных варваров.

Кимвры, отбитые бойями, двинулись к югу, вниз по Дунай в страну скордисков, тоже кельтского племени, обитавшего в районе Железных ворот и в низовьях Савы и Дравы [Strabo VII,2,1—2]. Не исключено, что поход скордисков в 119-118 гг. до н. э. на юг Балкан был вызван именно нападением кимвров [J. Todorović 1974, s. 155; 1974a]. Но северные варвары не остались в стране скордисков, повернули на запад, попали в Альпы и напали на нориков. Здесь, у Норей, в 113 г. до н. э. они разбили войско консула Папирия Карбона, и им открывался путь в беззащитную Италию, поскольку основные силы римлян были заняты в войне с нумидийским царем Югуртой в Африке. Но тевтоны ушли в Галлию, присоединив по дороге кельтов гельветов [Arrian, Celtica, 13]. Одни источники при описании этой части походов говорят о тевтонах (Аппиан), а другие о кимврах (Страбон, Плутарх). Так что где и когда произошло соединение сил этих племен, сказать трудно. Вероятно, еще до нападения на бойев.

Выйдя к верховьям Роны, варвары еще раз в 109 г. до н. э. нанесли сокрушительный удар войскам римских полководцев Севилия и Моллия при Араузоне в низовьях Роны [Oros., 5, 16]. Опять открывался путь на Рим, но кимвры, тевтоны и присоединившиеся к ним кельты-амброны ушли в Галлию. Разделившись на два отряда, они завоевали ее почти целиком, вторглись в Испанию, дошли до района Тулузы, затем в 102 г. до н. э. опять соединились в Галлии для войны с белгами, жившими на Марне. Неожиданные маневры после побед под Нореей и Араузоном, как и нападение на бойев, тоже непонятны, если считать целью походов завоевание Рима, и становятся вполне логичными, если этой целью было завоевание Кельтики.

Марий же тем временем успел завершить в 109 г. до н. э. Югуртинскую войну и, будучи избранным в 107 г. до н. э. консулом, начал реорганизацию армии. В 102 г. до н. э. новая римская армия вступила в Галлию и, измотав маневрами тевтонов и амбронов, заставила вступить противника в битву на невыгодных для него позициях под Аквами Секстиевыми около Массалии (совр. Марсель). Варвары были разбиты полностью. Кимвры же тем временем совершили обходной маневр и, перейдя заснеженные Альпы, вышли в тыл к Марию, но остановились под Верцеллами, дожидаясь тевтонов. Вместо них в Италию вернулся Марий с победоносной армией и в 101 г. до н. э. разбил и вторую варварскую группировку. Только в плен было взято 60 тысяч, а погибло еще больше [Plut., Mar., XXVIII].

Из цепи событий, изложенных выше, становится ясно, что у кимвров и тевтонов не было намерения нападать на Италию. Из

...килли Аппиана о битве у Норей создается впечатление, что в с римлянами они вступали лишь в тех случаях, когда им ретриждали путь в Галлию, и лишь на вторжение Мария в уже чиненные варварами кельтские территории последовал ответ- ий удар. Так что в свидетельстве Плутарха, что лишь неумение ивать римских полководцев заальпийской Галлии «побудило ириров наступать на Рим», и что именно поэтому «кимвры иили обосноваться на месте (т. е. в Галлии — авт.) не ранее, м разгромят Рим» [Plut., Mar., XI], несмотря на явное преуве- ичение субъективных причин, все же несомненно есть и доля ис- иния.

Таким образом, до 102-101 гг. до н. э. римляне сражались с имирами скорее из-за их потенциальной опасности и нежелания иступать им с таким трудом приобретенные сферы влияния в Гал- ии. Непосредственная угроза Риму возникла позднее, поскольку ипичальной целью подходов кимвров и тевтонов было, очевидно, инование и подчинение Кельтики, что они в основном и осущест- иили. Кажущиеся нелогичными и непонятными маневры варва- ии могли объясняться, вероятно, расстановкой политических сил и Кельтике, нам неизвестной. Тяжелые поражения под Аквами иктивные и Верцеллами свели на нет усилия кимвров и тев- инов обосноваться в Кельтике. Так могла бы разрешиться пер- ии загадка кимвров и тевтонов.

Загадка вторая: откуда пришли кимвры и тевтоны и почему археологи не могут найти следов их передвижения?

Обратимся к источникам. Страбон пишет, что «причиной иращения их (кимвров — авт.) в кочевников и разбойников было то обстоятельство, что они были изгнаны из своих жилищ ильным приливом, когда жили на полуострове. Они и теперь жи- иут в той же области, которой владели раньше, и посылали Ав- иусту в дар свой самый священный котел» [Strabo, VII,1,2]. иллий называет Ютландский полуостров, современную Данию, полуостровом кимвров [Plini, IX,96]. Плутарх же сообщает: «... о них было неизвестно, что это за люди или откуда они иидвинулись и, как туча, напали на Галлию и Италию. По боль- ией части предполагали, что это германские племена, расселив- ившиеся вплоть до Северного океана: у них высокий рост, голубой ишет глаз ...» [Plut., Mar., XII].

Нет особых оснований не доверять этим источникам. Обычно их трактуют однозначно: кимвры вышли с территории Дании, по Эльбе или Одеру поднялись до мест расселения бойев на тер- ритории современной Чехии, а далее последовали известные со- бытия. И кимвры, и тевтоны при этом считаются германцами (например, [Die Germanen 1976, S. 196—197]). Однако на деле ситуация сложнее. Во-первых, во времена Страбона (на рубеже ивой эры), Плиния (вторая половина I в. н. э.) и Плутарха (II в. н. э.) германцы были хорошо известны римлянам: под этим именем выступали все племена к северу от верхнего и среднего

Дуная и к востоку от Рейна, вплоть до Балтики и Скандинавии. Но иначе обстояло дело на рубеже II—I вв. до н. э. Современники нашествия, Посидоний из Апамен, побывавший и в Галлии, называет кимвров и тевтонов германцами. Для него германцы это лишь небольшое племя, живущее в верховьях Рейна и имеющее странный обычай запивать жареное мясо смесью молока вином [Die Germanen 1976, S. 40—41].

Ф. Шлетте, специально исследовавший все свидетельства и источники о первых упоминаниях германцев, пришел к выводу, что до галльских войн Цезаря термин «германцы» не был известен или был малоупотребителен, и лишь после этого стал общепринятым. Все же предшествующие упоминания у Пифея, в источниках о восстании Спартака, являются или более поздними вставками, или фальсификатами, как, например, акт о триумфе Клавдия Марцелла 222 г. до н. э. [F. Schlette 1988, S. 11].

Совместными же усилиями лингвистов и археологов установлено, что на территории между Рейном и Дунаем на рубеже II—I вв. обитали группы населения, как ставшие впоследствии прямыми предками современных германцев, так и представители неких «третьих» народов «между кельтами и германцами», остатки прежнего индоевропейского населения [R. Nachmann, G. Konrad, H. Kühn 1962]. Кстати, парадоксальным образом в эту «третью» группу народов попадают и германцы Посидония [M. B. Shchukin 1989, p. 32—33].

Кроме того, замечено, что кимвры и тевтоны выступают в сильно кельтизированном виде [J. Vries 1951]. Их вожди носили кельтские имена — Бойорикс, Кезарикс, Лугиус. Серторий, служивший под началом Марии, собираясь в разведку во вражеский лагерь под Аквами Секстиевыми, учил кельтский язык и одевался по-кельтски [Plut., Sert., III]. Кимвры и тевтоны, как и кельты, сражались полуобнаженными и имели кельтское вооружение — шлемы, украшенные изображениями животных, тяжелые длинные мечи и большие щиты. Кимвры, переходя Альпы, «взбирались на вершины гор по глубокому снегу и льду, а оттуда, подложив под себя широкие щиты, стремительно неслись по скользкой крутизне» [Plut., Mar., XXIII]. У более поздних германцев, а также у обитателей северной Европы позднего предримского времени щиты сравнительно небольшие, круглые или овальные, с выпуклым умбом [M. B. Shchukin 1989, Pl. 12]. На таком щите с горы не съедешь. А вот кельтские большие щиты типа «тюреос» с продольным ребром и почти плоским умбом вполне могли послужить санками.

Вряд ли северные варвары успели так сильно кельтизироваться за 12 лет непосредственных контактов с кельтами-гальетами и амбронами. Вернее будет предположить, что кимвры и тевтоны были выходцами из уже кельтизированного, латенизированного «третьего мира» древней Европы [М. Б. Щукин 1986].

Но, если на Кельтику и Рим наступали уже латенизированные

архирары, то выявить их немногочисленные следы в кельтской культуре достаточно трудно. Не потому ли археологам и не удавалось найти эти следы ни в Галлии, ни в приальпийских областях, ни на Среднем Дунае, что они искали выходцев из Ютландии? Мы не знаем ни погребений, ни поселений кимбров и тевтонов. Впрочем, за 12 лет их должно было отложиться сравнительно немного, и нужна особая удачливость, чтобы остатки хотя бы одного такого памятника были найдены археологами.

Того пока не случилось, но, если под новым углом зрения пересмотреть все кельтские и латенизированные памятники конца II — начала I вв. до н. э., лежащие на предполагаемых путях передвижения кимбров и тевтонов, то можно выявить ряд косвенных археологических свидетельств этих событий. Но предварительно надо сделать ряд оговорок.

Во-первых, миграции носителей родственных культур (а мы скорее всего имеем дело именно с таким случаем) фиксируются чаще не полной сменой культурных традиций, а частичной их трансформацией [Л. С. Клейн 1973].

Во-вторых, основная сложность сопоставления данных истории и археологии заключается в разной природе используемых дат. Если в истории каждая дата — это некая точка во времени, указываемая с точностью до года или дня, то археологи вынуждены пользоваться для датировок приблизительными интервалами, в лучшем случае длительностью в 20-30 лет, в худшем — в несколько столетий — временем бытования того или иного типа вещей, длительностью ступеней или фаз относительной хронологии. На интервал археологической даты могут прийтись несколько исторических событий, связь с которыми будет приблизительно равновероятной. Например, явления, датированные среднелатенскими фибулами варианта В-Костшевский, могут относиться как ко времени передвижения бастарнов, так и ко временам кимбров, и события, фиксируемые по распространению фибул К-Костшевский или J — могут быть связаны как с эпохой кимбров и тевтонов, так и с более поздними событиями времен Цезаря и Ариовиста (см. ниже). По дополнительным данным (сочетания вещей в комплексах друг с другом) иногда удастся уточнить дату и предложить обоснование выбора того или иного варианта исторической интерпретации, но это не всегда возможно.

В-третьих, логический принцип «событие произошло после такого-то явления, значит, вследствие него», верен далеко не всегда, и ряд археологических явлений, вероятно, свидетельствует о процессах, вовсе не зафиксированных письменными источниками.

Учитывая эти оговорки и не впадая в крайности в духе школы Г. Коссины [Leo S. Klejn 1974], можно попытаться дать связную историко-археологическую реконструкцию событий, сопровождавших походы кимбров и тевтонов.

Кельтские племена, заселявшие почти все земли Европы от

Британии и Атлантики до Закарпатской Украины, были носителями высокой и достаточно единой так называемой латенской культуры, переживавшей на протяжении веков ряд этапов, или «ступеней». По времени именно с кампаниями кимбров и тевтонов совпадает смена в латенской культуре ступени C_2 ступенью D_1 . Абсолютная дата этого перехода определяется дендрохронологическим анализом бревен моста около поселения в Тилле (Швейцария): деревья срублены между 120-116 гг. до н. э. [E. Hollstein 1980, S. 127—129; A. Haffner 1979]. Близкую дату дает и дендрохронология деревьев из укрепления Эранг на Верхнем Рейне — 97 г. до н. э. [R. Schindler 1969]. Имеются и некоторые другие подтверждения этих датировок [M. B. Shchuklin 1989, p. 27—29], хотя складывается впечатление, скорее интуитивное, что трансформация латенской культуры началась несколько раньше. Возможно, нападение кимбров и тевтонов на Кельтику было реакцией на начавшиеся там социально-экономические перемены и лишь стимулировало эти процессы.

На ступени D_1 в Кельтике повсеместно строятся протогородские центры — оппидумы. Процесс этот начался еще на ступени C_2 [K. Godłowski 1977, s. 49—57], но теперь их количество стремительно возрастает по сравнению с предшествующим периодом [J. Collis 1975; J. Waldhauser 1979, Abb. 3]. Происходит «вторая кельтская революция», выражающаяся в изменении самой структуры кельтского общества: на смену военизированной организации и институту царской власти приходят ранние олигархические предгосударственные образования [Н. С. Широкова 1989, с. 191-210].

Любопытный факт: при большом количестве укрепленных оппидумов с достаточно многочисленным населением мы знаем лишь очень небольшое количество синхронных погребений и лишь в отдельных районах Кельтики: старые кельтские традиции погребений с колесницами сохранились на среднем Рейне, в восточной Франции и Британии, а немногочисленные трупосожжения зафиксированы на Мозеле и в Тюрингии [K. Godłowski 1977, s. 62—65]. Но в значительной части Кельтики, особенно в Южной Германии, Швейцарии, Чехии, Моравии и частично во Франции, полностью исчезают погребальные памятники [K. Godłowski 1977, s. 48, 65]. Распространяются зато так называемые Viereckenschanzen, странные подквадратные сооружения в виде рвов со следами жертвоприношений, имеющие в некоторых частях Кельтики (например, в Шампани) и более древнюю традицию [K. Godłowski 1977, s. 63; J. Waldhauser 1979; J.-L. Flouest, J. Stead 1977]. Практически повсеместно кельты переходят к погребальным обрядам, неуловимым археологически, поскольку совершались они, видимо, на поверхности. Покойников могли сжигать и развеивать пепел, помещать в деревянные «домики мертвых», оставлять на специальных платформах или просто на по-

поверхности земли, подвешивать на деревьях и тому подобное. В этнографии такие случаи известны у разных народов мира.

В этой связи неожиданно новое звучание приобретает один из пассажей Плиния Старшего, на который обратил наше внимание Д. А. Мачинский: «В древности самым явным признаком победы считалась передача побежденными зеленого стебля. Она означала отказ от обладания землей, от пользования производящей и питающей силой почвы, даже от погребения в земле: этот обычай, как я знаю, до сих пор сохранялся у германцев» [Plini, XXII, 8]. Эти сведения могут быть дополнены и данными археологии: на оппидуме Манхинг, например, найдены стилизованные золотые ветви с листьями, имевшие культовое значение [H. Maier 1990].

Мы не знаем в деталях, как складывались отношения кимбров и тевтонов с кельтами, но очень похоже на то, что значительная часть кельтов была вынуждена отказаться от права «пользования производящей и питающей силой почвы», совершив, вероятно, определенные обряды и принеся перед богами соответствующие клятвы. Мы не знаем, сохранялась ли какая-то форма зависимости кельтов от победителей после поражения под Акнами и Верцеллами, но клятвы, возможно, сохраняли силу¹.

Если предлагаемая нами гипотеза верна, то исчезновение кельтских погребений на большей части Европы после 120-х гг. до н. э. становится объяснимым, и мы получаем косвенное археологическое свидетельство походов кимбров. Сложнее обстоит дело с прямыми свидетельствами. Для их поиска необходимо выделить хронологические индикаторы, то есть типы вещей, бывшие в употреблении в латене и латенизированных культурах позднего предримского времени в эпоху походов кимбров и тевтонов, и с их помощью проанализировать соответствующие археологические явления.

Около 120-100-х гг. до н. э., с началом ступени D₁, в материальной культуре кельтов получают распространение многие новые типы вещей (рис. 1,1—10). Начинается изготовление рисписной красно-бело-черной керамики (рис. 1,8) [H. W. Dämmer 1978], на мечях наряду с изогнутыми колоколовидными гардами появляются прямые перекрестья (рис. 1,10), круглые умбоны щитов сменяются подпрямоугольными (рис. 1,7), впервые начинают употребляться шпоры [K. Godkowiński 1977, Tabl. VI,6,14]. Меняется мода на фибулы, они становятся короче, с круче изогнутой спинкой [J. Collis 1975, fig. 20—22]. Частично используются новые варианты прежней среднелатенской конструкции — D/E, G/H по классификации Й. Костшевского (рис. 1,1,14)

¹ Правда, при такой интерпретации необъяснимым остается отсутствие погребений ступени D₁ в стране боев, отбивших кимбров и тевтонов, т. е. в Чехии и Моравии, хотя ситуация могла меняться, мы слишком мало знаем.

ЛАТЕН	КУЛЬТУРЫ ППВ	СКАНДИНАВИЯ

[J. Kostrzewski 1919] и близкий G/H вариант J по Р. Бельцу (рис. 1,2) [R. Beltz 1911] с более сильно изогнутой спинкой, а также вариант I-Костшевский («лангобардские фибулы») (рис. 1,20). Но широкое распространение получает и новая, позднелатенская конструкция фибул с рамчатым приемником. Это альмгренские (рис. 1,3,23) и длинные провололочные фибулы Альмгрен-15, сравнительно, правда, редкие (рис. 1,17), фибулы с ожечковидной головкой варианта J-Костшевский (рис. 1,4,21), волничато-изогнутые подтреугольные K-Костшевский (рис. 1,16). Такая же коленчатость характерна для варианта F среднелатенской конструкции (рис. 1,15) и для варианта L (рис. 1,22), имеющего спинку с прогибом. В этом же периоде, ближе к его концу, появляются фибулы типа Лаутерах (рис. 1,5), Альмгрен-18 и 19 (рис. 1,6,9) [O. Almgren 1923] — прототипы будущих застёжек римского времени.

Эти типы вещей в разных пропорциях представлены как в самой латенской культуре кельтов, так и их северо-восточных соседей от Рейна до Скандинавии, Западного Буга, Днестра и Днепра. Археологические культуры, представляющие это население, объединяют в культуры позднего предримского времени [R. Nachmann 1961], получившие название «латенизированные» [K. Godłowski 1977; В. Е. Еременко, в печ.]. Иногда эти культуры называют также «Северо-европейским латеном» [М. В. Шчукин 1989], или «третьим миром» древней Европы [М. Б. Щукин 1986].

Все эти культуры от Балтики до Карпат, Днепра и Дуная, при наличии определенных различий, обладают и общими чертами: их носители пользуются фибулами и оружием кельтского образца, у них исключительно лепная керамика (лишь иногда используется поворотная подставка), чернолощеная или нарочито шершавленная — «хротоватая», они хоронят своих сородичей на больших могильниках и почти исключительно по обряду группосожжения. Эти общие черты заметно отличают их от соседей — кельтов, гето-даков, сармат и скифов, а также от жителей лесной зоны Восточной Европы.

Сложение цикла латенизированных культур происходило в конце III в. до н. э., когда началась стадия Рипдорф-ясторфской культуры, в ней возникли группы Боденбах-Подмоклы и губинская. Сложились пшеворская, оксывская, зарубинецкая и поянешти—лукашевская культуры [N. Venclová 1973; H. Grunert 1958; G. Domański 1975; T. Dąbrowska 1988; К. В. Каспарова 1981; М. Babeş 1985; М. В. Шчукин 1989; В. Е. Еременко, в печ.].

Результатом тех же процессов, которые привели к сложению круга латенизированных культур, было появление в Причерноморье бастарнов и скиров [T. Dąbrowska 1988a; К. В. Каспарова 1981; М. Babeş 1973], позднее причисляемых к германцам, хотя при первых упоминаниях этот этноним по отношению к ним,

естественно, не применялся: Тит Ливий называет бастарнов глглами² (например, [Liv., XXX,5,10]).

Эти археологические явления по своему размаху не уступают описаниям походов кимвров и тевтонов в письменных источниках, и в принципе можно предположить, что выселение кимвров и тевтонов, или их предков и родственников, могло произойти непосредственно перед нападением на Кельтику, а значительно раньше. Поскольку исходный район движения носителей латенизированных культур не очерчивается четко, а охватывает обширные пространства периферии ясторфской культуры — междуречье Эльбы и Одера, Ютландию и, возможно, острова Балтийского моря, нельзя исключить, что два этнонима, донесенные до нас письменными источниками (бастарны и скиры), могли не исчерпывать всех участников движения. В сознании античных авторов (или скорее их информаторов) могла произойти контаминация данных о близких им реальных событиях со свидетельствами о выселении с прародины, сохранившимися в виде легенд и сказаний, которые римляне вполне могли слышать от многочисленных кимвров и тевтонов, попавших в рабство. Возникает ситуация, где-то напоминающая более позднюю историю с готами и записанными Аблавием и Иорданом легендами об их выселении из Скандинавии.

По общим формам фибул со ступенью D₁ латенской культуры синхронизируется фаза «с» или «ранняя часть средней фазы» позднего предримского времени [R. Nachmann 1961, Taf. 1; В. Е. Еременко, М. Б. Щукин, в печ.], хотя мы и не знаем, насколько совпадают их хронологические границы, так как в отличие от латенской культуры почти не имеем для памятников латенизированных культур прямых привязок к абсолютной хронологии. Если такие варианты фибул, как G/H и D/E (первый в его сильно прогнутой разновидности, т. е. вариант J по Р. Бельцу [R. Beltz 1911]), а также J-Костшевский и наухаймские, довольно часто встречаются на собственно кельтских памятниках (рис. 1,1—10) [J. Waldhauser 1979, Abb. 3; J. Werner 1955, Abb. 2], то этого нельзя сказать о вариантах F, K, I и рамчатых типа Каммер (рис. 1,15—17,31—33) — их происхождение с собственно кельтской культурой вряд ли связано, и подавляющее большинство находок сделано на памятниках западной части латенизированных культур позднего предримского времени.

Вариант F (рис. 1,15) сохраняет среднелатенскую скрепленную конструкцию, но приобретает разкий перегиб спинки в месте соединения её с ножкой. В пшеворской культуре одна из самых ранних находок варианта F сделана в погребении 1 в Котовице

² Мы не будем сейчас останавливаться подробно на всех деталях этих событий, потому что многие из них уже обсуждались в литературе, а мы надеемся специально посвятить проблеме бастарнов и скиров одну из следующих статей.

вместе с фибулой G/H, а в Рондсене (Жондзе), могильнике оксывской культуры — в погребении 544, отнесенном Р. Хахманом к типу «В» [T. Dąbrowska 1988, Zest. 2; R. Hachmann 1961, Abb. 11].

Два погребения в пшеворском могильнике Каменьчик, № 212 (в первом — фибулы J и наухаймская, во втором — II и J), позволяют синхронизировать появление J и наухаймских, редко встречающихся в культурах позднего предримского времени, с началом позднего латена, хотя основное время их изготовления, как и варианта I («лангобардских») относится к несколько более позднему периоду [T. Dąbrowska 1988, Zest. 2, s. 30]. Эти два варианта, также как F, G/H, D/E, более характерны для женских, чем для мужских погребений [R. Hachmann 1961, Abb. 10, 17, 23, 31; T. Dąbrowska 1988, s. 29, 57].

Фибулы варианта K, напротив, чаще встречаются в мужских погребениях и сочетаются в закрытых комплексах с вариантами C, E, H [T. Dąbrowska 1988, Zest. 2, s. 29]. Вариант K близок F по форме спинки, и в принципе было бы логичным предположить, что он появился путем совмещения «коленчатой» формы варианта F и «позднелатенской» рамчатой конструкции (рис. 1, 16). Но в пшеворской культуре фибулы варианта K, судя по корреляционным таблицам Т. Домбровской, занимают несколько более раннюю хронологическую позицию, нежели вариант F [T. Dąbrowska 1988, s. 30]. Ту же картину мы наблюдаем и в могильнике Рондсен (Жондз) оксывской культуры по корреляциям Р. Хахмана [R. Hachmann 1961, Abb. 10]. Следовательно, вариант K появляется раньше F (ср. [W. Krämer 1962, Abb. 2; E. Ettlinger 1973, S. 16]), и вновь встает вопрос о происхождении так называемых «позднелатенских» фибул с рамчатым приемником.

В 1955 г. И. Вернер предположил происхождение наухаймских фибул от северо-италийских типа Ченизола с вариантом Виль [J. Werner 1955], но в связи с произошедшими после длительной дискуссии изменениями хронологии латена из-за передатировки времени разрушения оппидума Манхинг [K. Godłowski 1977, s. 61—62; M. B. Shchukin 1989, p. 18—30, 259—270], северо-италийские фибулы оказываются скорее синхронными ранним наухаймским, чем их прототипами.

Но рамчатые приемники мы знаем и на некоторых фибулах латенизированных культур, например, типа Каммер (рис. 1, 31—33), типа Венигштедт (рис. 1, 26) из Поэльбья [R. Hachmann 1961, Taf. 2, 41, 42, 45, Taf. 3, 1], и на серии разнообразных фибул из Скандинавии, в том числе типа Хельмсхаген с длинной пружиной (рис. 1, 28) [R. Hachmann 1961, Taf. 2, 28, 29, Taf. 3, 2, 13, 15, 18] (рис. 1, 24—30).

Хронологическая позиция скандинавских фибул не очень ясна, нам неизвестны работы, где бы они специально рассматривались. К. Годловский вслед за Х. Хингстом считает тип Хельмс-

хаген показателем фазы IIc, синхронной фазе «с» Р. Хахмани [K. Godłowski 1977, s. 129], замечая, однако, что у Р. Хахмани эти застежки занимают несколько более раннюю хронологическую позицию, нежели фибулы варианта J-Костшевский.

Таким образом, фибулы вариантов F и K не имеют прототипов в кельтской культуре латена C₂ и повторяют по конструкции северо-германские и скандинавские изделия, в некоторых случаях обнаруженные в комплексах, синхронизация которых с фазой «b» позднего предримского времени, то есть с латеном C₂, не исключена [R. Nachmann 1961, Abb. 60, Taf. 2, 26—29; C. J. Becker 1990, Taf. 29, 43].

На основе взаимодействия скрепленной среднелатенской конструкции и североευропейских форм и мог появиться вариант I'. Но для выработки варианта K этого взаимодействия недостаточно: необходимо было объединить «коленчатую» форму спинки с «позднелатенской» рамчатой конструкцией. Последний термин не совсем верен, так как прототипов рамчатых фибул нет в комплексах Кельтики среднего латена, а известны они только в погребениях этого времени средней Германии, в частности, в могильнике Каммер (рис. 1, 31—33), в погребениях фазы 3 по Р. Хахману [R. Nachmann 1961, Taf. 1, S. 92—94, Abb. 29]. Эти находки синхронизируются с фазами «а» и «b» позднего предримского времени [В. Е. Еременко, М. Б. Шукин, в печати, табл. 3]. Таким образом, фибулы варианта K могли появиться, скорее всего, в результате взаимодействия североευропейских и средненемецких традиций, а ранние их находки в могильнике Рондсен (Жондз) на нижней Висле свидетельствует и об участии в этом процессе носителей оксывской культуры.

Если наши построения верны, то появление позднелатенской конструкции не в кельтской латенской культуре, а в среде северо-западных соседей свидетельствует о том, что сварка для изготовления фибул (а именно этим способом ножка прикреплялась к спинке для получения рамчатой конструкции — см. [А. В. Захаров 1989, с. 47—48]) впервые была применена именно здесь. Учитывая, что в «третьем мире» для изготовления фибул чаще использовалось железо, такое усовершенствование и упрощение конструкции было вполне естественным. Это несколько меняет наши представления не только об уровне развития «варварских» культур, но и о направлении культурных влияний.

Типы вещей, характерные для латена D₁ и фазы «с» позднего предримского времени (рис. 1), позволяют проследить передвижения отдельных групп населения в пределах «третьего мира», произошедших как накануне кампаний камбров и тевтонов против Кельтики, так и совпадающих с ними по времени. Хотя отсутствие надежных привязок к абсолютному счету времени изменений в материальной культуре варваров, которые фиксируются лишь в виде периодов относительной хронологии,

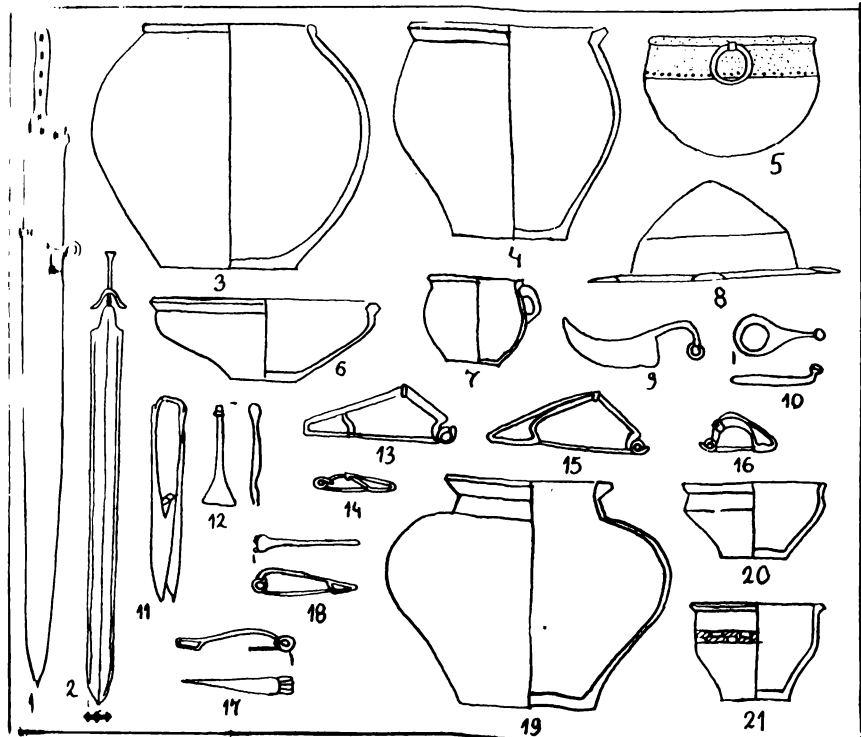
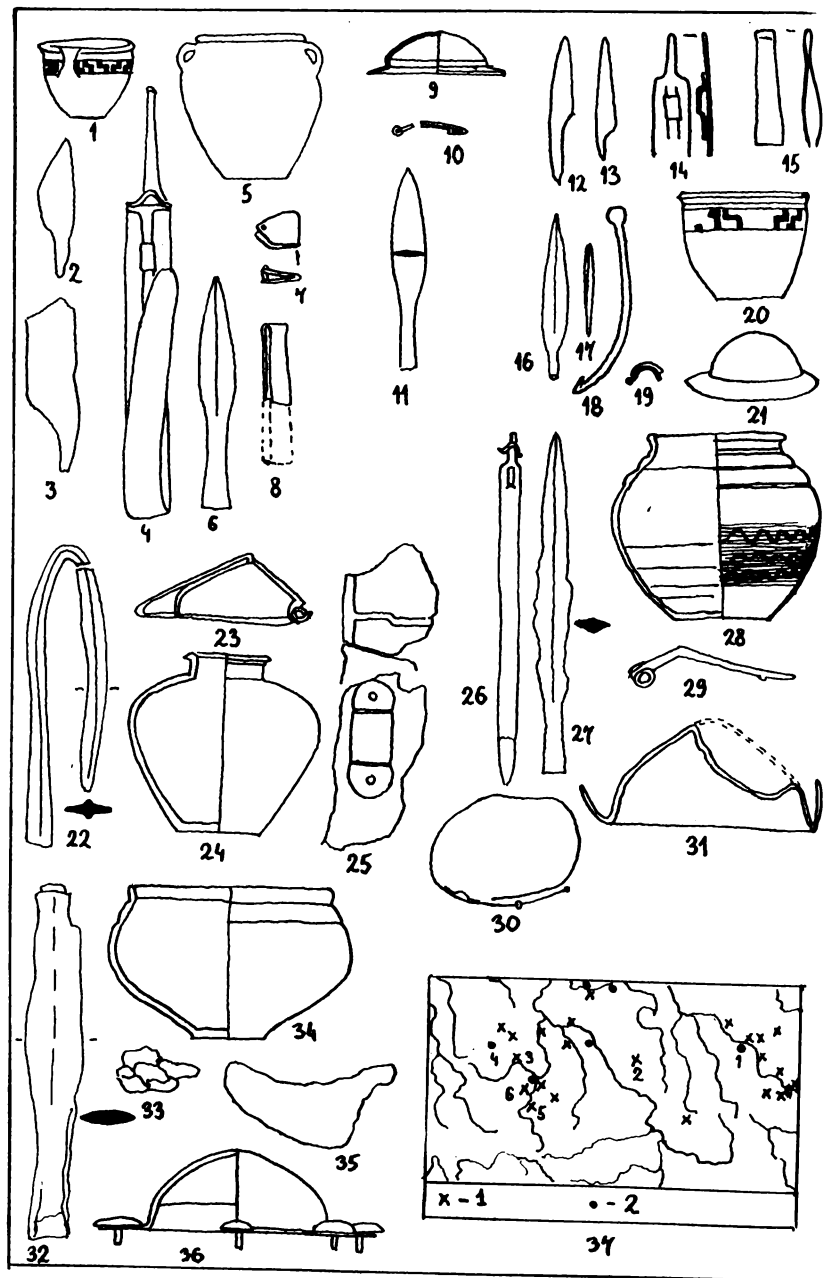

Рис. 2. Основные типы вещей фазы А₂ пшеворской культуры (по Т. Домбровской).

нельзя затрудняет реконструкцию последовательности событий.

Первое явление, которое следует отметить в среде латенизированных культур накануне походов кимбров и тевтонов — это возрастание активности носителей оксывской и пшеворской культур — сильно военизированных, с массой оружия в погребениях, со сложной и, вероятно, жесткой социальной структурой, что подтверждается рядом исследований [А. Kietlińska 1963; К. Godłowski 1960]. В пшеворской культуре происходит переход от фазы А₁ к фазе А₂ (рис. 2), который Т. Домбровская считает возможным отнести к первым десятилетиям второй половины II в. до н. э. [Т. Dąbrowska 1988, s. 59], т. е. к 150-130 гг. до н. э. В это время нарастает начавшееся ранее «вкрапление» отдельных пшеворских групп в среду носителей ясторфской культуры на Средней Эльбе и в междуречье Эльбы и Заале (рис. 3). Здесь выявлены погребения с типично пшеворской керамикой и оружием [В. Hachmann 1957, S. 156—167; К. Peschel 1977; 1978; В. Müller 1983; Т. Dąbrowska 1988b]. Благодаря своей военизированности пшеворская и оксывская культуры занимают особое место в среде латенизированных культур, и это, возможно, объяс-

ности спецификой процесса их сложения, хотя он до конца еще не ясен. Но очевидно, что кроме остаточного местного населения, вероятно, состоявшего из носителей поморской культуры, в процессе их формирования решающую роль сыграли ясторфские культурные традиции [R. Woźagiewicz 1979; T. Dąbrowska 1988]. Не исключено и участие в сложении новых культур небольших групп выходцев из Скандинавии [R. Woźagiewicz 1981; T. Dąbrowska 1988, s. 192—205] и, возможно, группы кельтов в экспансии [Z. Woźniak 1970, s. 40—103], проникшей сюда еще в период «исторической экспансии» кельтов, в конце IV — начале III в. до н. э. В отличие от остальной Кельтики, будучи практически оторванной от нее, эта группа, видимо, сохранила социальную структуру прежней бурной эпохи. Именно от неё, скорее всего, позаимствовали носители пшеворской культуры свое вооружение, а с ним, очевидно, технику и тактику боя, как и некоторые обрядовые действия (святилище на горе Шленза продолжало функционировать после кельтов при пшеворцах — см. [Z. Woźniak 1970, s. 65—75]), а также, вероятно, и социальную военизированную структуру [М. В. Shchukin 1989, p. 42]. Тогда пшеворские находки на Эльбе можно было бы трактовать как следы, оставленные группами воинов-пшеворцев, переселившихся вместе с семьями в долину ясторфского населения.

Иначе сложились отношения носителей ясторфской и оксывской культур в низовьях Одера: здесь оксывские памятники сменяют ясторфские. Судя по находкам фибул фазы «с» позднего предримского времени в оксывских погребениях и по отсутствию их в ясторфских это произошло как раз в этой фазе [R. Woźagiewicz 1968, s. 180, 189—190]. На ясторфских могильниках в Длуге и Любишево, правда, есть погребения с фибулами Р, G/H и К, диагностирующими фазу «с», но в этих могилах нет керамики, и поэтому их отнесение к ясторфским проблематично: они могут оказаться и оксывскими, тем более, что отсутствие в погребениях керамики как раз оксывская черта. Таким образом, носители оксывской культуры расширили свою территорию на западе до естественных пределов.

На восточных границах своих ареалов носители пшеворской и оксывской культур, вероятно, также потеснили своих соседей — носителей культуры западнобалтийских курганов. Запанонидицкая группа этой культуры исчезает, часть ее земель приходит в запустение, а на другой возникает особая ницицкая группа, включающая элементы всех трех культур с преобладанием пше-

Рис. 3. Пшеворские комплексы фазы «с» позднего предримского времени на Средней Эльбе (по К. Пешелю).

1—8 — Нососице, 9—11 — Шморкау, 12—21 — Артерн, 22—25 — Нордхаузен, 26—31 — Фрейенорла, 32—36 — Гроссромштедт, 37 — Карта: 1 — находки фибул и щитов, 2 — находки мечей.

ворских и включением некоторого количества ясторфских компонентов [J. Okulicz 1973, s. 301, 339—340].

Приблизительно в это же время или чуть позднее происходит «пшеворизация» тынецкой группы кельтской культуры в районе Кракова. Сюда кельты проникли, скорее всего, из Моравии, причем несколько позже, чем в Силезию, уже в период «средне-европейской консолидации», на ступени латена C₁ [T. Dąbrowska 1988, s. 114—123]. Впрочем, процесс культурного взаимодействия кельтов и носителей пшеворской культуры в этом регионе достаточно растянут во времени и с определенностью установить хронологическую границу «пшеворизации» трудно.

Не исключено, что с походами кимбров и тевтонов как-то сопрягается и возникновение таких новообразований в Южной Польше, Словакии и Венгрии, как пуховская и земплинская культуры [M. Sabalska 1978; K. Pieta 1986]. Отчетливых пшеворских элементов в них не заметно, но сам факт сложения новых культур, видимо, зависел не только от перехода на левобережье Дуная скордисков в 91—85 гг. до н. э. [J. Todorovič 1974, s. 154] или захватнической политики дакийского царя Буребисты в несколько более позднее время [M. B. Shchukin 1989], но и был подготовлен перемещениями племен накануне и во время походов кимбров и тевтонов [J. Todorovič 1974a]. Влияние пуховской и пшеворской культур отчетливо проявляется и в тынецкой группе латенских памятников Южной Польши: она приобретает смешанный кельто-пшеворский характер [T. Dąbrowska 1988, s. 114—127].

В хронологическом горизонте фибул G/H и K пшеворское население проникает далеко на запад — в район Веттерау на Майне. Здесь тоже открыта целая серия погребений с оружием и пшеворской керамикой (рис. 4, 1—20) [R. Nachmann 1957a; K. Peschel 1978; T. Dąbrowska 1988, s. 156—167]. Трудно сказать, были ли это выходцы с территории Польши или сюда переместились пшеворцы со Средней Эльбы, так же как трудно установить, появились они на Майне в связи с походами кимбров и тевтонов или вместе со свевами Ариовиста накануне галльских войн. Все зависит от того, какую часть интервала бытования фибул выбрать. Погребение в Цербст-Анкюн (рис. 4, 1—3) с керамикой, характерной для пшеворской культуры фазы A₁ [T. Dąbrowska 1988, Tabl. I, 1], могло бы скорее соответствовать первому варианту, а погребение из Боберсена (рис. 4, 10, 19—20) с ажурным поясным крючком 2-ой группы по Т. Фойгту [Th. Voigt 1971], синхронизируемой с латеном D₂ — последнему.

На юго-западе Германии фрагменты пшеворской керамики обнаружены на кельтском oppidum Манхинг в Баварии [W. Kramer 1962, S. 91; W. E. Stöckli 1979, S. 53], но опять же остается неясным, попала ли она сюда еще во время функционирования городища или в 60-е гг. до н. э., когда oppidum был раз-

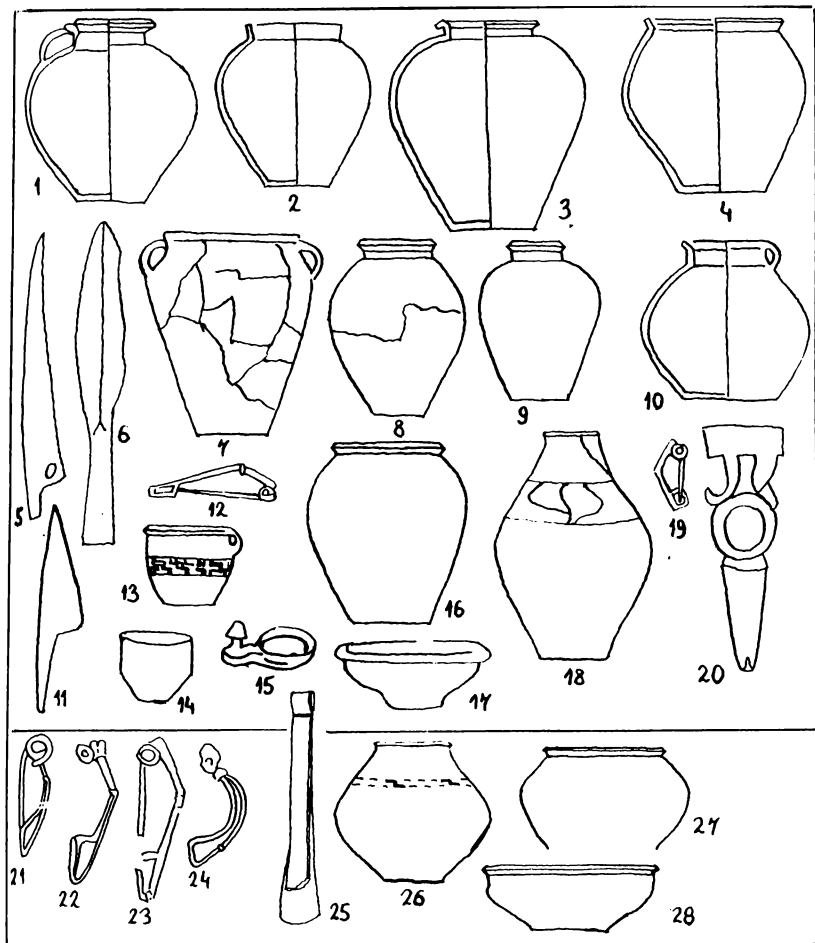

Рис. 4. Пшеворские комплексы фазы «с» позднего предримского времени на Майне (1—20) (по Р. Хахману) и пшеворские элементы кобыльской группы (21—28) (по Н. Венцловой).

1—3 — Цербст-Анкюн, 4 — Коссвиг, 5—9, 12 — Гернштедт, 10, 19—20 — Бюберсен, 11, 13—18 — Мюсхенхейм.

рушен, а по соседству были заложены германские могильники Кронвинкл и Уттенхофен [М. В. Shchukin 1989, p. 265].

Как уже отмечалось, определенные изменения, датируемые фибулами G/H и K-Костшевский, происходят в северо-восточной Чехии, где группа Боденбах-Подмоклы сменяется группой Кобылы (рис. 4, 21—28) [N. Venclová 1973], и в междуречье Одера и Нейсе, где II фаза губинской группы сменяется фазой III, по Г. Доманьскому [G. Domański 1975; 1983], или, по В. Е. Еременко,

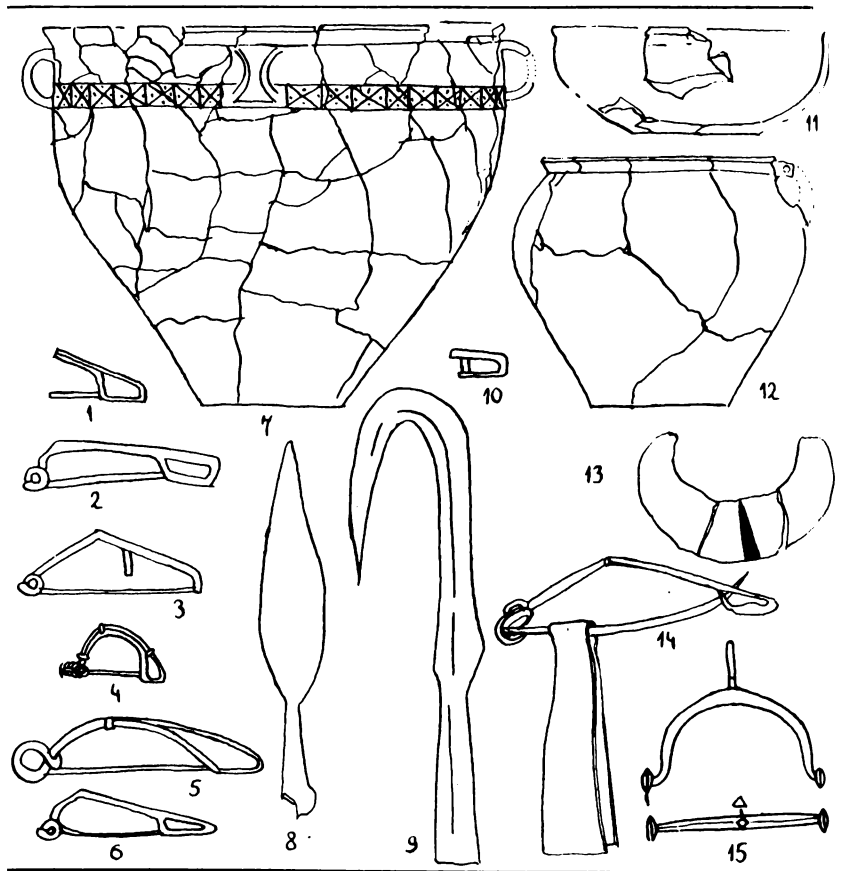

Рис. 5. Комплексы 3-ей фазы мужских и 4-й фазы женских погребений могильника Любошице (по В. Е. Еременко) и некоторые синхронные вещи губинской группы ясторфской культуры.

Могильник Любошице: 1, 7 — п. 191, 2 — п. 60, 3 — п. 165, 5 — п. 184, 10, 13 — п. 68, 15 — п. 185; 6 — Ранпице, 4, 8 — Губин, 9 — Вернино, 14 — Садзаревце.

начинаются 4-я фаза женских и 3-я мужских погребений (рис. 5) [В. Е. Еременко, в печ., рис. 20—24]. Исчезновение губинской группы К. Годловский склонен связывать с походами свевов Ариовиста [К. Godłowski 1978], но здесь встает та же самая проблема «растянутости» археологических дат, о которой неоднократно шла речь выше. В обоих новообразованиях, в группе Кобылы и в поздних комплексах губинской группы отмечается присутствие пшеворской керамики [Т. Dąbrowska 1988, s. 152—167].

С другой стороны, пшеворское влияние ощущается и на северо-

ниде, в Ютландии. Здесь был заложен могильник Крагхеде с керамикой, напоминающей пшеворскую, и с ритуально испорченным оружием (рис. 6) [O. Klindt-Jensen 1949]. Самое раннее погребение А1 дало еще обломок среднелатенской фибулы Восточный, а основной датирующий материал могильника — фибулы варианта К, мечи, наконечники копий, умбоны и импортный бронзовый сосуд Эггерс-4 синхронизируют его с фазой А₂ пшеворской культуры [T. Dąbrowska 1988, s. 167—168].

Отмечено, что в это же время в Скандинавии широко распространяется обряд погребения с оружием, хотя такого скопления пшеворских черт, как в Крагхеде, нет, пожалуй, больше нигде. Тем не менее очевидно, что происходит явное оживление контактов жителей Скандинавии — носителей периферийных групп яснорфской культуры — с континентом во время, приблизительно соответствующее походам кимбров и тевтонов. Контакты, вероятно, были двусторонними, хотя проникновение выходцев с юга прослеживается с меньшей очевидностью, чем в более раннее время, во второй половине III — начале II в. до н. э., в период переселений бастарнов и родственных им племен [T. Dąbrowska 1988, s. 192—197].

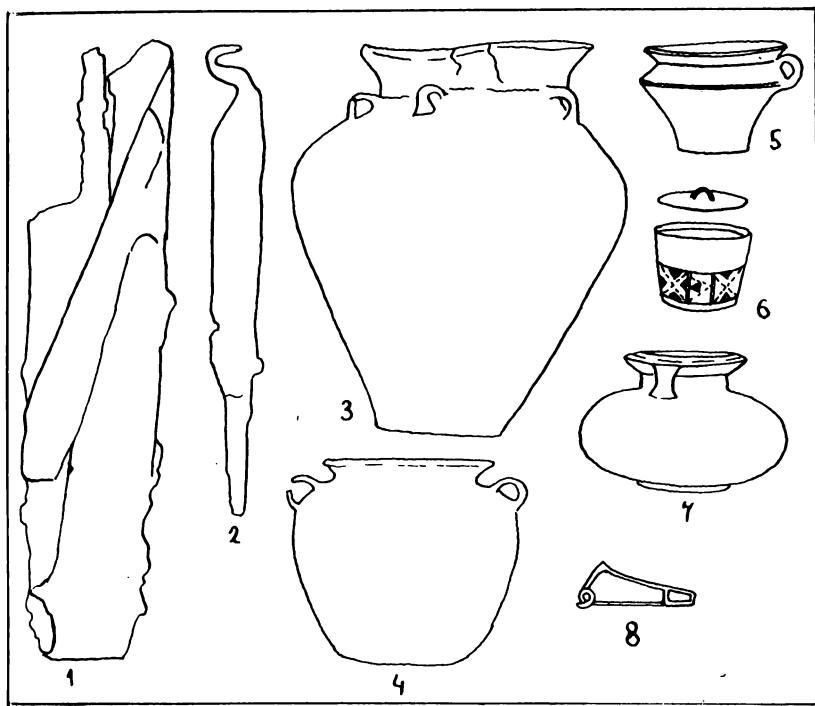

Рис. 6. Погребение 69 в Крагхеде (Ютландия) (по Р. Хахману).

Одним из свидетельств таких контактов и даже передвижении какой-то группы ясторфского населения могут оказаться памятники недавно открытой на Любельщине черничинской группы к сожалению, слабо исследованной и поэтому не имеющей надежной датировки (рис. 7). С. Чопек, например, основываясь на немногочисленных находках поморской керамики на черничинских селищах (от 2 до 6 %), относит группу к латену В₂ D₁ и датирует III—II/I вв. до н. э., полагая, что она является связующим звеном между поморской и зарубинецкой культурами, которое вот уже более 30 лет безуспешно пытаются найти польские и советские археологи [S. Czopek 1985, s. 101—103]. Но закрытых комплексов, сочетающих поморскую и черничинскую керамику, нет, поэтому более обоснованной представляется точка зрения Т. Домбровской и А. Коковского, синхронизирующих черничинские поселения с фазами А₁—А₂ пшеворской культуры, причем с акцентом именно на А₂ [Т. Dąbrowska 1974; 1981; А. Kokowski 1986, s. 186]. Черничинская группа, несомненно, объединяет в себе традиции сразу нескольких культур позднего предримского времени: об этом красноречиво свидетельствует дискуссия о культурной атрибуции. Часть исследователей считает группу пшеворской, другая — зарубинецкой, но все отмечают и ощутимые ясторфские влияния [Т. Dąbrowska 1988, s. 74—75].

Новый приток ясторфского населения в поянешти-лукашевскую культурную группу фиксируется закладкой могильника Долиняны на Буковине [Г. И. Смирнова 1981], в ранних погребениях которого, наряду с вариантом В-Костшевский, обнаружены фибулы G/H, D/E (рис. 8). С. П. Пачкова полагает, что произошло переселение какой-то группы населения со Среднего Одера [С. П. Пачкова 1984], но при этом отказывается включать памятник в число поянешти-лукашевских. Другие исследователи [Г. И. Смирнова 1981; М. Babeş 1985; В. Е. Еременко, в печ.] такого исключения не делают, а Т. Домбровская не считает возможным определить исходный пункт движения этого населения точнее, чем вся территория ясторфской культуры [Т. Dąbrowska 1988, s. 180]. На селищах типа Поянешти-Лукашевка также обнаружена керамика, близкая пшеворской, но точно датировать ее не удастся. [М. Babeş 1973; Т. Dąbrowska 1988, s. 178—180].

Какие-то подвиды населения накануне походов кимбров и тевтонов подходили и в области зарубинецкой культуры, причем довольно заметные: здесь образовалась новая, верхнеднепровская группа, наиболее исследованным памятником которой является могильник Чаплин (см. статью [В. Е. Еременко, В. Г. Журавлев в настоящем сборнике]). Одна из самых ранних датированных находок могильника — фибула варианта D/E, сочетающаяся с фибулой В-Костшевской в погр. 122 (рис. 9, 20—21). В корреляционных таблицах, правда, выделяются и более ранние комплексы, так что закладка могильника, видимо, произошла несколько раньше, но это событие все же позже закладки могильников на

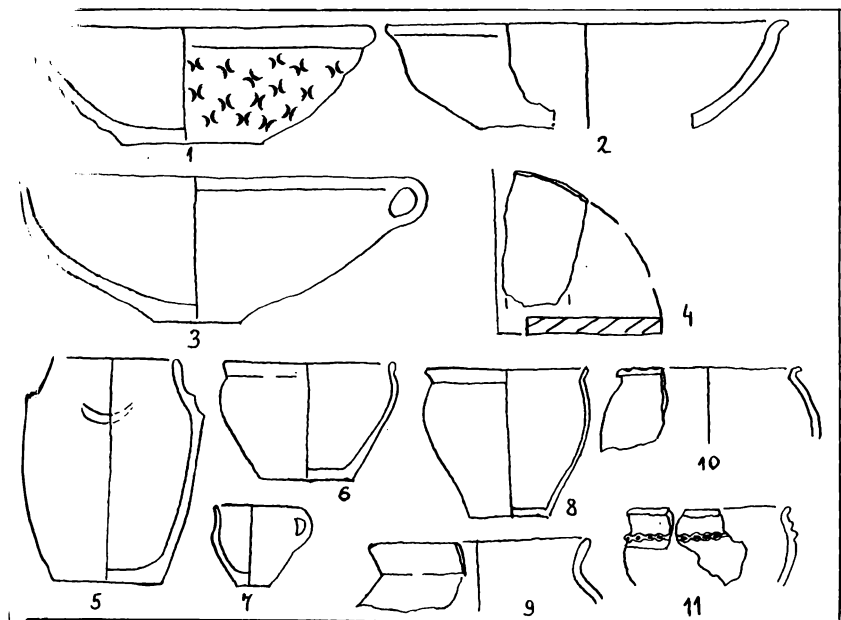

Рис. 7. Керамика черничинской группы (по Т. Домбровской и С. Чопеку).

1 4 — Черничин, 5—7 — Путневице, 8—11 — Вербковице-Которов.

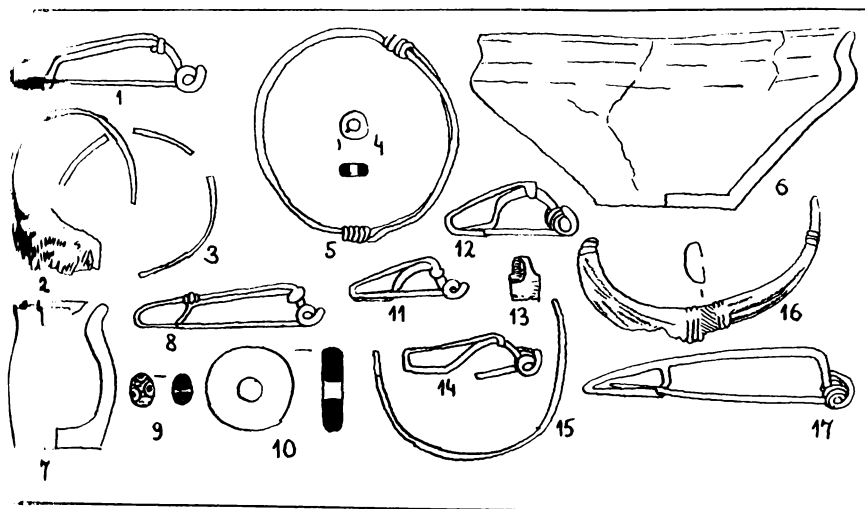

Рис. 8. Могильник Долинный: вещи из погребений I фазы и из ранних погребений II фазы (по В. Е. Еременко).

1—3 — п. 7, 4—6, 12—13, 16 — п. 2, 7—10 — п. 13, 11 — п. 4, 14—15 — п. 16, 17 — п. 6.

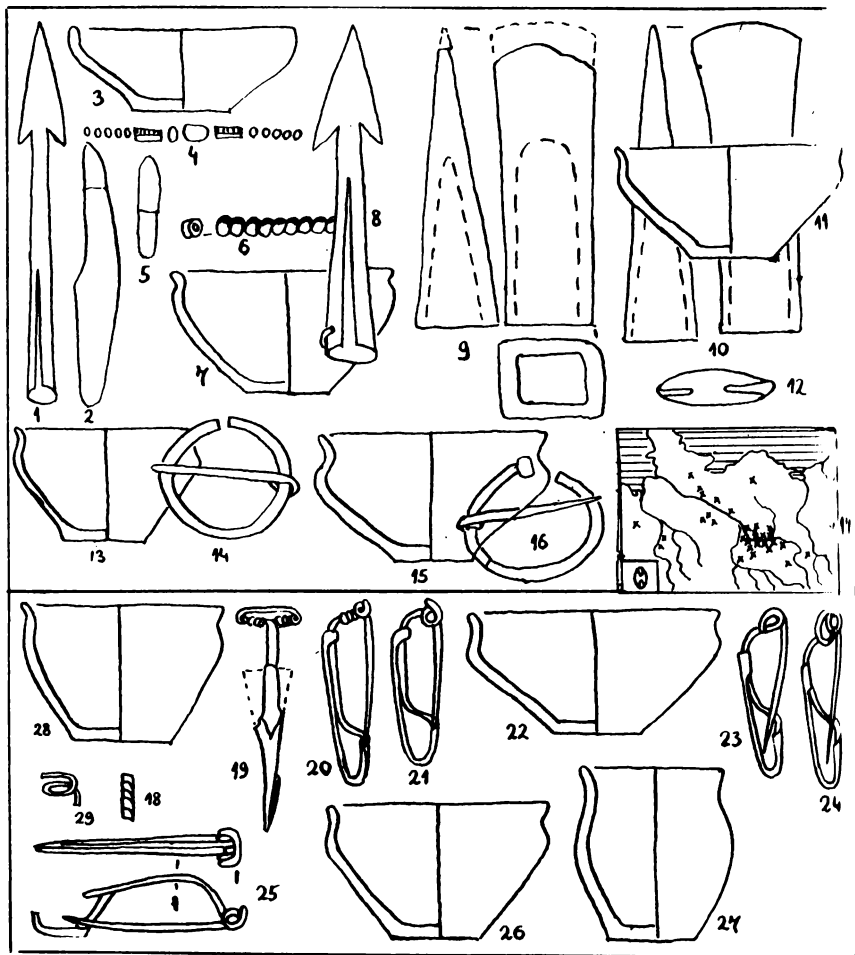

Рис. 9. Мужские погребения 2-й фазы (1—16) и женские погребения 3-й фазы (18—29) могильника Чаплин (по В. Е. Еременко и В. Г. Журавлеву) и распространение поясных крючков (17) (по М. Бабешу).

1—5 — п. 189, 6—8 — п. 191, 9, 13—14 — п. 244, 10—12 — п. 236, 15—16 — п. 194, 18—19, 28—29 — п. 27, 20—21 — п. 122, 22—24 — п. 241, 25—27 — п. №

Полесье и в Среднем Поднепровье. Примечательно, что одно временно с фибулами, диагностирующими фазу «а» позднего предримского времени, в Чаплине появляются наконечники копий и дротиков, аналогичные окышевским (рис. 9, 1, 8). Раньше и зарубинецких погребениях никогда не появлялось оружие.

Не менее любопытно, что материалы могильника Чаплин демонстрируют и явные связи оставившего его населения со ски

ними Нижнего Поднепровья и Крыма, причем более тесные и жилинные, чем у лежащей гораздо ближе к низовьям Днепра среднеднепровской группы. Аналоги позднескифским вещам обнаружены в могилах Неаполя Скифского, датированных фибулами среднелатенской конструкции и неапольского варианта, относящихся как раз ко времени активной деятельности Митридата I Великого [В. Е. Еременко, В. Г. Журавлев, статья в настоящем сборнике, рис. 9; В. Е. Еременко, Н. Е. Берлизов 1989]. Не получили ли мы археологическое подтверждение тому процессу «смешения» кельтов и скифов, о котором сообщает Посидоний?

Нельзя не обратить внимание и на наличие в Чаплине некоторых ясторфских компонентов, всего выразительнее представленных небольшими поясными скрепами с крючками с обеих сторон [В. Е. Еременко, В. Г. Журавлев, статья в настоящем сборнике, рис. 9, 20, 24]. Основной ареал их распространения лежит на Средней Эльбе (рис. 9, 17) [M. Babeş 1985, fig. 10].

В дополнение к ряду форм чаплинской керамики, находящей соответствия в керамике Ютландии периода IIIa по К. Беккеру [C. J. Becker 1961; В. Е. Еременко, В. Г. Журавлев, статья в настоящем сборнике, рис. 9], можно отметить и некоторые другие элементы западного происхождения — железные топоры-кельты (рис. 10, 2), шпору с Чаплинского городища (рис. 10, 11), аналогичную находке из погр. 165 в Любошицах [G. Domański 1975, tabl. XIXd]. Возможно, в пшеворской и оксывской культурах следует искать и истоки ямного погребального обряда могильников Чаплин и Горошков.

В двух других группах зарубинецкой культуры, полесской и среднеднепровской, западные элементы периода, соответствующего фазе «с» позднего предримского времени или II фазе полесских могильников по К. В. Каспаровой [1984, рис. 5, с. 115—116], тоже заметны, хотя и меньше. Это фибулы D/E из Зарубинцев и Вишенок (рис. 11, 15—16) [В. П. Петров 1959, рис. 3, 6], фибула G/H из Велемичей II (рис. 11, 3) [Ю. В. Кухаренко 1961, табл. 22, 25], застежки, близкие наухайским, из Семуриец и Велемичей II (рис. 11, 9—10) [Л. Д. Поболь 1969, рис. 5; К. В. Каспарова 1984, рис. 2, 14] и из слоя городища Ялбина Гора (рис. 11, 17) [Е. В. Максимов 1982, табл. XIX], близкие оксывским копья из Велемичей I (рис. 11, 1) [Ю. В. Кухаренко 1961, табл. 23, 1, 11], горшочек оксывско-пшеворского облика с ногтевыми вдавлениями по плечу из Воронино (рис. 11, 4) [Ю. В. Кухаренко 1961, табл. 40, 41], фрагменты глиняных сковородок с ногтевым орнаментом из слоя городища Пилипенкова Гора и фрагмент бритвы из Таценок (рис. 11, 11, 13—14) [Е. В. Максимов 1972, табл. XII, 11, XIII, 13, XXI, 15].

Не исключено, что северо-западные контакты осуществлялись по новому пути, маркировать который могли бы некоторые находки, сделанные в лесной зоне (рис. 10, 1—7) — позднелатенские наконечники дротиков, ножницы и фибулы с городищ днепро-

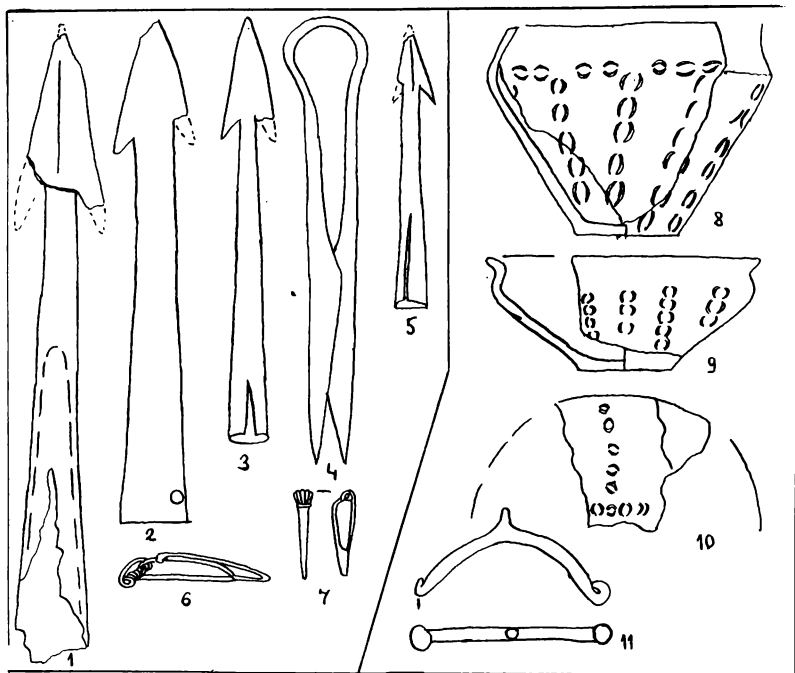

Рис. 10. Западные элементы фазы «с» позднего предримского времени в лесной зоне (1—7) и на территории верхнеднепровского варианта зарубинецкой культуры (8—11).

1 — Жлобин, 2 — Августово, 4 — Кострица, 5 — Заговалино, 6 — Горюх, 7 — Малышки, 8 — Горошков, 9—11 — Чаплин.

двинской культуры [Л. Д. Поболь 1983, рис. 65,25, 97,1; В. И. Шадыро 1985, рис. 37,2—3; М. В. Shchukin 1989 II, ill 19] наконечник дротика и напоминающая наухаймскую фибулу и слоев городищ со штрихованной керамикой Средней Белоруссии аналогичные находки копий и дротиков в Литве и Калининградской области [А. Г. Митрофанов 1978, с. 37].

Если теперь расположить археологические явления фазы «с» позднего предримского времени, наблюдаемые в Центральной и Восточной Европе, в хронологической последовательности, совместить их с данными письменных источников, можно выделить две основные группы явлений: предшествующие походы кимбров и тевтонов и синхронные им. Становится очевидным, что в фазе «с» пшеворские импульсы охватывают западные области ясторфской периферии (рис. 12,5—6) и восточную окраину культуры западнобалтийских курганов (рис. 12,7), в то время как ясторфские проявляются на востоке пшеворской культуры — на памятниках черничинской группы (рис. 12,8) и еще восточнее, в

территории зарубинецкой и поянешти-лукашевской культур (рис. 12, 10—11). Эти взаимосвязи, пронизывающие латенизированный мир и зачастую идущие во встречных направлениях, настолько сильны, что можно говорить о существовании единой общности археологической непрерывности, дугой тянущейся с севера вокруг центральноевропейских кельтских земель и соединяющей латенизированные культуры [В. Е. Еременко, в печ.]. Косвенным существование этой непрерывности подтверждается Посидонием, согласно которому все население («войско») Кельтики имеет общее название — кельтоскифы (кимвры), хотя отдельные их части и имеют собственные названия [Plut., Mac., XI].

Третью загадку и составляют сведения Посидония о кельтоскифах, цитируемые Страбоном и Плутархом. Историки и археологи редко к ним обращались, уж очень они казались несуразными

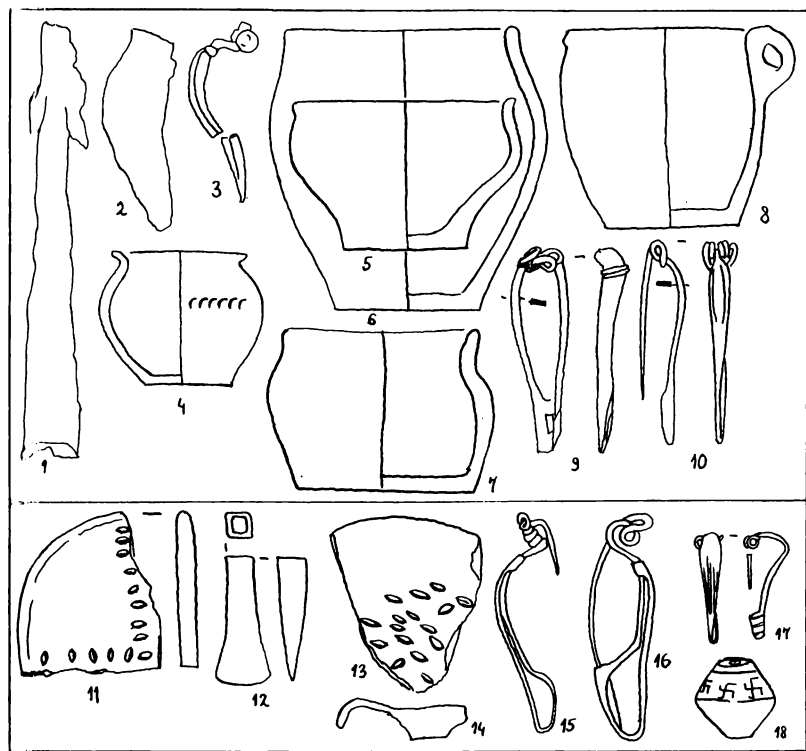

Рис. 11. Западные элементы фазы «с» позднего предримского времени на зарубинецких памятниках Полесья (1—10) и Среднего Поднепровья (11—18).

1—2 — Велемичи I, п. 116, 3 — Велемичи I, п. 109, 4 — Воронино, п. 31, 6, 8, 10 — Семурадцы, п. 21, 7, 9 — Семурадцы, п. 20, 11, 14 — Таценки, 12 — Бортничи, 13 — Пилипенкова Гора, 15 — Зарубинцы, 16 — Вишенки, 17 — Бабина Гора, 18 — Басовка.

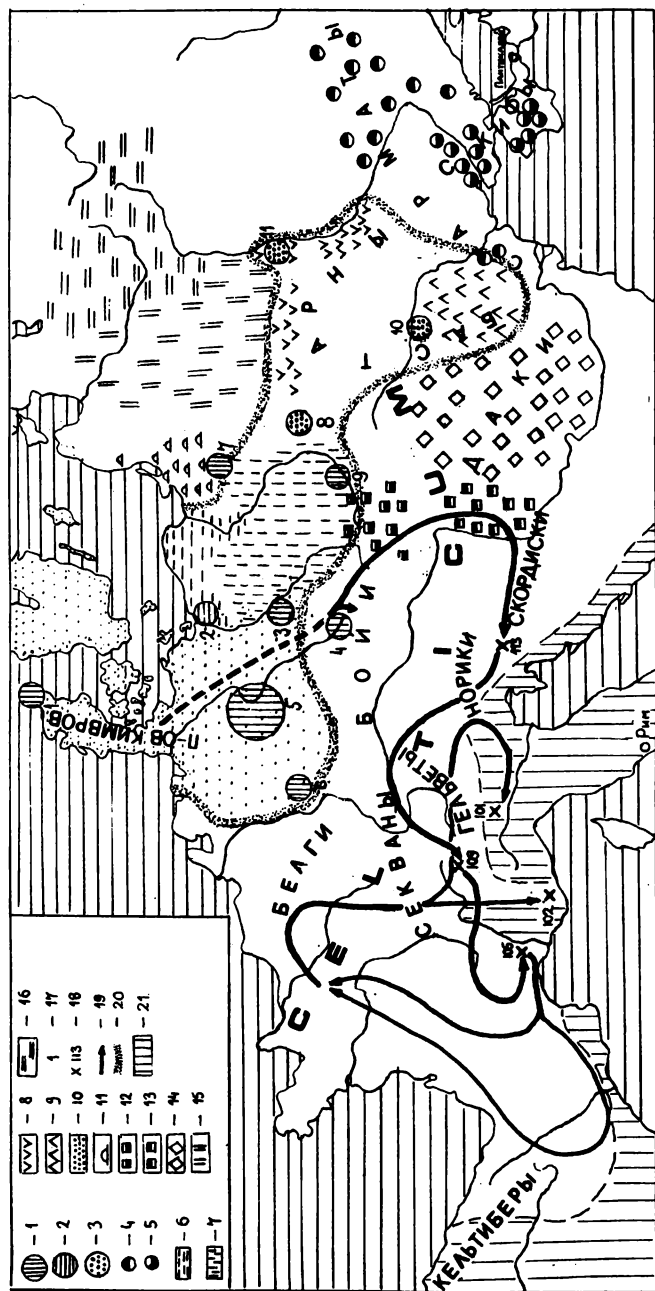

Рис. 12. Карта археологических культур периода походов кимров и тевтонов.

1—3 — зоны культурных инноваций: 1 — зоны «пшеворизации», 2 — зоны «оксывизации», 3 — зоны «ясторфизации», 4 — сарматские памятники, 5 — позднескифские памятники, 6 — оксывская культура, 7 — пшеворская культура, 8 — зарубинецкая культура, 9 — памятники типа Поянешти—Лукашевка, 10 — ясторфская культура, 11 — культура западнобалтийских курганов, 12 — пуховская культура, 13 — земплинская культура, 14 — дакийские памятники, 15 — культура штрихованной керамики, 16 — днепровская культура, 17 — зоны культурных инноваций: 1 — группа Крагеле, 2 — наложская группа, 3 — группа Крагеле, 4 — группа Крагеле, 5 — группа Крагеле.

и фантастическими. Страбон пишет, что кимвры «совершали походы даже до области Меотиды» и что греки называли кимвров киммерийцами [Strabo, VII,2,2]. Созвучны и данные Плутарха: «Кельтика такая обширная страна, что она от Внешнего океана и холодных стран идет в сторону солнечного восхода и Меотиды, где граничит с Понтийской Скифией. Именно оттуда, где смешались эти племена, они выселились не одним непрерывном натиском, но каждое лето, двигаясь все вперед и воюя, прошли материк за большой промежуток времени. Поэтому, хотя они делились на много частей с разными названиями, все их войско в совокупности называлось кельтоскифами... Те киммерийцы, которые в древности стали известны греками, были не большей частью своего народа, а только группой беглецов... Самые же многочисленные и воинственные из них живут на краю света, у Внешнего моря и занимают тенистую и лесистую землю... вплоть до Геркинского леса... именно оттуда возникло наступление на Италию этих варваров, называвшихся сначала киммерийцами, а потом очень кстати кимврами» [Plut., Mar., VI].³

Чуть выше Плутарх пояснял, что «кимврами» германцы называли разбойников. В связи с этим возникает мысль, не скрывается ли за этим названием не столько этно-племенное, сколько этно-социальное понятие, наподобие «викинги» более позднего времени.

Тогда логика этого кажущегося с первого взгляда запутанным пассажа становится яснее. К Посидонию, а через него к Страбону и Плутарху, очевидно, поступала противоречивая информация. С одной стороны, кимвры вышли из северных краев Европы, с другой — они начинали движение откуда-то с востока, от Меотиды, из Скифии. Нетрудно заметить, что «Кельтика» Посидония — это, по сути, вся территория, занятая не только кельтами, но и носителями латенизированных культур [В. Е. Еременко, В. Г. Журавлев, статья в настоящем сборнике]: только в этом случае она действительно тянется от Внешнего океана в направлении Меотиды (рис. 12). Скифы во времена Плутарха обитали в степном и предгорном Крыму и в Нижнем Поднепровье

(Припонтийская Скифия). Плутарх, конечно, читал Геродота и знал, что скифы пришли в Причерноморье с востока, потеснив киммерийцев, народ тоже подвижный и воинственный. Неудивительно, что все нескифское население Восточной Европы он, исходя из распространенных представлений обыденного сознания об этносах и созвучия названий (чаще всего ошибочных — см. [И. В. Куклина 1985, с. 59-66]), мог посчитать кимвров потомками киммерийцев.

На позднескифских памятниках Нижнего Днепра и Крыма обнаружен ряд находок, происхождение которых может быть связано с латенской и латенизированными культурами. Но фибулы из Неаполя Скифского [Э. А. Сымонович 1983, табл. XXV, 1-10] синхронизируются с латеном C₂, а зарубинецкая и поянешти-лукашевская керамика, найденная в могильниках Николаевки, Золотая Балка и других [Э. А. Сымонович 1978] относится к более позднему времени — латену D₂ [В. Е. Еременко, в печати]. Происхождение копьевидных фибул, фибул с расплющенной ножкой, найденных на позднескифских памятниках, дата которых (конец II—начало I в. до н. э.) ложится на время походов кимвров и тевтонов, связано скорее с вхождением скифов в систему союзов под эгидой Митридата Евпатора. От участвовавших в том же союзе скордисков Подунавья и галатов Малой Азии и была, видимо, заимствована эта форма застёжек [В. Е. Еременко, Н. Е. Берлизов 1989]. Не упоминают кимвров в непосредственной близости от античных городов Северного Причерноморья и письменные источники, повествующие о событиях конца II—начала I в. до н. э.

Не удастся найти следы кельто-скифского смешения и на собственно позднескифских памятниках. Нет никаких данных и для локализации этого процесса в Малой Скифии, на территории Добруджи [Z. Woźniak 1974, s. 24]: такая гипотеза не только прямо противоречит сообщению Посидония, но и не подкрепляется археологическим материалом, так как скифские памятники II—I вв. до н. э. в Добрудже не обнаружены. Единственным бесспорным свидетельством кельто-скифского «смешения» пока остаются комплексы мужских погребений могильника Чаплин.

Но если рассматривать латенизированные культуры позднего предримского времени именно с точки зрения их всеобщей взаимосвязанности в свете сведений Посидония, предположения об участии в походах кимвров и тевтонов носителей не только ясторфской, но и пшеворской, оксывской, а частично, возможно, зарубинецкой и поянешти-лукашевской культур [М. В. Shchukin 1989, p. 231] выглядят не столь уж фантастично. Да и вряд ли в Ютландии, на побережье Северного моря, в суровых климатических условиях могло появиться столь многочисленное и столь точное население, способное выставить до 300 тысяч воинов. Во всяком случае, носители пшеворской культуры несомненно участвовали в походах своих северных соседей — об этом сви

послуживает вся археологическая ситуация конца II — начала I в. до н. э. (рис. 12), особенно если принять во внимание возможность движения кимбров и тевтонов в страну бойев вверх по Одеру [W. Schultz 1929], хотя и путь по Эльбе представляется нам равновероятным. Впрочем, путей передвижений отрядов варваров наверняка было несколько, и начинать дискуссию о предпочтительности того или иного вряд ли следует.

Таким образом, если принять гипотезу, предложенную выше при решении второй загадки, и предположить, что в нападении на Кельтику и Рим приняло участие все население «третьего мира» (отсюда и огромные размеры армии), то кажущиеся странными и несуразными свидетельства Посидония, Страбона и Плутарха будут выглядеть не столь неправдоподобными. Что касается самих кимбров и тевтонов, то они в походах могли составлять лишь небольшую часть, быть организующей силой и действительно выйти из Северной Европы — Ютландии и Скандинавии.

Так может быть разрешена третья загадка кимбров и тевтонов.

Заключение. Мы не знаем, какого рода контакты и взаимодействия скрываются за всеми отмеченными выше археологическими явлениями, в каких случаях это были одноразовые передвижения отдельных племен или постепенное просачивание переселенцев в инородную среду, разведывательные или грабительские походы небольших отрядов, дипломатические миссии с установлением торговых и союзнических отношений и т. д. Возможна масса различных вариантов. Но сам факт наличия контактов прослеживается совершенно отчетливо, и в результате «третий мир» древней Европы предстает перед нами значительно более тесно взаимосвязанным, чем могло бы показаться с первого взгляда [В. Е. Еременко, в печ.]. Взаимные культурные импульсы проникают его от Ютландии до Поднепровья, от Мазовии до Майна, причем если пшеворский импульс направлен преимущественно на запад, то ясторфский более ориентирован на восток.

Культурные изменения, происходящие на рубеже ранней и средней фаз позднего предримского времени в «третьем мире» и отмеченные движения населения могли бы свидетельствовать о нестабильности обстановки, но нужно заметить, что эти перемены не идут в сравнение ни с изменениями, произошедшими в латенской культуре на рубеже среднего и позднего латена, где позник новый тип общества, ни с потрясениями, обрушившимися на «третий мир» столетием раньше. Поэтому брожения, происходившие внутри последнего, быть может, скорее способствовали его стабилизации и объединению.

Совокупность данных письменных и археологических источников как будто демонстрирует с достаточной убедительностью, что походы кимбров и тевтонов должны были бы осуществляться объединенными усилиями населения «третьего мира». А тогда их история предстает в несколько ином свете, нежели ранее. И

планы Митридата Евпатора — объединение всех варваров Европы на борьбу с Римом зародились, видимо, не случайно: путь из Причерноморья в Италию через Герцинский лес был открыт участниками походов кимбров и тевтонов.

Мы не знаем ни детальной организации союза, возглавляемого кимбрами и тевтонами, ни района концентрации их сил перед походом, ни поводов их нападения на Кельтику, ни реальных причин. Хотя о последних можно и догадаться. Достаточно пересмотреть археологические карты, чтобы убедиться — все латенизированные культуры этого времени, конца II — начала I в. до н. э., представлены наиболее густой сетью памятников. Вполне можно представить себе относительную перенаселенность этих земель. Избыточное население, и было вовлечено, вероятно, и мероприятие кимбров и тевтонов.

Были возможны и другие причины, в частности, климатические изменения или истощение почв. К сожалению, нам неизвестны работы палеогеографов, специально посвященные этому сюжету. Кроме того, климатические изменения протекают, как правило, в замедленном темпе, а их демографические результаты часто запаздывают и носят взрывной характер. С определением же хронологии климатических явлений палеогеографы обычно вынуждены обращаться опять-таки к данным истории и археологии. Получается «порочный круг», хотя некоторые уточнения и конкретизацию процессов палеогеографические наблюдения, конечно, могли бы принести.

Не исключено, что новая волна движения сармат, достигшая Причерноморья в середине или конце II в. до н. э., тоже сыграла определенную роль в устремлении населения «третьего мира» на запад. В 109 г. до н. э. представители этой волны — ревксины-роксоланы, выступали на стороне скифов против Диофанта, полководца Митридата Евпатора, и были им разбиты [Д. А. Мачинский 1974].

Примечательно, в частности, что со ступени латена D₁ и синхронной фазы «с» позднего предримского времени в «третьем мире» появляются шпоры. Это явное свидетельство более широкого распространения боевого применения коня, произошедшего, возможно, не без сарматского влияния, хотя сами шпоры — изобретение европейское: кочевники, как всадники более умелые, шпорами не пользовались.

С роксолано-аорсской волной сарматского движения в Причерноморье появляются серебряные фалары греко-бактрийского стиля, разнесенные по степям, вероятно, участниками разрушения Греко-бактрийского царства в 165-135 гг. до н. э. [А. А. Спицын 1909; К. В. Тревер 1940; К. Ф. Смирнов 1984; М. В. Shchukin 1989, p. 96]. А некоторые изделия этого стиля зафиксированы в Западной Европе: диск из Хельдена в Голландии, клад с острова Сарк на Ла Манше, находка в римском лагере Оберхаузен, существовавшем с 12 по 9 г. до н. э. (сам диск, видимо,

изготовлен раньше). Особенно же близок «греко-бактрийским» изделиям диск с изображением митраистского быка, укрепленный на донышке известного кельтского котла из Гундеструпа, считающегося изготовленным где-то в кельто-дакийском пограничье, возможно, во время пребывания кимвров в землях скордисков. Кроме того, в Кабинете медалей Национальной библиотеки Парижа хранятся два диска, один из которых с греческой подписью посвящения Митридатом Евпатором богине Артемиде [J. V. C. Megaw 1970, p. 134—135, fig. 214—215].

Все эти находки могут быть или свидетельствами контактов участников походов кимвров и тевтонов с сарматами в Причерноморье, или частью дипломатических даров Митридата Евпатора, пытавшегося завязать отношения с кимврами, галатами и бастарнами [Justin, XXXVIII, 5,6—7] накануне последнего этапа римско-понтийских войн 68—66 гг. до н. э.

Но Митридат явно запоздал. Войско кимвров было разгромлено под Верцеллами, многие погибли, масса попала в рабство, а остальные участники походов, вернувшиеся в родные места в разных уголках «третьего мира», вряд ли уже могли представлять сколько-нибудь внушительную силу.

Но часть их, видимо, избежала гибели и плена и осела в Центральной или Восточной Европе: об этом свидетельствует Юстин, рассказывающий о посылке Митридатом Евпатором перед началом последней войны с Римом посольств к кимврам, галатам и бастарнам [Justin, XXXVIII, 5,6—7]. Правда, остается неясным, были ли это «восточные» кимвры Посидония или западные, участвовавшие в походах на Рим. Во всяком случае, памятников, которые можно было бы связать с кимврами, поблизости от земель скордисков не обнаружено, да и письменные источники, повествующие о полутора десятках военных кампаний римлян против скордисков 116—16 гг. до н. э., кимвров не упоминают. Так что скорее это были кимвры Посидония.

Участники походов, избежавшие гибели и плена, сумели все-таки принести с собой часть трофеев, которые посвятили своим богам, бросив в омуты. К числу таких болотных находок в Дании относится и упомянутый котел из Гундеструпа, и кельтский котел из Бро, изготовленный еще в IV—III вв. до н. э., (вероятно, результат разграбления одного из святилищ Кельтики), котел из Рынкебы, кельтские колесницы из Дейбьерга и Хюсби и некоторые другие [O. Klindt-Jensen 1949; J. V. C. Megaw 1970, fig. 202, 222, p. 129, 138].

Скопление таких священных даров именно в Ютландии, быть может, подтверждает свидетельства Страбона и Плиния, что сами кимвры были выходцами именно из этой части «третьего мира».

Следует отметить, что бронзовая римская посуда, обнаруженная не только в Дании, но и на территории пшеворской культуры, сочетается в погребениях именно с фибулами фазы «с» позднего предримского времени, [В. Е. Еременко, М. Б. Шукин, в. печати,

табл. 4; T. Dąbrowska 1988, s. 205—214] и тоже может быть частью добычи участников походов. Самые ранние римские монеты, обнаруженные на территории Польши, также синхронизируются со временем активности кимбров и тевтонов (например [S. Kubiak 1979, №№ 15, 34, 46, 77, 79/1]). Свидетельством контактов с носителями зарубинецкой культуры, или, скорее, с кордискскими, может быть «копьевидная» среднелатенская фибула из Хольте в низовьях Эльбы [K. Tackenberg 1963], а короткое пребывание кимбров в Северной Италии после битвы при Норее или накануне Верцелл может маркировать фибула типа Ченизола, обнаруженная на поселении пшеворской культуры Иголоме-Зофия под Краковом [J. Werner 1955].

Т. Домбровской отмечено более позднее появление в пшеворской культуре фибул Альмгрен-65, типа Лаутерах, J-Костшевский и наухаймских по сравнению с Кельтикой [T. Dąbrowska 1988, s. 57—60]. Трудно сказать, в какой именно момент фазы «с» позднего предримского времени в абсолютном счете времени они появились в латенизированных культурах, но нельзя исключать и возможность того, что знакомству с ними северные варвары обязаны походам кимбров и тевтонов.

Мы не знаем, имели ли какое-либо отношение к тевтонам такие топонимы, как Тевтобургум на Среднем Дунае [Die Germanen 1988, Abb. 51] или Тевтобургский лес на Нижнем Рейне, где в 9 г. н. э. германцы вырезали три легиона Квинтилия Вара.

В целом же можно констатировать, что первое столкновение двух цивилизаций, античной и кельтской, с объединенными силами «третьего мира» закончилось для последних неудачно. Разгром кельтской цивилизации был отсрочен на 40-50 лет, а римской намного больше. Впрочем, как говорилось, варвары такой задачи себе еще и не ставили.

Привлечение данных археологии для решения проблем походов кимбров и тевтонов оказалось не бесполезным. События представили в несколько ином свете, в единую картину связались свидетельства, казавшиеся или несуразными, или не имеющими к данному сюжету отношения. Дальнейшее накопление материалов и, прежде всего, разработка более точной относительной и абсолютной хронологии фаз «b» и «с» позднего предримского времени, которая еще только начата, смогут, вероятно, помочь в уточнении многих деталей, хотя выйти за рамки гипотетичности нам скорее всего не удастся — такова уже природа археологических источников.

ЛИТЕРАТУРА

- Еременко В. Е. «Кельтская вуаль» и зарубинецкая культура. Спб., в печ.
Еременко В. Е., Берлизов Н. Е. Латенские импорты в сарматских памятниках Причерноморья: проблема интерпретации//I Кубанская археологическая конференция. Тез. докл. Краснодар, 1989.

- Гременко В. Е., Щукин М. Б. Современное состояние хронологии латена и раннего предримского времени//АСГЭ. В печ.
- Ихаров А. В. Погребение раннесарматского времени с бронзовой фибулой на Приднестровском Подонья//Историко-археологические исследования в г. Азове и в Новом Азове в 1988 г. Тез. докл. Азов, 1989.
- Киспарова К. В. Роль юго-западных связей в процессе формирования зарубинецкой культуры//СА. 1981. № 2.
- Киспарова К. В. Зарубинецкая культура в хронологической системе культур раннего латена//АСГЭ. 1984. Вып. 25.
- Клейн Л. С. Археологические признаки миграций//IX Международный конгресс антропологических и этнографических наук. Доклады сов. делегации. М., 1974.
- Куклина И. В. Этногеография Скифии по античным данным. Л., 1985.
- Кухаренко Ю. В. Памятники железного века на территории Полесья//САИ. 1981. Вып. Д1-29.
- Максимов Е. В. Среднее Поднепровье на рубеже н. э. Киев, 1972.
- Максимов Е. В. Зарубинецкая культура на территории УССР. Киев, 1982.
- Мачинский Д. А. Некоторые проблемы этногеографии восточноевропейских племен во II в. до н. э. — I в. н. э.//АСГЭ. 1974. Вып. 16.
- Митрофанов Г. А. Железный век Средней Белоруссии. Минск, 1978.
- Молев Е. А. Митридат Евпатор: создание Черноморской державы. Саратов, 1974.
- Пачкова С. П. Про культурну належність могильника поблизу с. Долиняни на Північній Буковині//Археологія. 1984. Вип. 47.
- Петров В. П. Зарубинецкий могильник (по материалам раскопок В. В. Хвойного в 1899 г.)//МИА. 1959. № 70.
- Поболь Л. Д. Древности Туровщины. Минск, 1969.
- Поболь Л. Д. Археологические памятники Белоруссии: железный век. Минск, 1983.
- Смирнов К. Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1984.
- Смирнова Г. И. Могильник типа Поянешти-Лукашевка у с. Долиняны на Буковине//СА. 1981. № 3.
- Спицын А. А. Фалары Южной России//Известия археологической комиссии. 1909. Вып. 29.
- Сымонович Э. А. Посуда зарубинецкого типа из Николаевского могильника на Нижнем Днепре//Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978.
- Сымонович Э. А. Население столицы позднескифского царства. Киев, 1983.
- Тревер К. В. Памятники греко-бактрийского искусства. М.-Л., 1940.
- Шадыро В. И. Ранний железный век Северной Белоруссии. Минск, 1985.
- Широкова Н. С. Древние кельты на рубеже старой и новой эры. Л., 1989.
- Щукин М. Б. Третий мир Древней Европы//Знание — сила. 1986. № 4.
- Almgren O. Studien über die nordeuropäische Fibelformen. Leipzig, 1923.
- Babeş M. Germanische latènezeitliche Einwanderungen im Raum östlich der Karpaten//Actes du III-e Congrès International des Sciences Préhistoriques et Protohistoriques. Beograd, 1973.
- Bades M. Date arheologice şi istoria privind partea de nord-est a Daciei în ultimele secole înainte erei noastre. SCIVA. 1985. T. 36. № 3.
- Becker C. J. Förromersk jernalder i Syd- og Västjylland. København, 1961.
- Beltz R. Die Latenefibeln//Zeitschrift für Ethnologie. 1919. Bd. 4. 43.
- Čabalska M. Bemerkungen zur Püchov-Kultur in Polen. Forschungsgeschichte und Forschungsstand. Prace etnograficzne. 1988. Z. 26.
- Collis J. Defended Sites of the Late La Tène//BAR. Suppl. Ser. 1975. № 2.
- Czopek S. Kultura pomorska a kultura zarubiniecka. Z badań nad schyłkową fazą kultury pomorskiej we wschodniej Lubelszczyźnie//Memoires archeologiques. Lublin, 1985.
- Dąbrowska T. Kultura zarubiniecka i czerniachowska//MPZP. 1974. Cz. 5. Z. 4.
- Dąbrowska T. Kultura zarubiniecka//PZP. 1981. T. V.

- Dąbrowska T.* Wczesne fazy kultury przeworskiej. Warszawa, 1988.
- Dąbrowska T.* Bemerkungen zur Entstehung der Przeworsk-Kultur//*Prähistorische Zeitschrift*. 1988a. Bd. 63. Hf. 1.
- Dąbrowska T.* Frühe Einflüsse der Przeworsk Kultur auf die Jastorf Kultur//*Zeitschrift für Archäologie*. 1988b. Bd. 23.
- Dämmer H. W.* Die bemalte Keramik der Heuneburg//*Römisch-Germanischen Forschungen*. 1978. Bd. 37.
- Die Germanen*. Berlin, 1976.
- Die Germanen*. Berlin, 1988.
- Domański G.* Studia z dziejów środkowego Nadodrza w III—I wieku p. n. e. Wrocław etc., 1975.
- Domański G.* Związki środkowego Nadodrza z nadlabskim kręgiem kulturowym w okresie lateńskim i wpływów rzymskich//*Przegląd archeologiczny* 1983. N. 31.
- Ettlinger E.* Die römischen Fibeln in der Schweiz//*Handbuch der Schweiz von Römer und Merowingerzeit*. 1973.
- Flouest J.-J., Staud J.* Recherches sur des cimeties de La Tène en Champagne (1971—1976)//*Gallia*. 1977. T. 35. Fasc. 1.
- Godłowski K.* Studia nad stosunkami społecznymi w okresie późnolateńskim i rzymskim w dorzeczu Odry i Wisły. Proba interpretacji cmentarzysk. Warszawa Wrocław, 1960.
- Godłowski K.* Okres lateński w Europie. Kraków, 1977.
- Godłowski K.* Zu Besiedlungsveränderungen in Schlesien und den Nachbarräumen während der jüngeren vorrömischen Eisenzeit//*Prace archeologiczne* 1978. Z. 26.
- Grünert H.* Früheste Germanen in süden der DDR//*Ausgrabungen und Funde*. 1958. Bd. 3.
- Hachmann R.* Jastorf-Funde ausserhalb der Jastorf-Kultur//*Die Kunde*. N. 1 1957. Bd. 8.
- Hachmann R.* Ostgermanische Funde der Spätlatènezeit in Mittel- und Westdeutschland//*Archaeologica Geographica*. 1957a. Bd. 6.
- Hachmann R.* Die Chronologie der jüngeren vorrömischen Eisenzeit//*BRGK* 1961. Bd. 41.
- Hachmann R., Kossack G., Kühn H.* Völker zwischen Germanen und Kelten Neunünster, 1962.
- Haffner A.* Zur absoluten Chronologie der Mittellatènezeit//*Archäologisches Korrespondenzblatt*. 1977. Jg. 9. Hf. 4.
- Hollstein E.* Mitteleuropäische Eichenchronologie//*Trierer Grabungen und Forschungen*. 1980. Bd. 11.
- Kietlinska A.* Struktura społeczna ludności kultury przeworskiej//*Materiały starożytne*. 1963. T. 9.
- Klein Leo S. G.* Kossina im Abstand von 40 Jahren//*Jahresschrift für Mitteldeutsche Vorgeschichte*. 1974. Bd. 58.
- Klindt-Jensen O.* Foreign influences in Denmarks Early Iron Age//*Acta Archaeologica*. 1949. T. 20.
- Kokowski A.* Stan i potrzeby badań nad młodszym okresem przedrzymskim i okresem wpływów rzymskich na Lubelszczyźnie//*SPB*. 1986.
- Kostrzewski J.* Die ostgermanische Kultur in der Spätlatènezeit. Leipzig, 1919
- Krämer W.* Manching II. Zu den Ausgrabungen in den Jahren 1957—1961//*Germania*. 1962. Jg. 40.
- Kubiak S.* Znaleźiska monet rzymskich z Mazowsza i Podlasia. Wrocław etc., 1979.
- Maier F.* Das Kultbäumchen von Manching//*Germania*. 1990. Bd. 68. Hf. 1
- Megaw J. V. C.* Art of the European Iron Age. Bath, 1970.
- Müller R.* Eine spätlatènezeitliche Siedlung von KlienKayna//*Jahresschrift für Mitteldeutsche Vorgeschichte*. 1983. Jg. 66.
- Okulicz J.* Pradzieje ziem pruskich od późnego paleolitu do VII w. n. e. Wrocław etc., 1973.
- Peschel K.* Frühe Waffengraben im Gebiet der südlichen Elbgermanen//

Symposium Ausklang der Latene-Zivilization und Anfänge der germanischen Siedlung im mittleren Donaugebiet. Bratislava, 1977.

Peschel K. Anfänge germanischer Besiedlung im Mittelgebirgsraum. Sueben—Hermanduren—Markomanen. Berlin, 1978.

Pleta K. Stand und Notwendigkeiten der Erforschung der Púcov-Kultur//M 1986.

Schindler R. Die spätlätene Burgen von Landscheid, Wiersbach und Ehrang//Jahrbuch der Vorgeschichte. 1969. Bd. 32.

Schlette F. Frühe Folker in Mitteleuropa. Archäologische Kulturen und ethnische Gemeinschaften des 1. Jahrtausend V. u. Z.//Frühe Völker in Mitteleuropa. Berlin, 1988.

Schulz W. Der Wanderung der Kimbern zum Gebiete der Boier//Germania. 1970. Bd. 13.

Stöckli W. F. Die Grob- und Importkeramik von Manching//Die Ausgrabungen in Manching. 1978. Bd. 8.

Shchukin M. B. Rome and the Barbarians in Central and Eastern Europe in 1st century B. C. — 1st century A. D. BAR. Internat. Ser. 1989. N. 542.

Tackenberg K. Eine Fibel südrussischer Form mit Mittellateneschema von der Elbmündung//Die Kunde. 1963. Bd. 14.

Todorović J. Skordisci: istorija i kultura//Monumenta Archaeologica. 1974. 1. 2.

Todorovic J. Kimbri u zemlji Skordisca//Zbornik radova Narodnog Muzeja. 1974a. T. VII.

Venclova N. Otažki etnické příslušnosti podmokelske a kobylské skupiny//Archeologické rozhledy. 1973. T. 25.

Voigt Th. Zwei Formengruppen spätlätenezeitlicher Gürtel//Jahresbuch des Mitteldeutschen Vorgeschichte. 1971. Bd. 55.

Vries J. Kimbren und Teutonen (Ein Kapitel aus den Beziehungen zwischen Kelten und Germanen)//Erbe der Vergangenheit. Festgabe für Karl Helm zum 80. Geburtstag. Tübingen, 1951.

Waldhauser J. Beitrag zum Studium der keltischen Siedlungen, Oppida und Grabfelder in Böhmen//Les mouvements celtiques du V-er au I-er s. av. n. e. Paris, 1979.

Werner J. Die Nauheimer Fibel//Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseum Mainz. 1955. Jg. 2.

Wołgiewicz R. Der östliche Ausdehnungsbereich der Jastorf—Kultur und sein siedlungsgeschichtliches Verhältnisse zur Pommerischen Gesichtsturnenkultur und der jüngeren vorrömischen Unterweichselgruppe//Zeitschrift für Archäologie. 1968. Bd. 2.

Wołgiewicz R. Kultura pomorska a kultura oksywska//Problemy kultury pomorskiej. Koszalin, 1979.

Wołgiewicz R. Kultura jastorfska na Pomorze Zachodnim//PZP. 1981.

Woźniak Z. Osadnictwo celtyckie w Polsce. Wrocław etc., 1970.

Woźniak Z. Wschodnie pogranicze kultury latenskiej. Wrocław etc., 1974.

И. А. Бажан, О. А. Гей

К ВОПРОСУ О ДАТИРОВКЕ «ПРИКАМСКИХ» АЖУРНЫХ ШЛЕМОВ

Вопрос абсолютной датировки прикамских древностей в настоящее время стоит довольно остро. После работ А. К. Амброза, занимавшегося периодизацией и хронологией этих древностей, в литературе возникла довольно оживленная дискуссия вокруг аб-

солютной хронологии выделенных периодов мазунинской и азелин-ской культур [А. К. Амброз 1980, с. 1-56; И. А. Мажитов 1977 С. М. Васюткин 1971, с. 91-105].

В 1971 г. на основании изучения эволюции поясной гарнитуры А. К. Амброз разделил мазунинские древности на 5 этапов и датировал их III-VII вв., а азелинскую культуру датировал VI-VII вв. а не III-V вв., как это считалось раньше [А. К. Амброз 1971, с. 100]. В дальнейшем в работе 1974 г. им были омоложены и ранние даты мазунинских древностей [А. К. Амброз 1974, с. 42].

Трудность абсолютной датировки Прикамских материалов вызвана в первую очередь территориальной удаленностью от памятников с хорошо разработанной хронологией. В силу этого особое значение приобретают отдельные «элитные» вещи, изредка встречающиеся, с одной стороны, в Прикамье, а с другой — на памятниках Северного Причерноморья, т. е. те вещи, которые могут в дальнейшем служить основанием для синхронизации локальных шкал абсолютной и относительной хронологии, быть своего рода индикаторами синхронизации.

В этой связи внимание привлекают находки трех «ажурных» железных шлемов на памятниках мазунинской (2 комплекса) и азелинской культур. Шлем из погребения 27 Суворовского могильника собран из 32 железных пластин шириной около 1 см. Основу шлема составляет обвод и две перекрывающиеся полосы. Все остальные полосы имеют раздваивающиеся концы. Каждый из 4 секторов, образованных перекрещивающимися полосками, заполнялся в середине одной длинной полосой, затем по обе стороны от нее — двумя полосами короче и, в последнюю очередь, между всеми просветами одного сектора вставлялись еще 4 самых коротких полосы. Раздваивающийся конец полоски вместе с соседним накладывался на полосу и приклеивался к ней. Все заклепки на шлеме медные. На одной половинке обода находилось 4 отверстия, по-видимому, от крепежа пластин-бармиц (рис. 1, 11). Комплекс представлял собой погребение воина, ориентированное головой на ССЗ. В северной части ямы находился большой спекшийся комок, содержащий остатки кольчуги (вес около 13 кг). Шлем находился у ног. Здесь же были обнаружены 15 костяных и 2 железных наконечников стрел, накладка от пояса, железных крючок, обломки накладок на ножны и накладки от узды. Погребение разрушено [В. Ф. Генинг 1963, с. 122-123, табл. XX, 1].

Еще один шлем происходит из погребения 80 Нивского могильника мазунинской культуры (Удмуртия). Шлем также собран из 32 железных пластин шириной 1-1,2 см. Основу его составляют две перекрещивающиеся полосы. Остальные полосы раздвоенные, и смонтированы при помощи медных заклепок совершенно аналогично суворовскому. Снизу к шлему на медной заклепке прикреплена железная петля (рис. 1, 8). Погребен воин был головой на запад. Помимо шлема комплекс содержал поясные накладки трех типов, поясное портупейное кольцо, железную кругопроволоч-

ную пряжку с прямым без прогиба язычком, нож, железный крючок [Т. И. Останина 1978, с. 111-112, табл. VII, 5].

Сильно поврежденные остатки еще одного такого же шлема происходят из погребения 10 Нивского могильника. Здесь найдены также две пряжки. Одна из них овальная круглопроволочная со слегка прогнутым язычком и прямоугольным щитком, другая, более массивная, с несохранившимся язычком и длинной трапециевидной обоймой, возможно, обувная. Комплекс включал также обломок меча и железный крючок (рис. 1, 10) [Т. И. Останина 1978, табл. II, 30].

Пожалуй, единственная полная аналогия «ажурным» шлемам известна на территории Краснодарского края. Шлем происходит из сарматского погребения — курган 6 у станицы Тбилисская. Он представляет собой бронзовый каркас из трех перекрещивающихся пластин, соединенных в центре заклепкой. Эти полоски снизу монтированы на горизонтальном обруче, состоящем из трех полос разной длины, скрепленных железными заклепками. Полученные сектора переплетены между собой восемнадцатью разложенными бронзовыми пластинами. По бокам обруча — длинные витые проволоки, возможно, основание надзатыльника. Шлем надевался, по мнению А. М. Ждановского, исследовавшего курган, вероятно всего, на кожаную шапочку-подшлемник (рис. 1, 9) [А. М. Ждановский 1984, с. 78-82, рис. 1].

Крайне важно установить дату комплекса у ст. Тбилисская. Его хронологию определяет бронзовая лучковая круглопроволочная фибула с обмотанной проволокой спинкой. А. К. Амброз отнес застежки, сопоставимые с этой, к 3 варианту I серии 15 группы и датировал их II в. [А. К. Амброз 1966, с. 49]. В. М. Косяненко, произведя промеры 46 экземпляров лучковых фибул некрополя Кобякова городища, отнесла застежки, аналогичные Тбилисской, к третьему типу, объединяющему лучковые фибулы с фигурной обмоткой. На основании изучения совстречаемости таких фибул в закрытых комплексах могильника она установила их дату: II — начало III в. н. э. [В. М. Косяненко 1987, с. 50-58]. Такая застежка встречена в погребении 8 (1962 г.) вместе с сердоликовой 14-гранной бусой, в целом диагностирующей ступень C_{1b}-C₂ европейской хронологии и встречающейся на памятниках черняховской культуры [Е. М. Алексеева 1982, с. 15—16; Н. М. Кравченко 1967, табл. XIV, 2, 17, 20, 21]. С этой датировкой соглашается А. С. Скрипкин, считающий, что лучковые фибулы I группы исчезают у сарматов Поволжья к середине III в. н. э., а 3 вариант этой группы появляется не раньше второй половины II в. н. э. [А. С. Скрипкин 1977; 1984, с. 43-44].

Хорошую дату дают и узкогорлые светлоглиняные амфоры с профилированными ручками, так называемый «неапольский вариант», тип «С» светлоглиняных амфор по Д. Б. Шелову. Амфоры названы так по находке почти целого экземпляра в погребении воина в Неаполе Скифском [Т. Н. Высотская 1979, с. 201, рис. 93, 94].

1

2

3

5

4

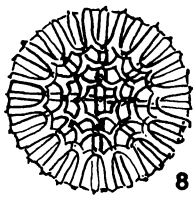
6

9

7

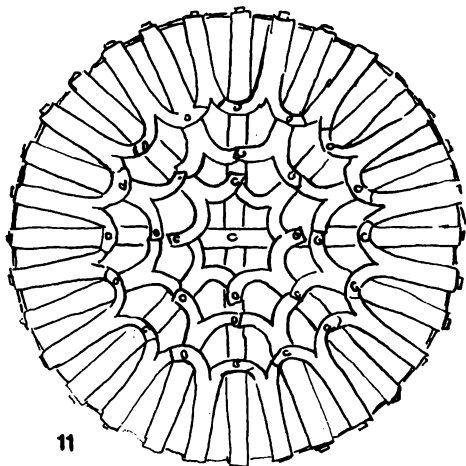

8

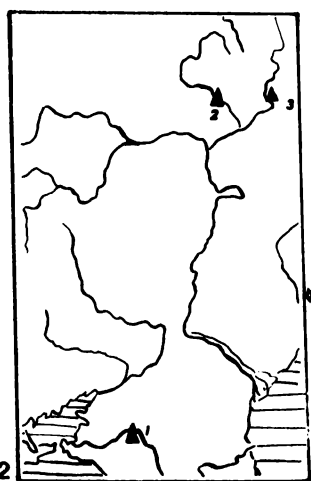

10

0 3 CM.

11

12

Погребение стратиграфически связано с разгромом города в первой половине III в. н. э. готами. Исследователи датировали этот тип амфор по-разному. В. В. Кропоткин относил их к I-II вв. н. э. [В. В. Кропоткин 1970, с. 14]. Д. Б. Шелов и И. С. Каменецкий датировали на основании находок в Мирмекии II в. н. э. [Д. Б. Шелов 1978, с. 18; Л. М. Казакова, И. С. Каменецкий 1970, с. 82]. II-III вв. датировала их И. Б. Зеест [И. Б. Зеест 1960, с. 136]. А. Рикман, анализируя амфоры типа Балцаты («неапольский вариант»), считал, что они существовали, по крайней мере у сирматов и на территории Молдавии, в первой половине III века [А. Рикман 1972, с. 88-89].

В северо-западной части насыпи кургана 6 у ст. Тбилисской найден сломанный надвое железный треножник, увенчанный двумя геральдическими стилизованными головками козлов. Треножники, подобные найденному, но украшенные фигурками оленей, известны и на других памятниках Прикубанья (их называют канделябрами или светильниками), например, в погребении на западной окраине Краснодара [А. М. Ждановский 1984, с. 79], в погребении 31 Ленинохабльского могильника [А. М. Ждановский 1977, с. 49]. Названные находки относятся к первым векам нашей эры. На «Золотом кладбище Веселовского» железный канделябр найден в кургане 15 (1902 г.), а бронзовый — в кургане 3 (1901 г.). Оба комплекса датируются привозными вещами I-II вв. [ОАК 1902, с. 71; ОАК 1903, с. 69—77]. Однако такие светильники встречаются и позднее. Так, два канделябра происходят из камеры I кургана 13 могильника у с. Кишпек в Кабардино-Балкарии. Здесь найдены также зеркало с центральной петлей типа Чми, короткий меч с боковым выступом у основания рукояти, поясные накладки, остатки седла, конская сбруя и ряд других вещей, некоторые из которых роскошно орнаментированы инкрустацией из синего стекла, сердолика и янтаря.

Комплекс был отнесен исследователем к гуннскому времени и датирован концом IV—V веком [Р. Ж. Бетров 1980, с. 115, рис. 2, 3, 4]. Однако не исключена возможность датировки этого комплекса концом III — началом IV века, поскольку ряд проявлений стиля, считавшегося традиционно показательным для «гуннской эпохи», как выясняется, может относиться к более раннему времени [И. А. Бажан, М. Б. Щукин 1991].

Следует отметить также интересную находку шлема в киш-

Рис. 1. 1—7 — изображения шлемов: 1 — Пантикапей, склеп 1872 г., II в. н. э.; 2 — Пантикапей, II в. н. э.; 3 — Пантикапей, роспись II в. н. э., склеп 1872 г.; 4 — Пантикапей, роспись склепа II в. н. э.; 5 — колонна Траяна; 6 — Дура-Эвропос; 7 — костяное украшение ларца, Херсонес, первые века нашей эры.

8—11 — «ажурные» шлемы и их детали: 8 — Нивский могильник, погр. 80; 9 — ст. Тбилисская, курган 6; 10 — Нивский могильник, погр. 10; 11 — Суворовский могильник, погр. 27.

12 — карта распространения находок «ажурных» шлемов: 1. ст. Тбилисская. 2. Суворовский могильник. 3. Нивский могильник.

пекском комплексе. Он состоит из 27 плотно подогнанных друг к другу подтреугольных пластин, покрытых тонким серебряным листом, края которого загнуты вовнутрь. Верхушку шлема с наружной стороны охватывали три напаянных пластинчатых кольца, а в нижней части пластины были скреплены внутри железным ободом. Шлем был украшен сердоликовыми вставками в золотых гнездах. На двух пластинах имелись по одной вставке овальной формы, а к третьей были припаяны два гнезда прямоугольной формы. Края гнезда в свою очередь украшены «филигранным» орнаментом — «плетенкой», состоящей из трех параллельно расположенных поясков, свитых из трех тонких золотых проволочек.

Таким образом, комплекс из станицы Тбилисской по всей совокупности находок датируется второй половиной II — первой половиной III в. н. э.

А. М. Хазанов, занимавшийся классификацией предметов вооружения сарматского времени, относил ажурный шлем из Суворовского могильника к разряду каркасных шлемов, известных по многочисленным античным изображениям [А. М. Хазанов 1971, с. 62-63].

Устройство их можно представить лишь в общих чертах. Все они имели яйцевидную или конусовидную форму. Каркас состоял из нескольких вертикальных ребер, которые внизу прикреплялись к железному обручу, кроме того, для прочности они скреплялись двумя поперечными обручами. К ребрам иногда прикреплялись металлические пластины, иногда «каркас» надевали поверх кожаной шапочки. По-видимому, на шлемах были наносники и нащечники [А. М. Хазанов 1971, с. 62].

Происхождение ажурных шлемов до конца не выяснено. Вслед за М. И. Ростовцевым А. М. Хазанов указывает на возможность их появления «откуда-то с Востока». Они были известны в Парфии, имеется несколько экземпляров таких шлемов сасанидского времени [А. М. Хазанов 1971, с. 62-63].

В Европе каркасные шлемы доживают до средневековья. По конструкции «ажурные» шлемы из Прикамья и Прикубанья стоят несколько особняком, представляя собой самостоятельное явление, и, по-видимому, относятся к переходному этапу — от цельнометаллических монолитных античных шлемов к составным средневековым. На древних изображениях, к сожалению, невозможно различить «ажурные» и каркасные шлемы (рис. 1, 1—7). Переход от одних к другим дают даты Тбилисской и Кишпека.

Таким образом, к кругу «сарматско-парфянских» шлемов следует относить и находки из Прикамья. А полученной дате — вторая половина II — первая половина III в. н. э. — не противоречит и хронология остального погребального инвентаря прикамских комплексов. Так, накладки из погребения 27 Суворовского могильника датируются В. Ф. Генингом не позднее конца III в. н. э. [В. Ф. Генинг 1979, с. 96-106]. К этому времени относятся и железные крючки. Аналогии же поясной гарнитуры погребения

№0) Нивского могильника происходят из комплексов III в. н. э. Сайгатского, Ижевского, Мазунинского могильников [В. Ф. Генинг 1979]. Предложенная нами датировка «ажурных» шлемов на основании аналогий из сарматского мира не исключает возможности некоторого запаздывания их в Прикамье. Однако, как нам кажется, такое запаздывание не может быть существенным.

Таким образом, нам удалось получить своеобразный хронологический репер, которым нельзя пренебречь при уточнении хронологии мазунских и азелинских древностей.

ЛИТЕРАТУРА

- Амброз А. К. Фибулы юга Европейской части СССР//САИ. 1966. Вып. Д1-30.
- Амброз А. К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. Часть II//СА. 1971, № 3.
- Амброз А. К. Хронология раннесредневековых древностей Восточной Европы V IX вв. Автореф. дисс... докт. ист. наук. М., 1974.
- Амброз А. К. Бирский могильник и проблемы хронологии Приуралья IV-VII вв.//Средневековые древности Евразийских степей. М., 1980.
- Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья. Часть III//САИ. 1982. Вып. Г1-12.
- Бажан И. А., Щукин М. Б. К вопросу о возникновении полихромного стиля клуазонне эпохи Великого переселения народов//АСГЭ, 1991. Вып. 30.
- Бетров Р. Ж. Захоронение вождя гуннского времени у с. Кишпек в Кабардино-Балкарии//Северный Кавказ в древности и в средние века. М., 1980.
- Васюткин С. М. К дискуссии по бахмутинской культуре//СА. 1971. № 3.
- Высотская Т. Н. Неаполь — столица государства поздних скифов. Киев, 1979.
- Генинг В. Ф. Азелинская культура//ВАУ. 1963. вып. 5.
- Генинг В. Ф. Хронология поясной гарнитуры I тыс. н. э. (по материалам Прикамья)//КСИА. 1979. Вып. 158.
- Ждановский А. М. О погребальном обряде грунтовых захоронений Ленинохаждского могильника//Археология и вопросы атеизма. Грозный, 1977.
- Ждановский А. М. Подкурганные катакомбы Среднего Прикубанья первых веков нашей эры//Археолого-этнографические исследования Северного Кавказа. Краснодар, 1984.
- Зеест И. Б. Керамическая тара Боспора//МИА. 1960. № 83.
- Казакова Л. А., Каменецкий И. С. Курганы Танаиса//КСИА. 1970. Вып. 124.
- Косяненко В. М. Бронзовые фибулы из некрополя Кобякова городища//СА. 1987. № 2.
- Кравченко Н. М. Косановский могильник//История и археология юго-западных областей СССР начала нашей эры. М., 1967.
- Кропоткин В. В. Римские импортные изделия в Восточной Европе II в. до н. э. — V в. н. э.//САИ. 1970. Вып. Д1-27.
- Мажитов Н. А. Южное Приуралье в VII-XIV вв. М., 1977.
- ОАК за 1902 г., СПб, 1903.
- ОАК за 1901 г., СПб, 1902.
- Останина Т. И. Нивский могильник III-V вв.//Материалы к ранней истории населения Удмуртии. Ижевск., 1978.
- Рикман Э. А. Вопрос датировки импортных вещей в памятниках племен черняховской культуры Днестровско-Прутского междуречья//СА. 1972. № 4.
- Ростовцев М. И. Античная декоративная живопись на юге России. СПб, 1914.
- Скрипкин А. С. Фибулы Нижнего Поволжья (по материалам сарматских погребений)//СА. 1977. № 2.

Скрипкин А. С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов, 1988.
Хазанов А. М. Очерки военного дела сарматов. М., 1971.
Шелов Д. Б. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры. Классификация и хронология//КСИА. 1978. Вып. 156.

И. А. Бажан, О. А. Гей

ОТНОСИТЕЛЬНАЯ ХРОНОЛОГИЯ МОГИЛЬНИКОВ ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В последние годы хронологические исследования выделились в одно из приоритетных направлений изучения черняховской культуры. Это связано с тем, что для определения сущности этой культуры, ее исторических корней, происхождения, этнического состава носителей необходимо прежде всего как можно более точное установление времени и места ее формирования. Однако уловить тонкий хронологический срез перехода одного качества в другое и очертить зону «лавины инноваций» на археологическом материале оказывается делом весьма и весьма непростым. Традиционное датирование памятников и целых регионов по отдельным группам находок, имеющим надежные выходы на абсолютную хронологию, дает всего лишь поверхностную, статичную картину. Далеко не всегда бывают удачными и попытки датирования отдельных типов вещей лишь на основании удаленных аналогов [М. Б. Шукин 1967; В. В. Кропоткин 1970; А. Т. Смирненко 1970; Э. А. Рикман 1975, с. 237—263; V. Bierbrauer 1980].

В последние годы начался поиск новых подходов, причем упор делался на изучение относительной хронологии, на выявление связей между различными типами вещей, характера их взаимовстречаемости в закрытых комплексах. Можно выделить два основных направления, оформившихся в настоящее время:

1) Исследования материалов одного конкретного могильника при помощи построения различных корреляционных схем — группировка погребений по сходству вещевого набора, количественное распределение взаимовстречающихся находок, выделение фаз функционирования могильника [М. Б. Шукин, Т. А. Щербакова, 1986; I. Ionița, 1986, p. 295—351];

2) Изучение взаимовстречаемости отдельных, как правило, хорошо датированных вещей из закрытых комплексов разных могильников, разбросанных по всему ареалу черняховской культуры, и выделение этапов развития культуры в целом [Е. Л. Гороховский 1985; 1988а; 1988б; J. Teirral 1986; M. Kazanski, R. Legoux 1988].

Первый метод более результативный, однако он применим лишь для решения локальных хронологических задач. Второй дает возможность всестороннего охвата, но при этом включает в себе слишком много отрицательных моментов: из поля зрения

выпадают некоторые категории погребального инвентаря, в частности керамика, не учитывается возможность одновременного бытования одних и тех же типов вещей на разных территориях. Орывочность исходных данных неизбежно приводит к схематичности получаемой картины. Указанные соображения заставляют искать иной подход, а именно — попытаться соединить оба метода, используя наиболее рациональные стороны каждого.

Нами предлагается изучение наиболее репрезентативных черняховских могильников на основе общей системы хронологических индикаторов (ХИ) и дальнейшего сопоставления полученных фаз развития. При этом под ХИ понимаются не только те вещи, которые могут быть датированы с достаточной точностью или «имеют непосредственный выход на абсолютный счет времени» [М. Б. Шукин 1986, с. 178], но и те, которые получают дату в ходе корреляционной обработки материала. Как правило, ХИ выделяют исходя из уже существующих, принятых в науке классификаций. Однако полные наборы типов вещей присутствуют далеко не на всяком памятнике, часто многие единицы классификации выпадают или бывают представлены единичными экземплярами. В первую очередь это касается наиболее распространенных категорий керамики (миски, горшки), но в некоторых случаях подобное положение наблюдается с отдельными видами индивидуальных находок (фибулы, гребни). Поэтому целесообразно составлять самостоятельную шкалу ХИ для каждого конкретного памятника — но так, чтобы эти шкалы были легко сопоставимы друг с другом, образуя целостную систему, динамичную и гибкую.

Больше всего затруднений возникает при работе с керамическим материалом, который не подвергался еще, по сути дела, строгому научному классифицированию. Те же классификации отдельных категорий черняховской посуды, которые имеются в литературе, не получили широкого применения, и опираться на них практически невозможно.

Безусловно, даже предварительная систематизация черняховской керамики — это особая задача, которая, учитывая объем накопленного материала, становится уже непосильной для одного исследователя. Тем не менее совсем отказаться от рассмотрения такого рода источника было бы неразумным. В данной ситуации нами была предпринята попытка выделить ХИ в керамике на основе простейших пропорций сосудов. Этот способ обычно подвергается критике, однако он широко и достаточно плодотворно применялся на практике. Выделенные нами ХИ в таких наиболее распространенных категориях посуды, как миски и горшки, встречались на большинстве памятников и были хорошо узнаваемы. Различалось лишь количество вариантов (от одного до трех). В качестве ХИ рассматривались и некоторые редкие выразительные керамические формы (например миски с ушками, яйцевидные лепные горшки-кумпы и ряд других).

Одним из первых черняховских памятников, материалы ко-

торого подвергались корреляционной обработке с целью изучения относительной хронологии, был могильник Ружичанка. Таблица составленная М. Б. Щукиным и И. А. Бажаном в 1981 г., будет опубликована в IX томе «Археологии СССР» под ред. Э. А. Симоновича и И. П. Русановой. Этот памятник характеризуется целым рядом отличительных черт — своеобразным комплексом керамики некоторыми категориями инвентаря. Поэтому целесообразно сохранить нумерацию ХИ, принятую в таблицах, составленных для могильника Ружичанка. ХИ, выделенные по материалам других могильников, последовательно эту нумерацию продолжая (см. Приложение).

Помимо ХИ были использованы также индикаторы синхронизации (ИС). Под ними подразумевались вещи, встреченные при рассмотрении конкретного могильника в единственном экземпляре и не включенные в корреляционную таблицу, но выделенные как ХИ на материалах других могильников, либо редкие находки, выпадающие из общей системы ХИ, однако надежные датированные по аналогиям.

Остановимся кратко на характеристике групп погребений по комбинациям ХИ, представляющих фазы функционирования изучаемых могильников.

Ружичанка [И. С. Винокур 1979]. Было использовано 19 комплексов, включающих 21 ХИ. Учтено также 7 ИС (рис. 1—2). Выделено 4 группы погребений (рис. 1—2).

Фаза 0. Представлена всего двумя погребениями. Выделена чисто условно с целью показать наличие ранних, уникальных для черняховской культуры категорий вещей — бронзовой римской чернильницы (ХИ-1), бус из египетского фаянса (ХИ-2), мисок с загнутым внутрь краем (ХИ-3).

Первая фаза, к которой относится 6 погребений, характеризуется восьмью ХИ. Это пряжки типа «Омега» (ХИ-8), высокие, открытые подлощенные миски типа «Горка-Полонка» (ХИ-4), небольшие слабопрофилированные горшки (ХИ-7), керамические кубки «типа Ружичанка» (ХИ-6), высокие цилиндрикоконические миски (ХИ-5), открытые низкие миски, представляющие по видимому, дальнейшее развитие мисок типа «Горка-Полонка» (ХИ-9). Среди ИС можно выделить высокий одночастный трапециевидный гребень, уникальный для черняховской культуры, ранний вариант фибулы с кнопкой на дужке, кувшин «западно-украинского типа» (по Б. В. Магомедову).

Вторая фаза характеризуется массовым появлением новых типов вещей, которые встречаются на многих черняховских памятниках. Это круглопроволочные прогнутые подвязные фибулы I-го варианта по А. К. Амброзу (ХИ-10) [А. К. Амброз 1966, с. 62], прогнутые подвязные фибулы, выполненные из полукруглого или подтреугольного в сечении бруска (2-й вариант по А. К. Амброзу, ХИ-11), специфичный набор бус и подвесок (ХИ-12, 13, 16, 19).

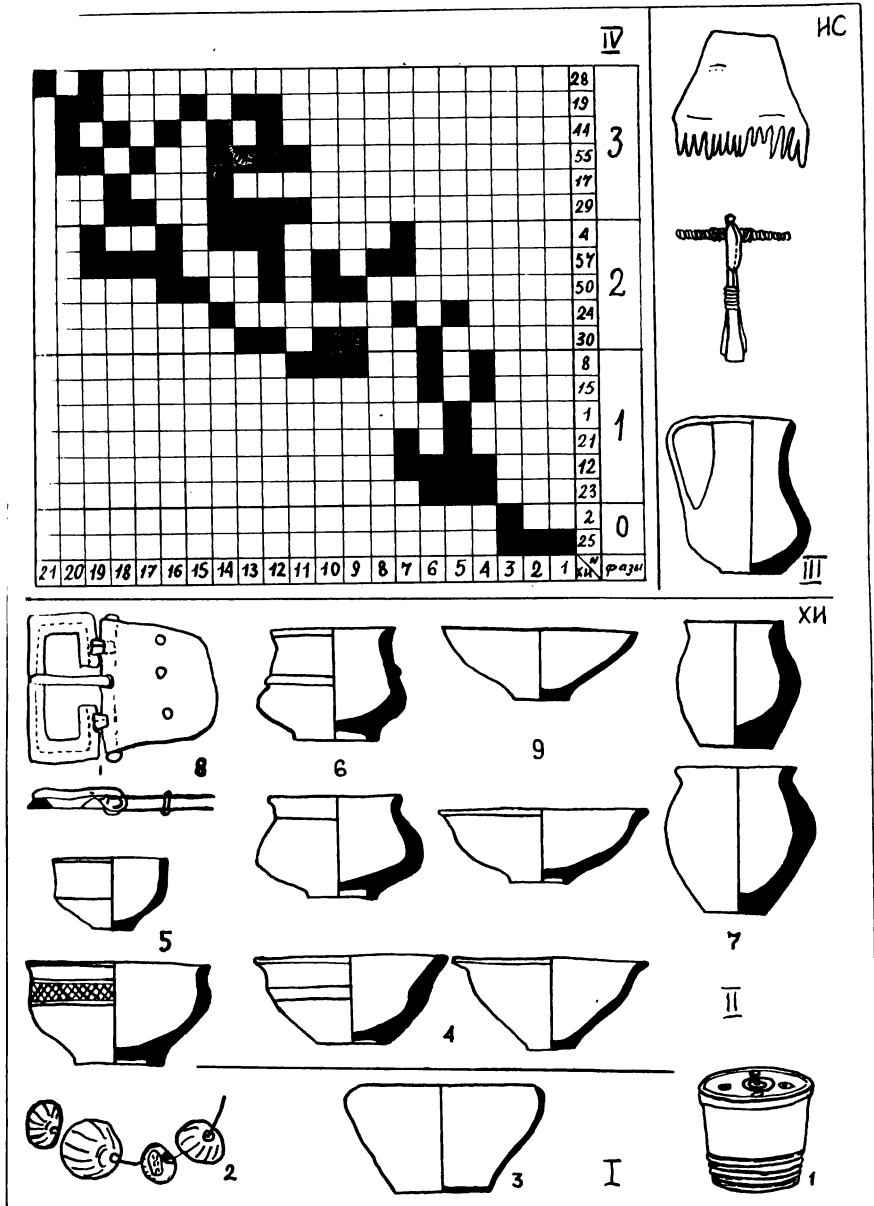

Рис. 1. Могильник Ружичанка. Нулевая и первая фазы.

I — XI нулевой фазы; II — XI первой фазы; III — HC первой фазы; IV — корреляционная таблица. (Здесь и далее на таблицах арабскими цифрами обозначены номера XI).

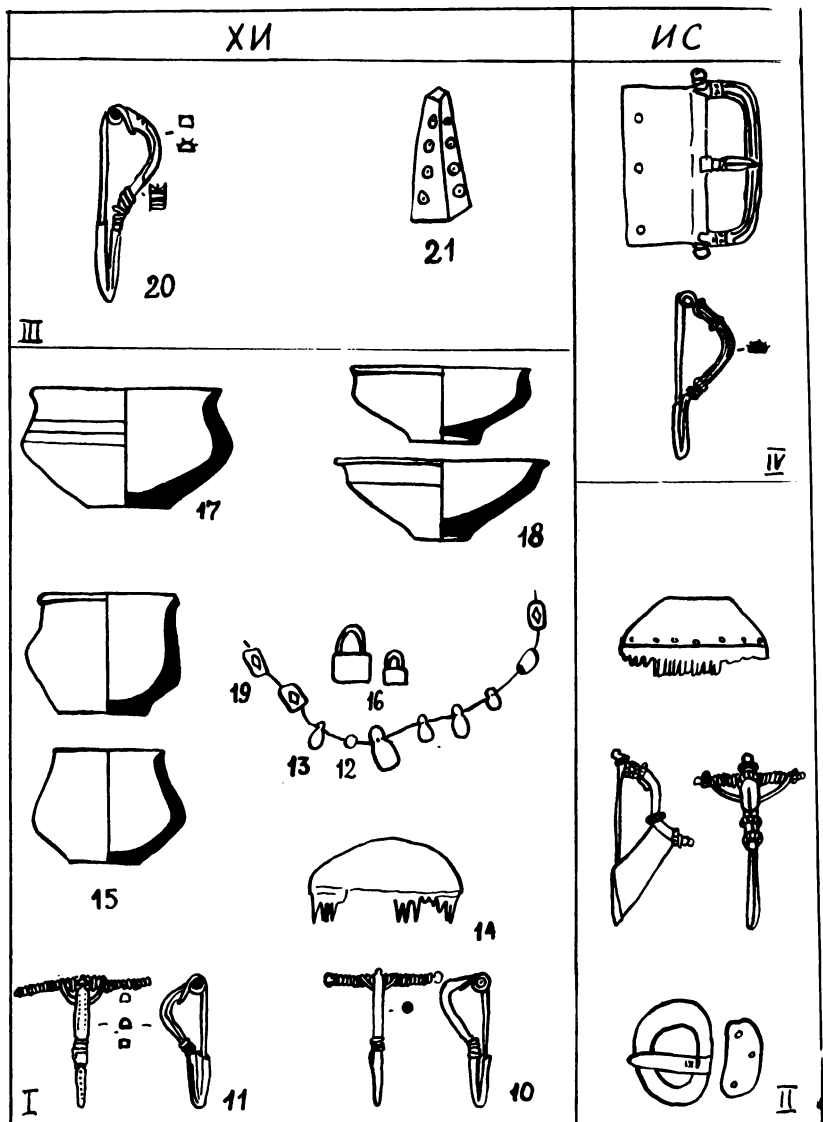

Рис. 2. Могильник Ружичанка. Вторая и третья фазы.

I — ХИ второй фазы; II — ИС второй фазы; III — ХИ третьей фазы; IV — ИС третьей фазы.

Среди керамики появляются кубки, которые, по-видимому, продолжают линию развития кубков «типа Ружичанка» (ХИ-15), биконические закрытые миски (ХИ-17), а также реберчатые откры-

миски (ХИ-18). Не исключено, что последние являются своего рода прообразом целого ряда более поздних форм (ХИ-41, 44, 52).

В погребениях этой фазы представлены также трехслойные «каменные» гребни с низкой полукруглой спинкой (ХИ-14/1).

ИС: пряжка с овальной рамкой, фибула с высоким держателем штыля, декорированная зернеными кольцами, трехчастный гребень с трапециевидной спинкой.

Третья фаза характеризуется появлением прогнутых подвязных фибул 3-го варианта по А. К. Амброзу (ХИ-20), костяной подвески в виде «палицы Геракла» (ХИ-21).

ИС: прогнутая подвязная фибула, украшенная зернеными кольцами; двухчастная щитковая пряжка с рамкой в виде латинской буквы «D».

Косаново [Н. М. Кравченко 1967]. Исследовано 22 погребения, включающих 33 ХИ. Выделено 5 фаз (рис. 3—5).

Первая фаза. К ней достаточно условно отнесено всего два комплекса, содержащих прогнутые подвязные фибулы 1-го варианта (ХИ-10), пряжку с округлой тонкой рамкой (ХИ-22), стеклянный игровой жетон (ХИ-23), а также керамические кубки с выделенным горлом, близкие по форме кубкам «типа Ружичанка», но несколько больших размеров (ХИ-24).

ИС: миски с псевдоушками, близкие по форме ХИ-27 (Рис. 4); гончарные полусферические кубки (ХИ-70, 71) (Рис. 8; 18; 21).

Вторая фаза. Продолжают бытовать кубки (ХИ-24). Появляются новые типы сосудов — крупные мисковидные с раздутым гуловом (ХИ-25), лепные миски с ушками (ХИ-27), лепные яйце-

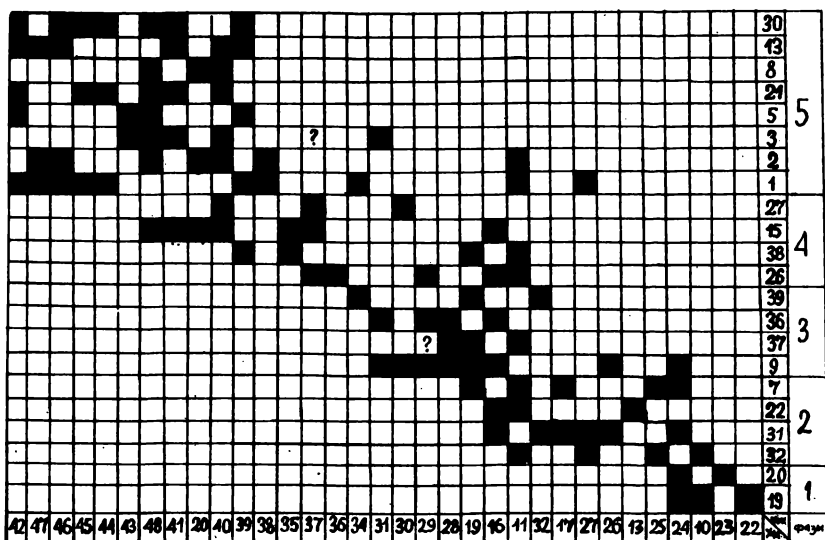

Рис. 3. Могильник Косаново. Корреляционная таблица.

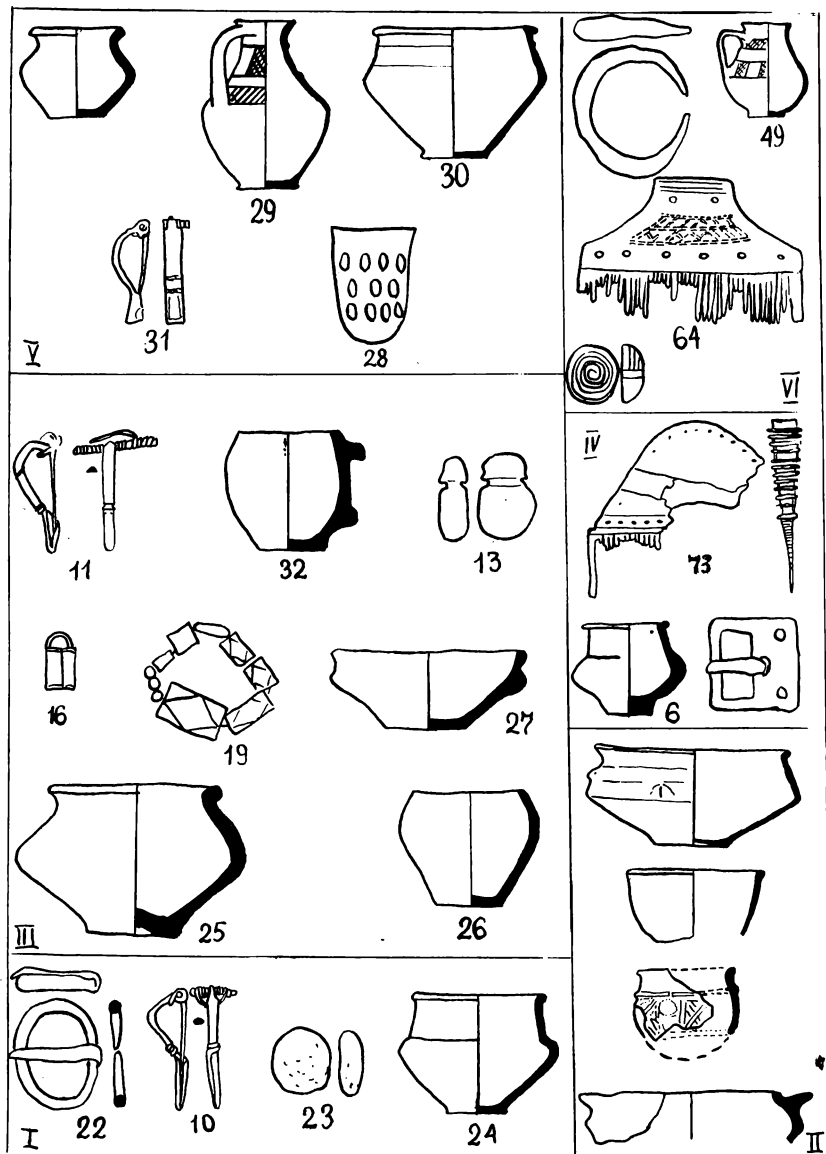

Рис. 4. Могильник Косаново. Первая, вторая и третья фазы.

I — XI первой фазы; II — IC первой фазы; III — XI второй фазы; IV — IC второй фазы; V — XI третьей фазы; VI — IC третьей фазы.

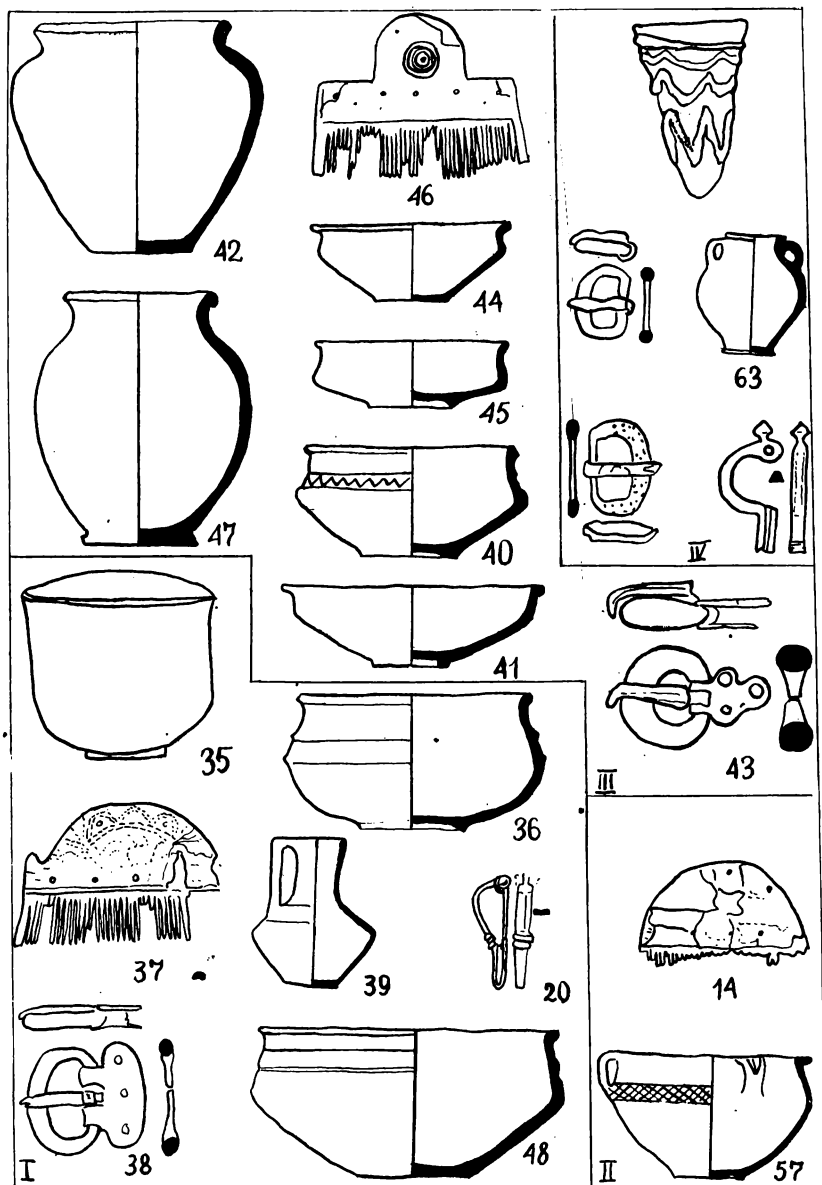

Рис. 5. Могильник Косаново. Четвертая и пятая фазы.

I — XI четвертой фазы; II — ИС четвертой фазы; III — XI пятой фазы; IV — ИС пятой фазы.

видные горшки (ХИ-26), лепные кружки-ковши (ХИ-32), биконические закрытые миски (ХИ-17). Из предметов убора следует отметить прогнутые подвязные фибулы 2-го варианта (ХИ-11), ведерковидные подвески (ХИ-16), сердоликовые 14-ти гранные бусы (ХИ-19), янтарные грибовидные подвески (ХИ-13).

ИС: костяной трехслойный гребень с высокой подтреугольной спинкой, кубок типа Ружичанка (ХИ-6), одночастная квадратная пряжка.

Третья фаза. Из вещей предыдущей фазы продолжают массово бытовать лишь прогнутые подвязные фибулы 2-го варианта (ХИ-11), ведерковидные подвески (ХИ-16), сердоликовые 14-гранные бусы (ХИ-19). Появляются фибулы нового типа «воинские» со сплошным приемником (ХИ-31), а также кубки с прошлифованными овалами типа «Ковалк» (ХИ-28). Керамические формы представлены крупными мисковидными сосудами с воротничкообразным венчиком (ХИ-30), гончарными округлобокими кувшинами (ХИ-29), миниатюрными кубками с выделенным горлом и биконическим туловом (ХИ-34).

ИС: биконический сосудик с ручкой (ХИ-49), пряжка с массивной овальной рамкой, трехслойный костяной гребень с трапециевидной спинкой (ХИ-64), бусина из спиральноскрученной стеклянной нити.

Четвертая фаза. Продолжают бытовать вещи третьей и, отчасти, второй фазы. В то же время возникает целый ряд новых типов — пряжки с овальной рамкой (ХИ-38), прогнутые подвязные фибулы 3-го варианта (ХИ-20), стеклянные сосуды, близкие к типу Эггерс-205 (ХИ-35), трехслойные гребни с колоколовидным выступом и выемками на спинке (ХИ-37). Среди керамики выделены такие выразительные, развитые формы, как округло-биконические миски (ХИ-36), трехчленные миски с выделенным цилиндрическим горлом и биконической нижней частью (ХИ-40), крупные закрытые биконические миски (ХИ-48).

ИС: костяной трехслойный гребень с высокой полукруглой спинкой (ХИ-14/1), трехручная низкая ваза (ХИ-57).

Пятая фаза. На первоначальном этапе еще встречаются отдельные вещи 2-й и 3-й фаз, затем они исчезают. Массово бытует значительная часть вещей 4-й фазы. Появляется новый тип пряжек — калачиковидные с хоботковидным язычком (ХИ-43) и гребней — с полукруглым выступом на спинке (ХИ-46). Из форм керамики, характерных для пятой фазы, надо отметить открытые биконические острореберные миски (ХИ-44), цилиндрические миски с перегибом в нижней трети тулова (ХИ-45), гончарные горшки двух типов — вытянутых пропорций (ХИ-47) и крупные округлобокие с максимальным расширением в верхней части (ХИ-42).

ИС: двуручный сосуд, пряжка, поздний вариант фибулы с кнопкой на дужке, стеклянный конический кубок, украшенный нитями синего стекла.

Оселивка (рис. 6—8). Этот крупный могильник раскопан и опубликован Г. Ф. Никитиной [Г. Ф. Никитина 1988, с. 5—98]. Стекланные изделия обработаны Ю. А. Лихтер [Ю. А. Лихтер 1988]. Однако из почти девяти десятков изученных комплексов оказалось возможным использовать только 26. Это связано с тем, что в большинстве случаев в публикации не приводятся рисунки фрагментированной керамики с графической реконструкцией формы, что принято в изданиях такого рода. Поэтому стали недоступны для изучения и обработки многие погребения, содержащие, судя по описанию, выразительные обломки сосудов. На материалах Оселивки выделено 31 ХИ. По их взаимовстречаемости погребения разделены на 5 групп, соответствующих фазам развития могильника.

Первая фаза. Характеризуется прогнутыми подвязными фибулами 1-го и 2-го вариантов, которые, ввиду их немногочисленности, были в данном случае объединены в один ХИ (ХИ-10/11). Подобный подход оправдан и тем, что типология этих вещей еще недостаточно хорошо разработана [А. К. Амброз 1966, с. 60—67; Е. Л. Гороховский 1988], хронология выделенных вариантов определяется отнюдь не четко. Известно довольно много случаев взаимовстречаемости в комплексах прогнутых подвязных фибул 1-го и 2-го вариантов (например, в Ружичанке). В Оселивке они явно относятся к одному хронологическому горизонту, что очень наглядно отражается и на корреляционной таблице (рис. 6, III). К первой фазе относятся также кубки (ХИ-15), ведерковидные подвески (ХИ-16), открытые слабопрофилированные миски (ХИ-9), биконические закрытые миски (ХИ-17), гончарные горшки (ХИ-53/1). Последние отличаются от основной массы подобных сосудов более стройными пропорциями ($H=D$ макс. или несколько больше D макс.).

ИС: обломки стеклнного сосуда с вертикальными ребрами — налечами из стекла того же цвета, стеклнный бальзамарий с декором из напаянной стеклнной нити того же цвета.

Вторая фаза. Характеризуется трехчастными гребнями с высокой полукруглой спинкой (ХИ-14/2), пряжками с овальными рамками (ХИ-38), двуручными гончарными сосудами (ХИ-63), высокими трехручными вазами (ХИ-61), амфорами «танаисского типа» (ХИ-74). В конце фазы появляются гончарные острореберные миски (ХИ-18) и гончарные низкие округлые горшки (ХИ-51).

Третья фаза. Продолжают бытовать многие вещи двух предыдущих фаз. Новые ХИ — стеклнные кубки с шлифованными овалами типа Ковалк (Эггерс-230) (ХИ-28), гончарные полусферические кубки со штампованным орнаментом (ХИ-70), стеклнные синие трубчатые бусы (ХИ-69).

ИС: биконический сосуд с ручкой (ХИ-49), стеклнный полусферический кубок с шлифованными овалами типа Эггерс-228.

Четвертая фаза. Встречаются единичные ХИ первой и второй фазы. Появляются пряжки, аналогичные выделенным для второй

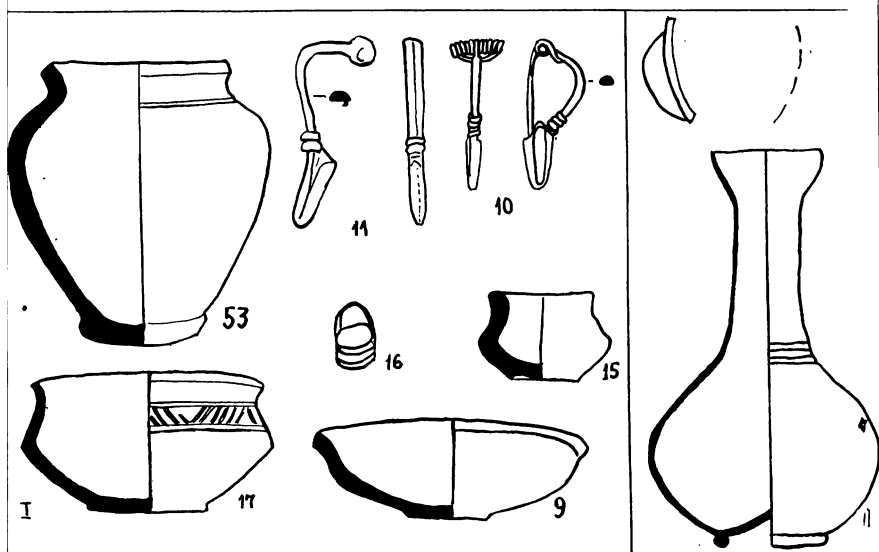
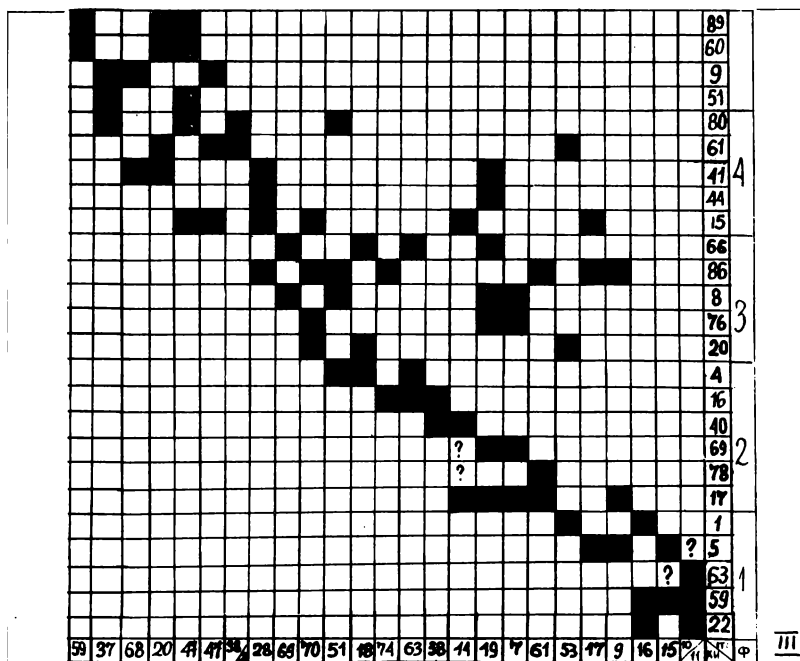

Рис. 6. Могильник Оселивка. Первая фаза.

I — XI первой фазы; II — IC первой фазы; III — корреляционная таблица.

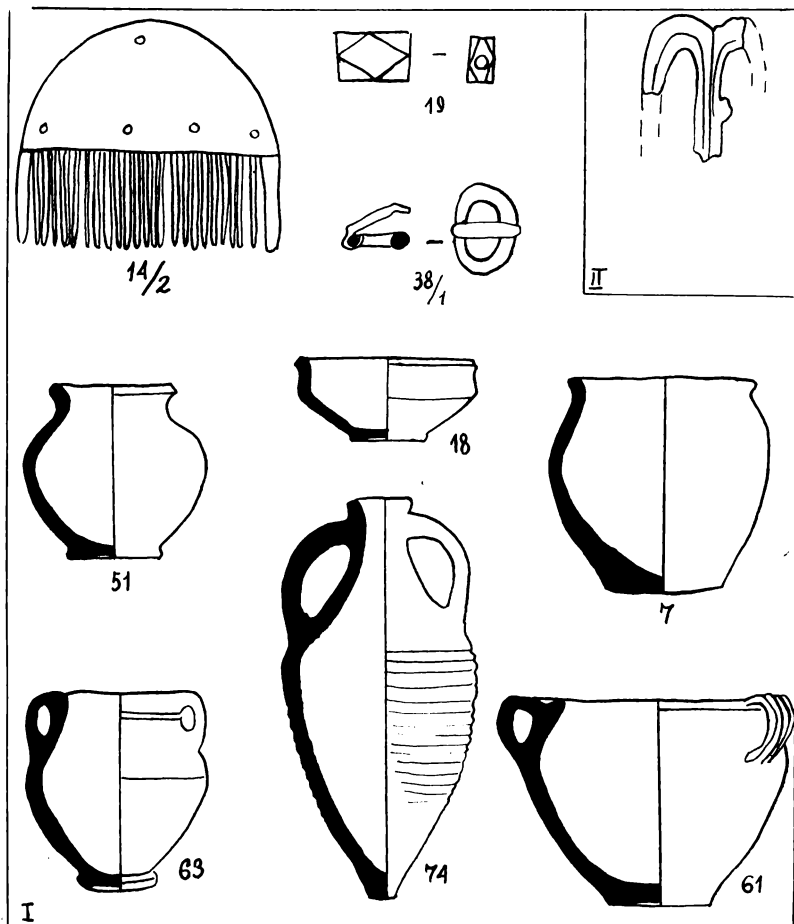

Рис. 7. Могильник Оселивка. Вторая фаза.

I — XI второй фазы; II — ИС второй фазы.

физы, но с более удлиненной и массивной рамкой (ХИ-38/2), пропущенные подвязные фибулы 3-го варианта (ХИ-20), 14-гранные бусы синего стекла (ХИ-68), костяные трехслойные гребни с колоколо-видной спинкой (ХИ-37). Для этой фазы характерны и новые типы керамики; гончарные горшки вытянутых пропорций (ХИ-47) и гончарные остросереберные миски (ХИ-41).

ИС: большая миска-ваза с воротничкообразным венчиком (ХИ-30).

Пятая фаза. Совершенно исчезают вещи первой, второй, третьей фаз. Появляется новый тип пряжек — с овально-удлиненной рамкой (ХИ-59).

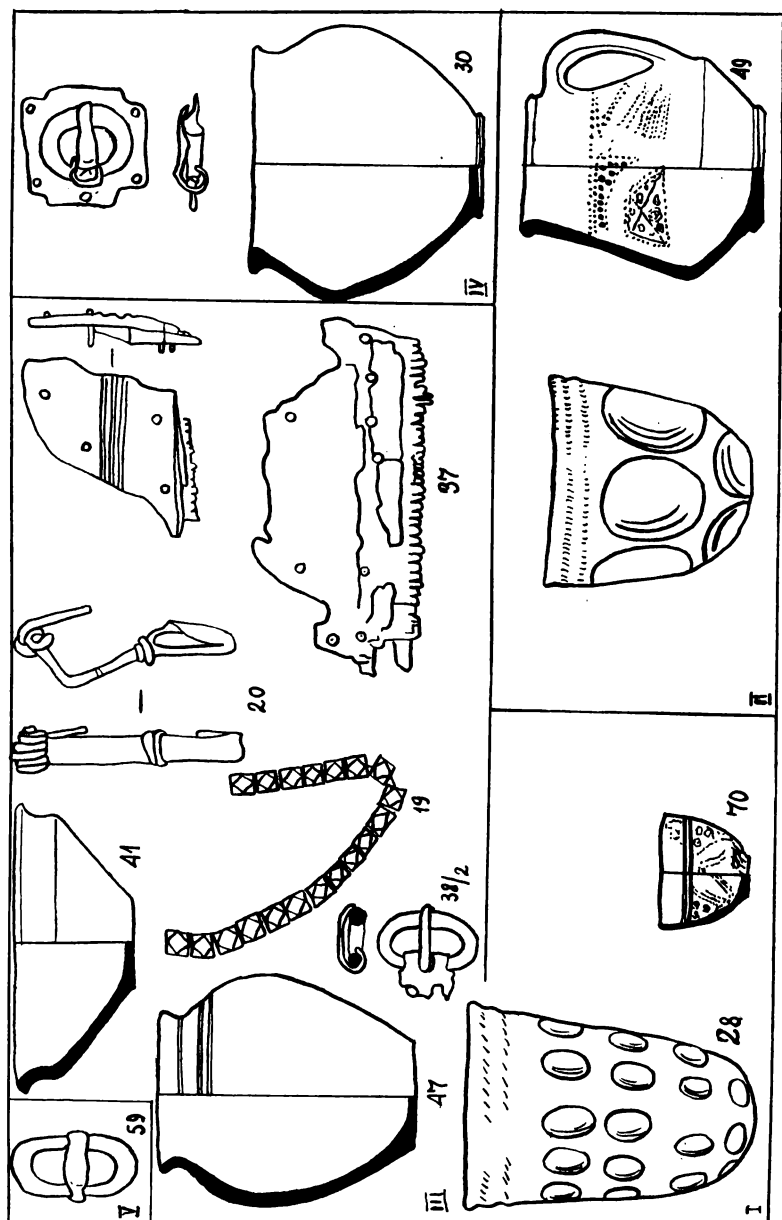

Рис. 8. Могильник Оселивка. Третья, четвертая и пятая фазы.

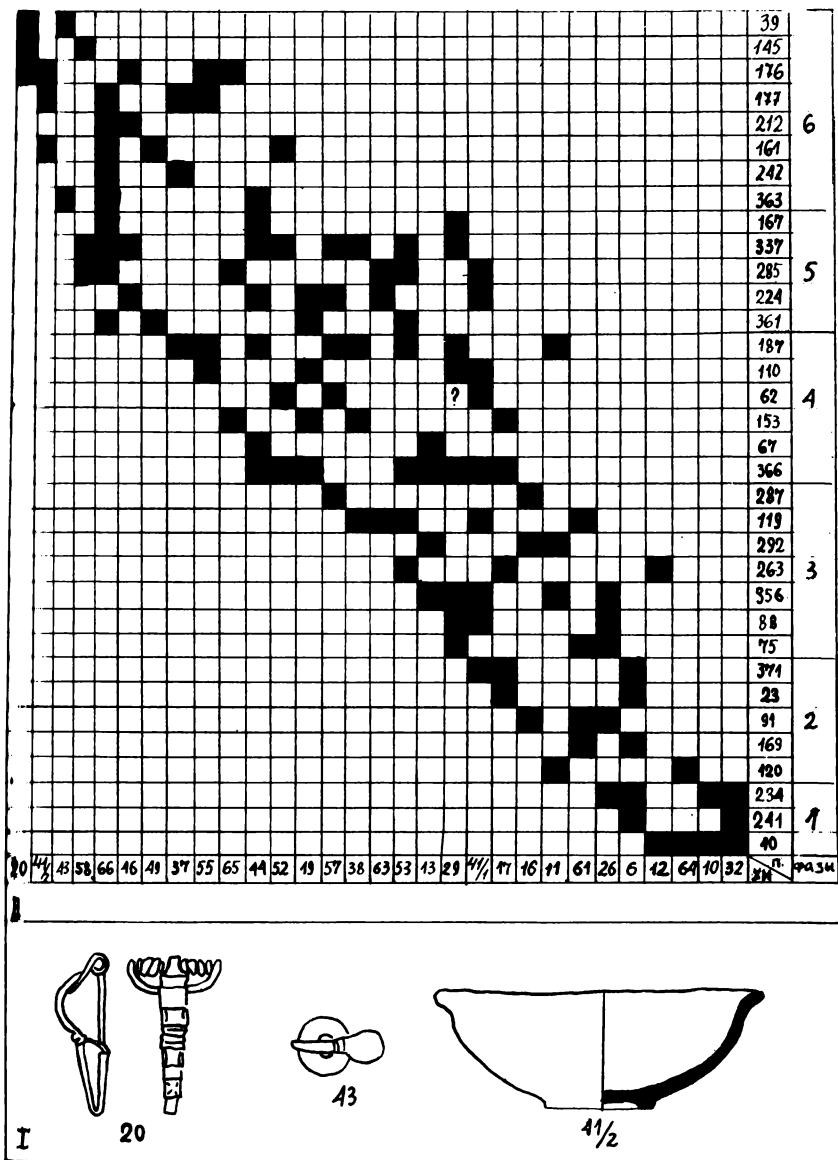

Рис. 9. Могильник Данчены. Корреляционная таблица и ХИ шестой фазы.

ИС: бронзовая пряжка с обоймой, вмонтированной в прямоугольную пластину со сквозными отверстиями для крепления.

Данчены (рис. 9—12). Один из наиболее хорошо раскопанных и изданных могильников [И. А. Рафалович 1986]. Из 405

вскрытых погребений корреляционной обработке подвергнуто 34 наиболее репрезентативных комплекса. К сожалению, из этой выборки выпал целый ряд интересных погребений с уникальным для черняховской культуры материалом, имеющим по западным аналогиям ранние даты. Эти погребения были объединены Т. А. Щербаковой и М. Б. Шукиным при разработке хронологии могильника Данчены в фазу Ia [М. Б. Шукін, Т. А. Щербакова 1986, с. 203–206]. К ним относится погребение 203, содержащее обломок атташе римского бронзового сосуда типа «Стара Загора» и наконечник рога-ритона, погребение 254, где обнаружен наконечник пояса J-IV-1 по К. Раддатцу [К. Raddatz 1957], погребение 122 с квадратной железной одночастной пряжкой, погребение 320 с пряжкой в виде латинской буквы «D».

В результате изучения характера взаимовстречаемости 30 выделенных XI все учтенные погребения разбиты на 6 групп, представляющих фазы развития могильника Данчены.

Первая фаза. Характеризуется следующими типами вещей: прогнутыми подвязными фибулами 1-го варианта (XI-10), костяными трехслойными гребнями с трапецевидной спинкой (XI-64), янтарными дисковидными бусами (XI-12). Керамика представлена лепными кружками (XI-32), кубками «типа Ружичанки» (XI-6), лепными яйцевидными горшками-кумпами (XI-26).

ИС: высокий гончарный орнаментированный кубок.

Вторая фаза. Большинство вещей первой фазы выходят из употребления. Продолжают бытовать лишь кубки «типа Ружичанки» (XI-6) и яйцевидные сосуды (XI-26). Появляется новый тип фибул — прогнутые подвязные фибулы 2-го варианта (XI-11), а также ведерковидные подвески (XI-16). Керамические формы представлены высокими трехручными вазами (XI-61), биконическими закрытыми мисками (XI-17), открытыми мисками (XI-41/1).

ИС: фибула с высоким держателем иглы Альмгрен-216/217, вариант Монструозо, стеклянный сферический кубок, орнаментированный зигзагообразной стеклянной нитью того же цвета.

Третья фаза. Продолжают существовать вещи второй фазы. К ним добавляются пряжки с овальной рамкой (XI-39), грибовидные янтарные привески (XI-13), гончарные горшки (XI-53), двуручные сосуды (XI-63), гончарные кувшины с округлобоким туловом (XI-29). На завершающей стадии появляются трехручные вазы (XI-57), однако массово они выступают только в следующей — четвертой фазе.

ИС: конические ведерковидные подвески, подвески в виде «топора Тора», крупная бусина или пряслице из спирально скрученного стеклянного жгута, гончарный конический кубок (XI-70), стеклянный кубок Эггерс-239, костяной трехслойный гребень с трехугольной спинкой (XI-73).

Четвертая фаза. Продолжается массовое бытование вещей третьей и отчасти второй фазы. К новым типам инвентаря отно-

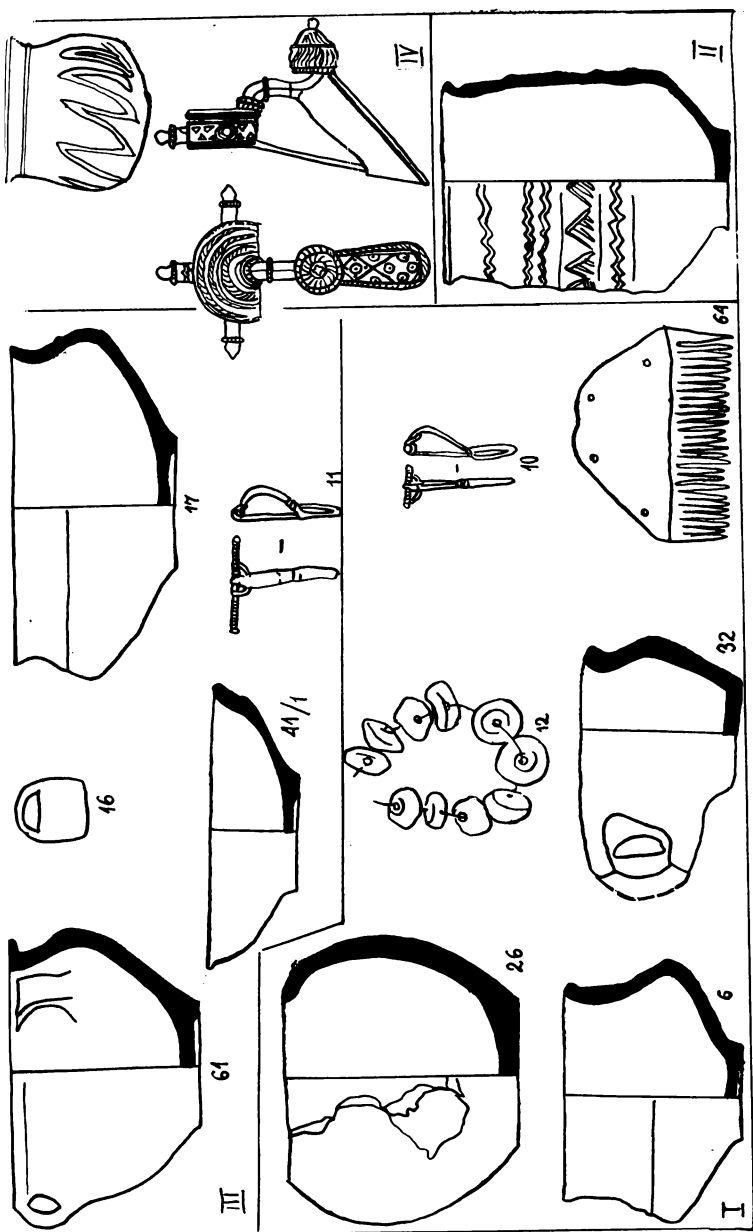

Рис. 10. Могильник Данчены. Первая и вторая фазы.

I — XI первой фазы; II — IS первой фазы; III — XI второй фазы; IV — IS второй фазы.

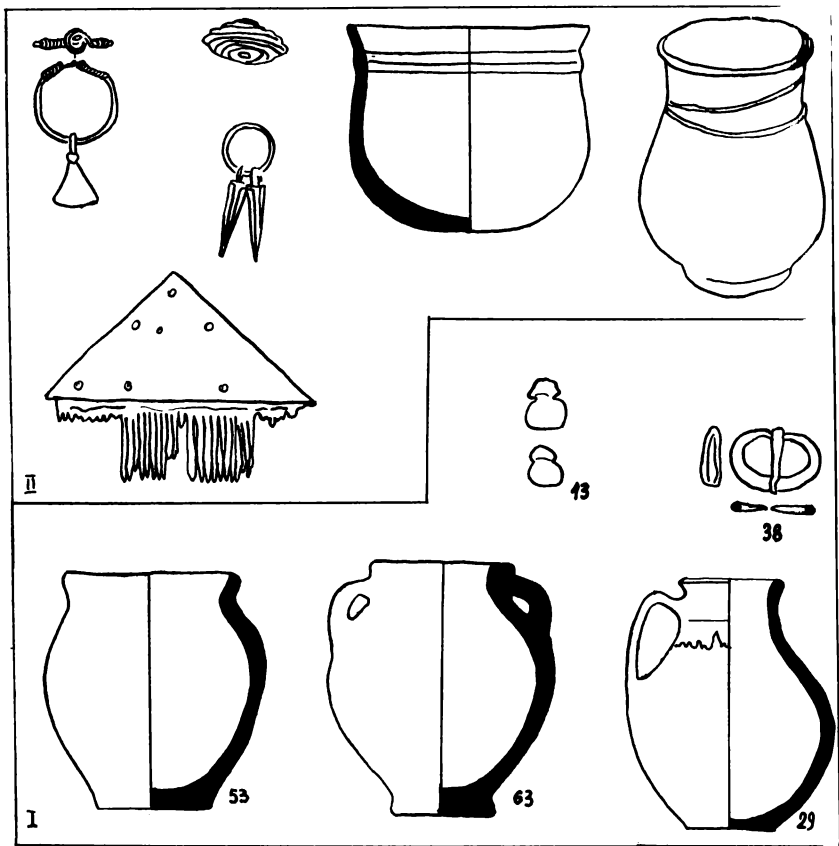

Рис. 11. Могильник Данчены. Третья фаза.

I — XI третьей фазы; II — ИС третьей фазы.

сятся костяные трехслойные гребни с колоколовидной изогнутой спинкой (ХИ-37), 14-гранные сердоликовые бусы (ХИ-19). Возникает много новых керамических форм — гончарные округлобокие горшки (ХИ-55), приземистые лепные горшки (ХИ-65), открыто биконические острореберные миски (ХИ-44), цилиндро-конические миски (ХИ-52). Встречаются также низкие трехручные вазы (ХИ-57).

ИС: костяная пирамидальная подвеска в виде «палиты Геркла» (ХИ-21), воинская фибула (ХИ-31), гончарный полусферический кубок с орнаментом (ХИ-70).

Пятая фаза. Практически исчезают вещи второй фазы. Вещи двух предыдущих фаз находятся в массовом употреблении. Появляются три новых керамических формы — лепные горшки (ХИ

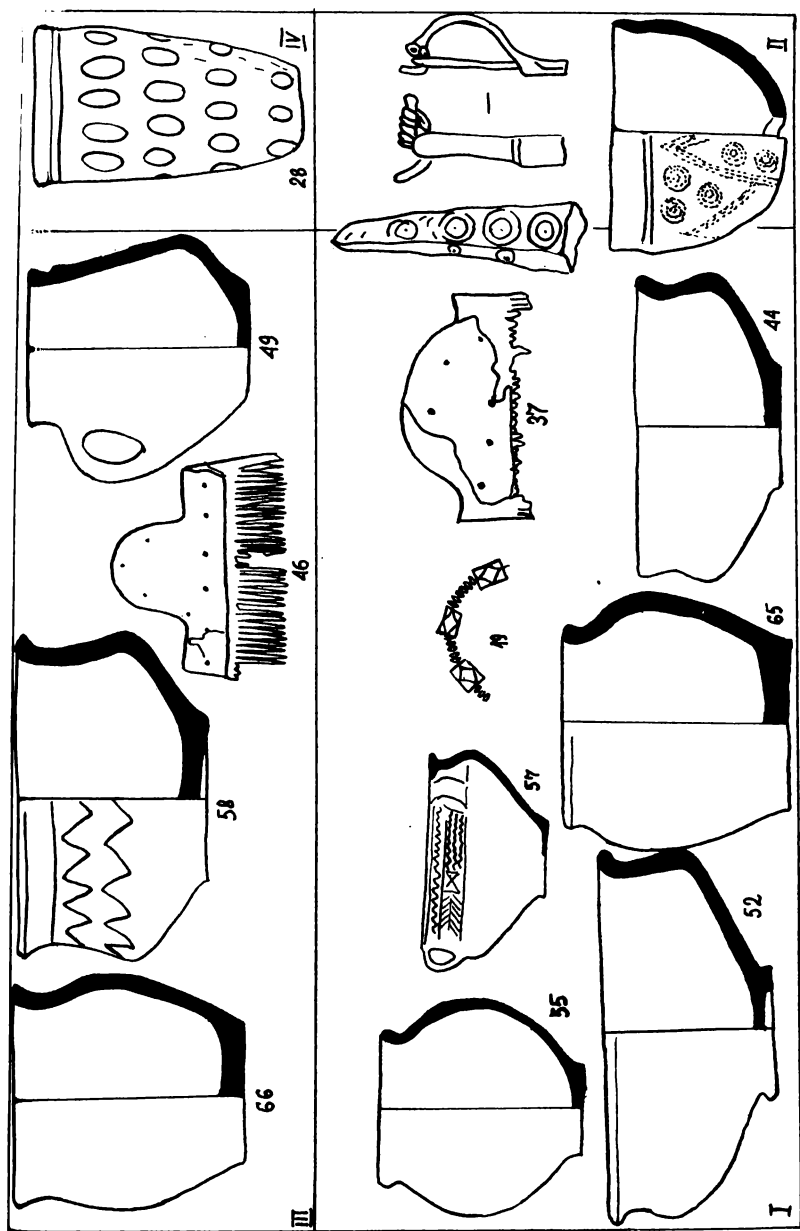

Рис. 12. Могильник Данчены. Четвертая и пятая фазы.

I — XI четвертой фазы; II — IS четвертой фазы; III — XI пятой фазы; IV — IS пятой фазы.

66), биконические миски с ребром в нижней трети тулова (ХИ-54), биконические сосуды с ручками (ХИ-49).

ИС: стеклянный кубок типа «Ковалк».

Шестая фаза. Характеризуется полным исчезновением вещей третьей фазы. Продолжают находиться в употреблении вещи пятой и отчасти четвертой фазы. Появляются прогнутые подвязные фибулы 3-го варианта (ХИ-20), калачиковидные пряжки с хоботковидным язычком (ХИ-43), а также открытые миски без выраженного перегиба тулова (ХИ-41/2).

Журовка. Могильник (в сохранившейся его части) полностью раскопан Э. А. Сымоновичем. Всего вскрыто 125 погребений, из них лишь одно совершено по обряду кремации. Остальные сожжения, по-видимому, были уничтожены в результате современных нарушений поверхности. Материалы были полностью обработаны и подготовлены к печати автором, однако до сих пор не изданы. Для корреляционной обработки отобраны наиболее репрезентативные комплексы (всего 21), содержащие 25 ХИ. В результате исследования выделено 5 фаз функционирования могильника (рис. 13—16).

Первая фаза. Характеризуется достаточно выразительным, ранним набором керамики — кубки (ХИ-16), миски (ХИ-5), горшки (ХИ-7), биконические сосуды с ручкой (ХИ-49). Из этого ряда выпадают только миски (ХИ-44/3), обычно встречающиеся на более поздних фазах развития. Может быть, в конце фазы появляются и миски (ХИ-41). Из индивидуальных находок выделены только фибулы (ХИ-10).

ИС: бусина из спиральноскрученного стеклянного жгута.

Вторая фаза. Наряду со старыми формами керамики (исчезают только кубки ХИ-6) появляется много новых — лепные горшки (ХИ-66), гончарные горшки (ХИ-53, 55, 51), небольшие закрытые биконические миски, аналогичные (ХИ-17), но орнаментированные по ребру линзовидными срезами (ХИ-17/54). Прогнутые подвязные фибулы 1-го варианта сменяются прогнутыми подвязками фибулами 3-го варианта (ХИ-20).

ИС: кувшины с биконическим туловом (ХИ-39).

Третья фаза. Характеризуется двумя новыми формами керамики — остросереберными мисками (ХИ-44/2) и трехчленными мисками с выделенным цилиндрическим горлом и прямым венчиком (ХИ-56). Появляются также гребни с колоколовидными и полукруглым выступом на спинке, представляющие в данном случае как бы непрерывный ряд развития. Часто трудно отделить одну форму от другой, поэтому здесь они объединены в один ХИ-37/46.

ИС: двуручный сосуд (ИС-63).

¹⁾ Пользуясь случаем, выражаем искреннюю благодарность О. Н. Мельниковой, любезно предоставившей в наше распоряжение таблицы по всем комплексам могильника. Рисунки вещей использованы в настоящей работе.

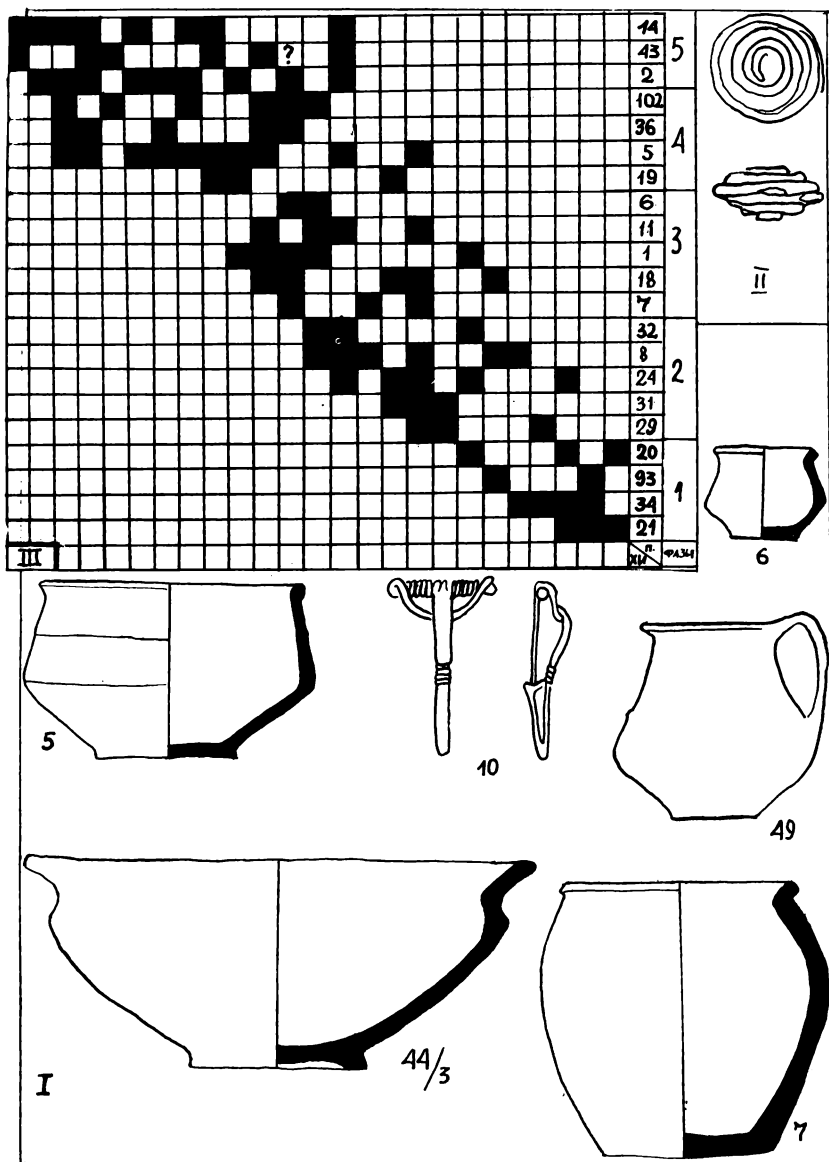

Рис. 13. Могильник Журовка. Первая фаза.

I — XI первой фазы; II — ИС первой фазы; III — корреляционная таблица.

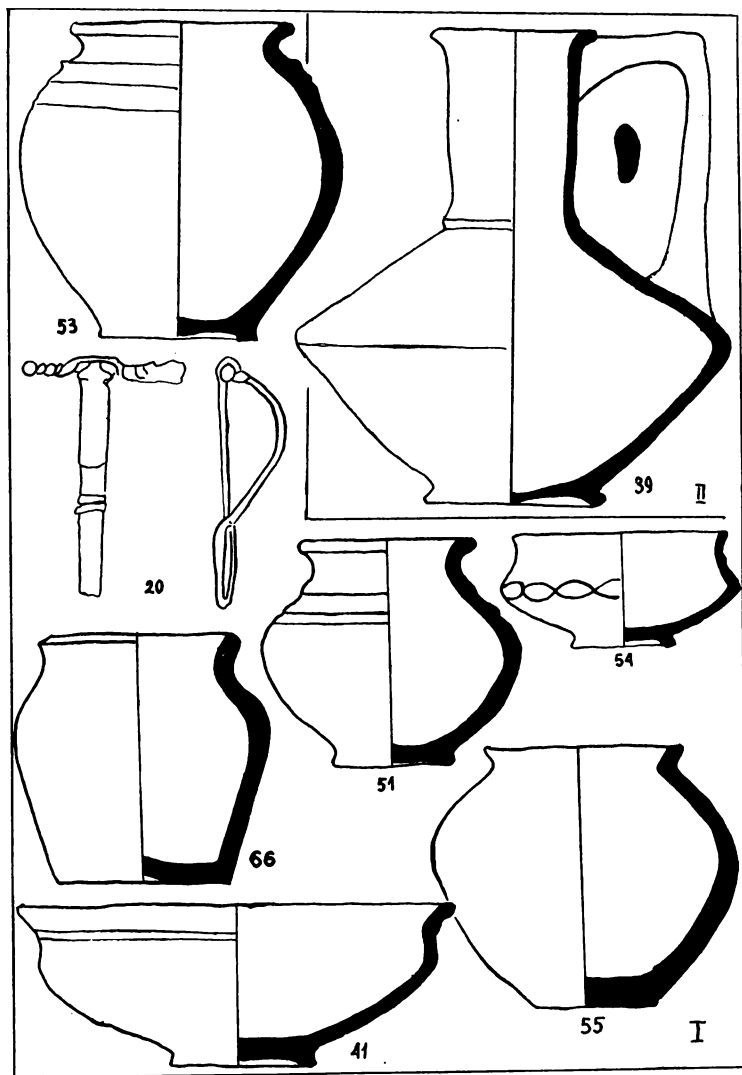

Рис. 14. Могильник Журовка. Вторая фаза.

I — XI второй фазы; II — ИС второй фазы.

Четвертая фаза. Выходит из употребления большая часть вещей первой и второй фаз. Возникает много новых форм сосудов — ончарные горшки (ХИ-47), цилиндроконические миски (ХИ-52), рехчленные миски (ХИ-48/1), аналогичные мискам ХИ-54, но отличающиеся от последних крупными размерами, открытые

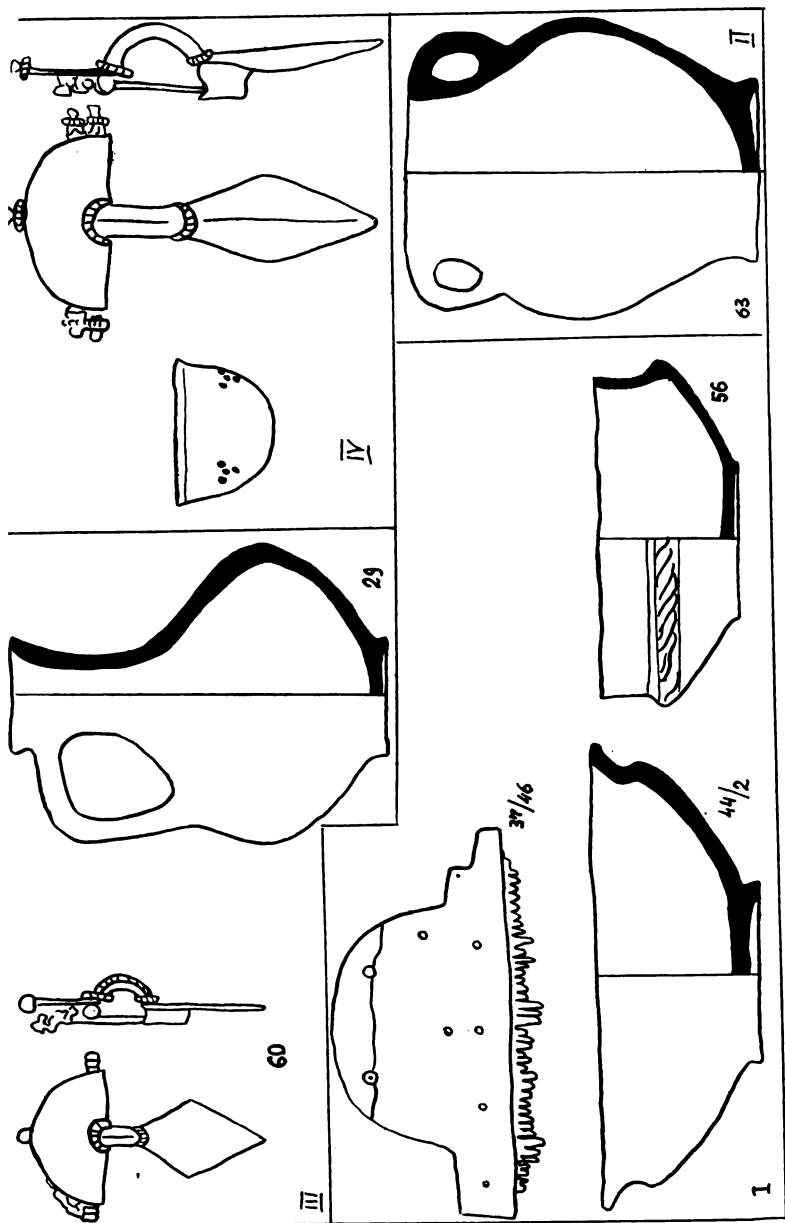

Рис. 15. Могильник Журовка. Третья и пятая фазы.

I — XI третьей фазы; II — ИС третьей фазы; III — XI пятой фазы; IV — ИС пятой фазы.

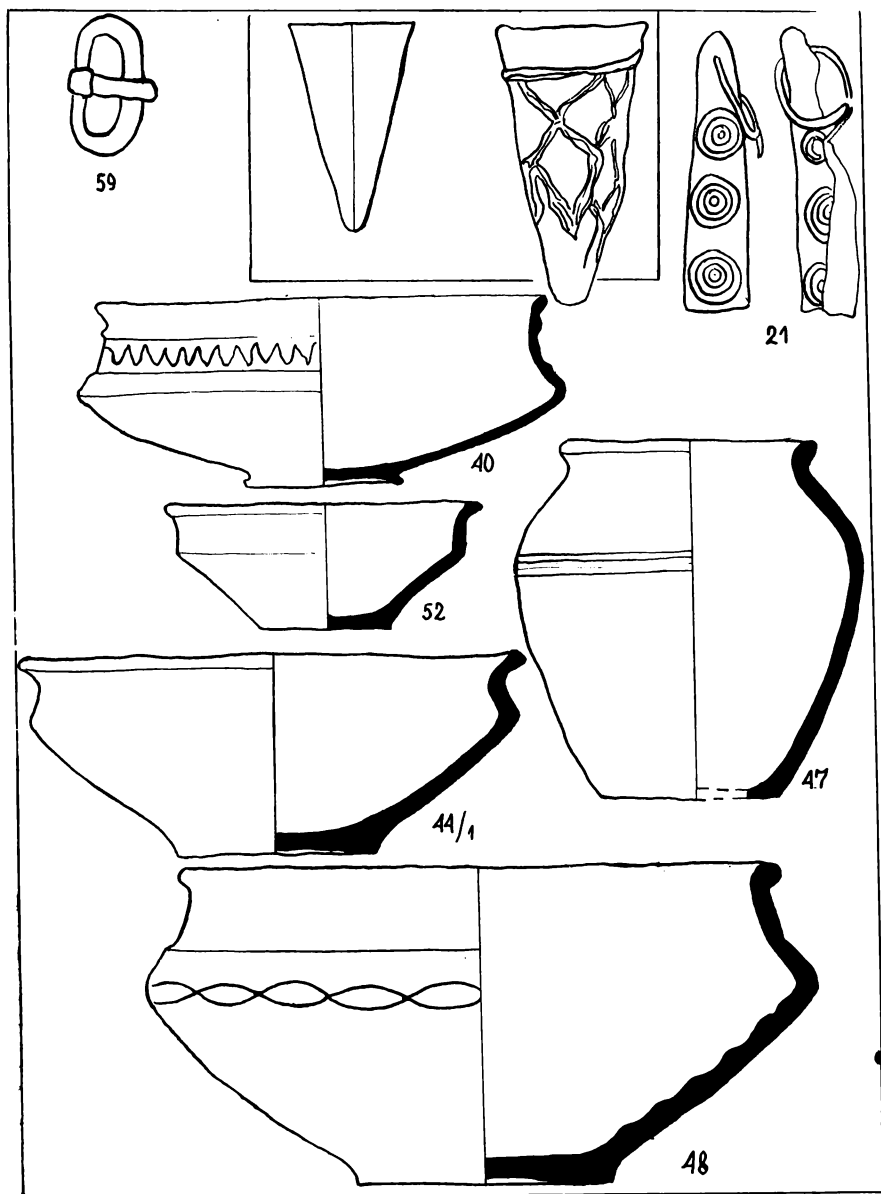

Рис. 16. Могильник Журовка. Четвертая фаза.
 I — ХИ четвертой фазы; II — ИС четвертой фазы.

остроереберные миски (ХИ-44/1). Появляются пряжки с удлиненными овальными рамками (ХИ-59), а также костяные подвески в виде «пальцы Геракла» (ХИ-21).

ИС: кубок из тонкого прозрачного стекла; конический стеклянный кубок, украшенный нитями синего стекла.

Пятая фаза. Характеризуется появлением двупластинчатых фибул с короткой ромбической ножкой (ХИ-60) и округлобоких кувшинов (ХИ-29).

ИС: полусферический стеклянный кубок, орнаментированный нитями синего стекла; двупластинчатая фибула с удлиненно-ромбической ножкой.

Гавриловка (могильник у овчарни совхоза Приднепровский). Из 96 вскрытых погребений [Э. А. Сымонович 1955; 1960] в корреляционную таблицу вошло 25 (рис. 17). На основании изучения характера взаимовстречаемости 24 ХИ выделено 5 фаз развития могильника (рис. 18—19).

Первая фаза. Представлена целым набором ранних форм керамики. Это лепные горшки-кумпы (ХИ-26), лепные открытые миски (ХИ-9), биконические миски (ХИ-17), крупные мисковидные сосуды с воротникообразным венчиком (ХИ-30), гончарные полусферические кубки с орнаментом (ХИ-70).

ИС: ведерковидные подвески (ХИ-16), воинская фибула с ромбической ножкой, высокая трехручная ваза (ХИ-61).

Вторая фаза. Появляются прогнутые подвязные фибулы 2-го и 3-го вариантов, причем третий вариант включает в себя экземпляры как с относительной узкой, так и с широкой спинкой. Керамический комплекс пополняется такими развитыми формами, как открытые остроереберные миски (ХИ-44/2), округло-биконические миски (ХИ-36), гончарные округлобокие горшки (ХИ-55), округлобокие мискообразные сосуды (ХИ-33/1).

ИС: гончарный округлобокий кувшин (ХИ-29).

Третья фаза. Практически выходят из употребления вещи первой фазы. Керамический комплекс пополняют новые формы — гончарные горшки (ХИ-53), лепные горшки (ХИ-66), гончарные кувшины с биконическим туловом (ХИ-39).

ИС: двуручный сосуд (ХИ-63).

Четвертая фаза. Характеризуется появлением пряжек с овальной рамкой (ХИ-38) и пряжек с овально-сегментированной рамкой (ХИ-50). Входят в употребление синие и зеленые чечевицеобразные бусы (ХИ-76), гребни с полукруглым выступом на спинке (ХИ-46). Возникает несколько видоизмененная форма открытых остроереберных мисок — более высоких, с оттянутым венчиком (ХИ-44/1).

ИС: стеклянный конический кубок-светильник.

Пятая фаза. Исчезают вещи первых трех фаз. К развитым формам мисок добавляется ХИ-48. Прогнутые подвязные фибулы сменяются двупластинчатыми с короткой ромбической ножкой (ХИ-60).

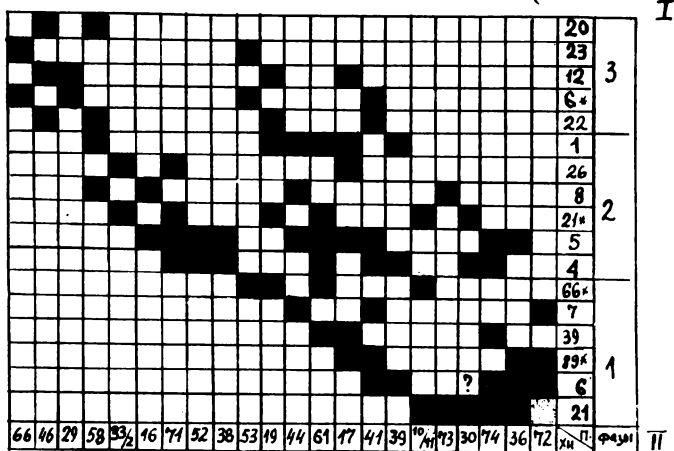
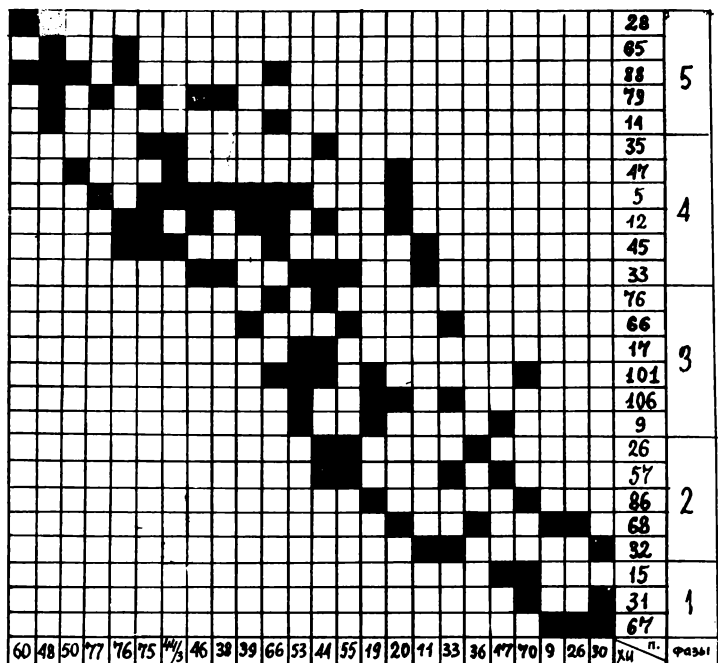

Рис. 17. Корреляционные таблицы.

I — могильник Гавриловка; II — Южный блок (звездочками обозначены погребения могильника Каменка).

ИС: костяная подвеска в виде «палицы Геракла» (ХИ-21).
Южный блок памятников (Каборга-Каменка) (рис. 20—21).
 Ввиду немногочисленности раскопанных погребений были объеди-

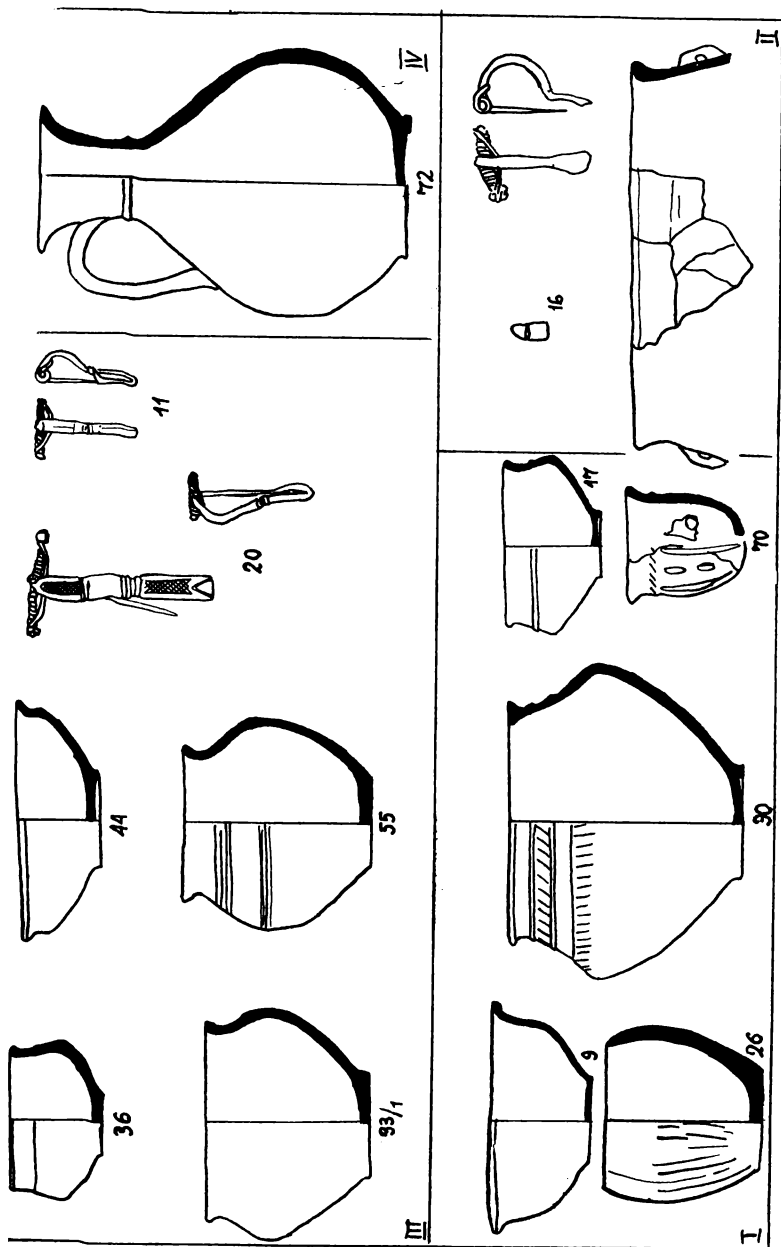

Рис. 18. Могильник Гавриловка (овчарня совхоза «Приднепровский»). Первая и вторая фазы.
 I — XI первой фазы; II — IS первой фазы; III — XI второй фазы; IV — IS второй фазы.

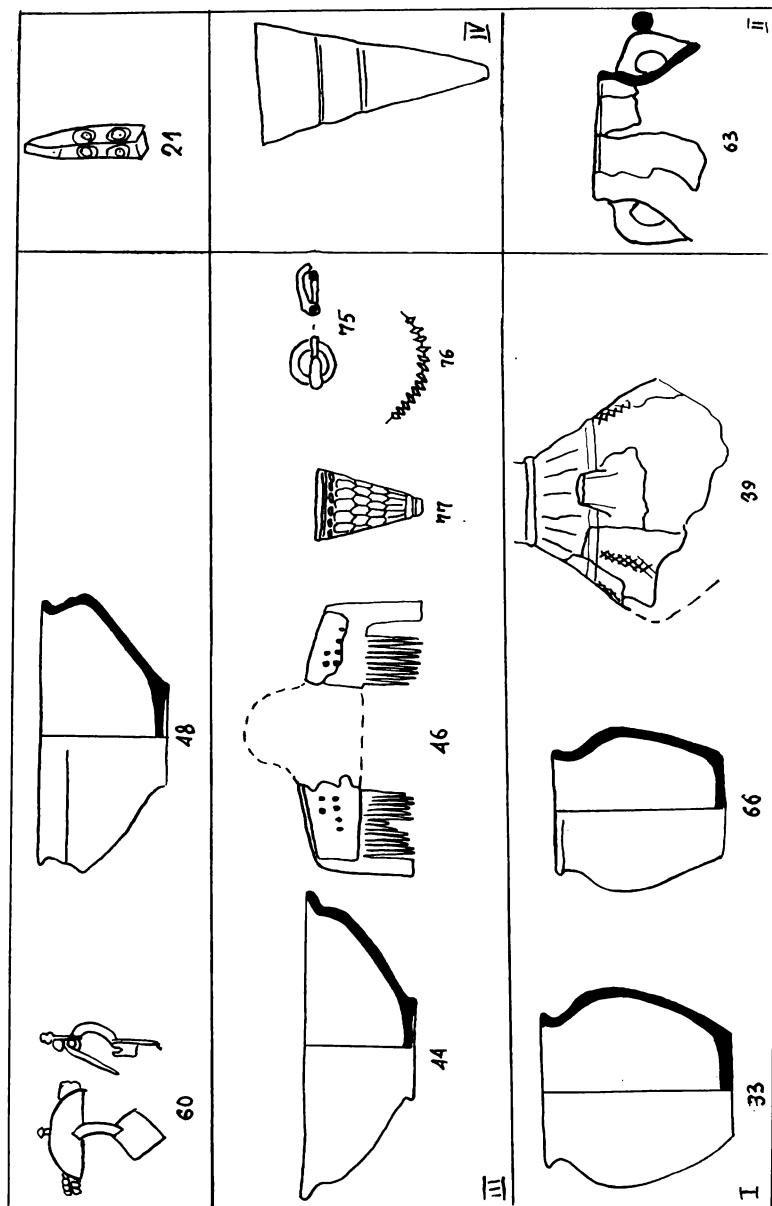

Рис. 19. Могильник Гавриловка. Третья, четвертая и пятая фазы.

I — XI третьей фазы; II — IX третьей фазы; III — XI четвертой фазы; IV — IX четвертой фазы.

плены в одну корреляционную таблицу два близких по хронологии северопричерноморских могильника — Каборга и Каменка [Б. В. Магомедов 1979; Э. А. Сымонович 1955]. Всего использовано 17 погребений, содержащих 22 ХИ. Выделено 3 фазы (рис. 17, II).

Первая фаза. Ввиду ограниченности имеющихся материалов первоначальный этап функционирования этих могильников выделяется с трудом. Вероятно, к нему следовало отнести только один комплекс — погребение 21 Каборги. На таблице оно включено в общую, несколько размытую первую фазу. Из инвентаря ее характеризуют прогнутые подвязные фибулы 1-го варианта (ХИ-10), 14-гранные сердоликовые бусы (ХИ-19), гребни с высокой подтреугольной спинкой (ХИ-73). Керамический комплекс весьма разнообразен. Он представлен мисками (ХИ-17, 41, 44, 36), мисковидными сосудами (ХИ-30), высокими трехручными вазами (ХИ-61), кувшинами (ХИ-39, 72), римскими амфорами (ХИ-74).

Вторая фаза. Характеризуется бытованием пряжек с овальными рамками (ХИ-38), ведерковидных подвесок (ХИ-16), 14-гранных сердоликовых бус (ХИ-19). Керамические формы представлены гончарными горшками (ХИ-53), мисками (ХИ-52 и ХИ-58), кубками (ХИ-71), мисковидными реберчатыми сосудами (ХИ-33).

ИС: обломок фибулы с кнопкой на дужке.

Третья фаза. Прекращает существовать большая часть вещей первых двух фаз. Появляются округлобокие кувшины (ХИ-29), лепные горшки (ХИ-66), гребни с полукруглым выступом на спинке (ХИ-46).

ИС: пряжка с удлиненно-овальной рамкой (ХИ-59); прогнутая подвязная фибула, украшенная зернеными кольцами и низкая трехручная ваза (ХИ-57).

*
* *

Сделаем попытку провести **горизонтальные срезы синхронизации** через все семь полученных вертикальных хронологических колонок. В результате можно будет уже вплотную подойти к созданию системы относительной хронологии черняховской культуры.

Сопоставление всех материалов (рис. 22) показывает, что наиболее четкий горизонтальный срез проходит по хорошо выделенной фазе 2 Ружичанского могильника и синхронным ей фазам остальных колонок. Из всей совокупности вещей второй фазы Ружичанки во второй фазе могильника Косаново отмечены 14-гранные сердоликовые бусы (ХИ-19), ведерковидные подвески (ХИ-16), янтарные грибовидные подвески (ХИ-13), прогнутые подвязные фибулы 2-го варианта (ХИ-11).

Первая фаза Данчен надежно синхронизируется с фазой 2 Косаново по наличию лепных кружек (ХИ-32), яйцевидных горшков-кумпфов (ХИ-26), кубков «типа Ружичанка» (ХИ-6). Кроме того, наличие трапецевидного гребня (ХИ-64), прогнутых подвязных фибул 1-го варианта (ХИ-10) и янтарных дисковид-

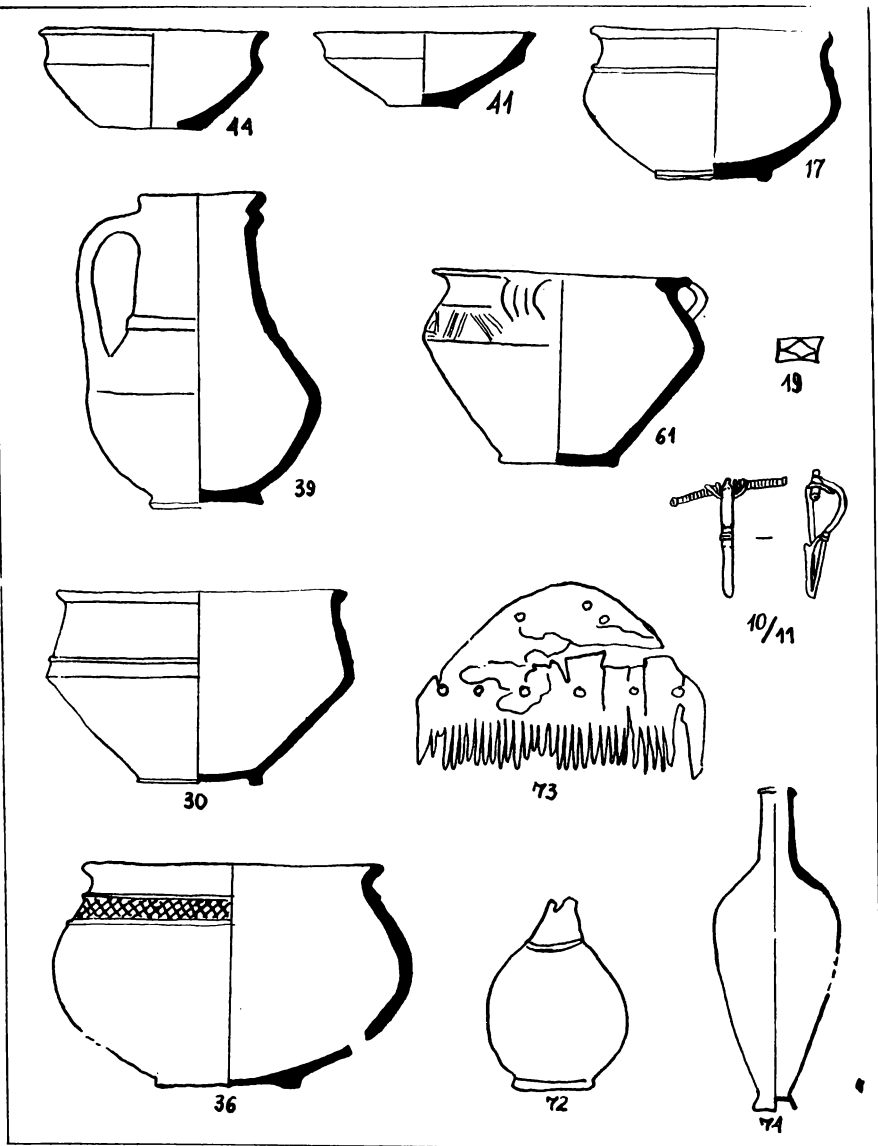

Рис. 20. Южный блок (Каменка-Каборга). Первая фаза.

ных бус (ХИ-12) позволяет синхронизировать 1 фазу Данчен со 2-й фазой Ружичанки. Следует также отметить, что в качестве ИС второй фазы Косаново выступает гребень с высокой подтреугольной спинкой, в следующей фазе Косаново зафиксирован

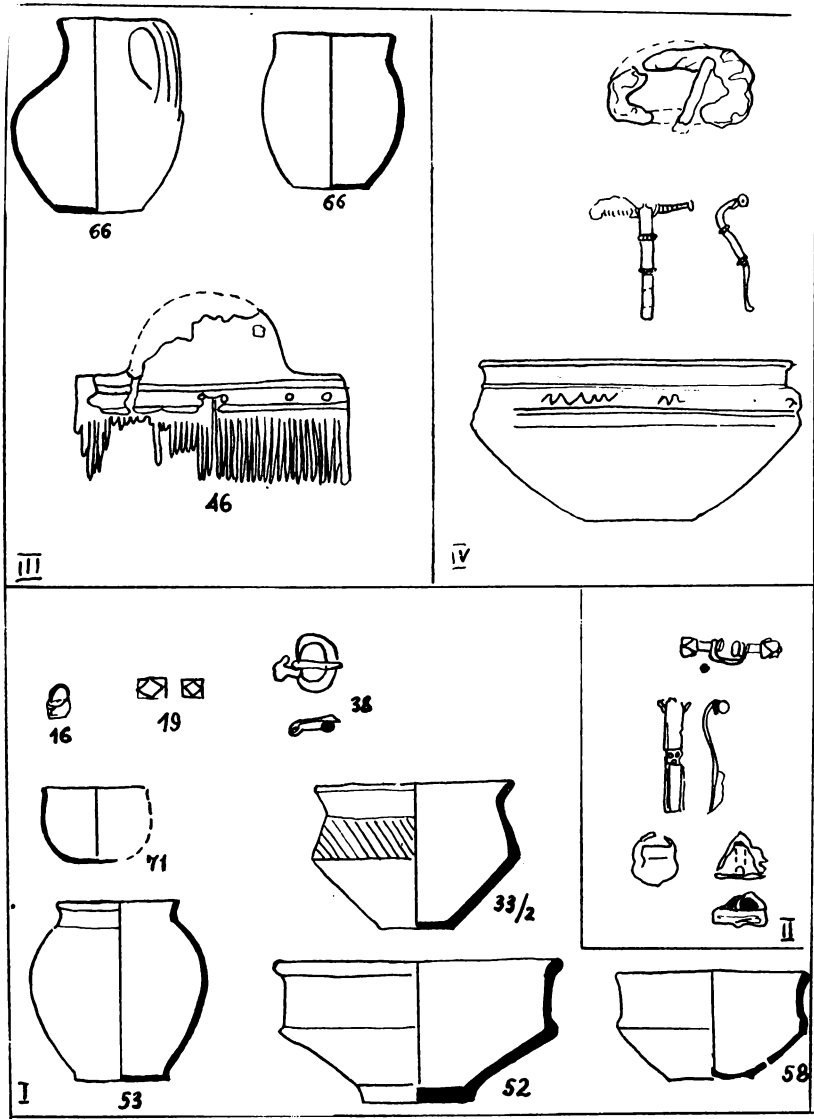

Рис. 21. Южный блок. Вторая и третья фазы.

I — XI второй фазы; II — ИС второй фазы; III — XI третьей фазы; IV — ИС третьей фазы.

гребень с фигурной трапецевидной спинкой более развитой формы.

Финальный этап полученного среза на могильниках Ружичан-ка-Косаново-Данчены можно синхронизировать с первой фазой

	Эггер- гавриловский	Гавриловский	Чернышевская кумбурга	Ружичанка	Косаново	Данчаны	Гавриловка	Оселивка	Журовка	
V										
IV	D	D ₁	6		5	6	5		5	
	C ₃	C ₃	5			5	4		4	
		C _{2a}	4		4	4	3	4	3	
						3	2	3	2	3
III	C ₂	C _{2a}	3	3	3	2	1	2		2
		C _{ж-с}	2	2	2	1		1	1	
	C ₁₆	C ₁₆	1	1	1	1a				1
	C _{1a}	C _{1a}		0						

Рис. 22. Таблица синхронизации.

Гавриловки на основании следующих вещей: кумпов (ХИ-26), ведековидных подвесок (ХИ-16), закрыто-биконических мисок (ХИ-17), которые появляются в Ружичанке в середине 2-й фазы. При этом 1-я фаза Гавриловки сопоставима и с последующим горизонтом, выделенным на могильниках Ружичанка-Косаново-Данчаны, а именно с фазой 3 Косаново по крупным мисковидным сосудам (ХИ-30) и воинским фибулам (ХИ-31).

Немногочисленные погребения первой фазы Оселивки можно синхронизировать с фазой 2 Ружичанки, фазой 1 и 2 Косаново и фазой 1 Данчен на основании кубков (ХИ-15), ведековидных подвесок (ХИ-16), прогнутых подвязных фибул I и II вариантов (ХИ-10, 11). Поздние погребения 1-й фазы Оселивки синхронизируются с погребениями 1-й фазы Гавриловки по таким вещам, как открытые, слабопрофилированные миски (ХИ-9), закрыто-биконические миски (ХИ-17).

Первая фаза могильника Журовка сопоставима с первой фазой Оселивки (ХИ-10, 11, 15).

Кроме того, надо отметить, что отдельные вещи (крупные бусины из спиральноскрученного стеклянного жгута, биконический сосуд с ручкой ХИ-49) имеют аналогии в третьей фазе Косаново.

Первая фаза блока могильника Каменка-Каборга синхронизируется со 2-й фазой Ружичанки и Косаново по мискам (ХИ-17, 18), 14-гранным сердоликовым бусам (ХИ-19), подвязным фибу-

лам I-го варианта, гребнями с высокой полукруглой спинкой подтреугольной формы (ХИ-14/2).

Основные материалы полученного горизонтального среза по всем колонкам могут быть включены в единую *вторую фазу черняховской культуры*.

К более раннему времени, т. е. к *первой фазе черняховской культуры*, относятся фазы 0 и 1 Ружичанки, немногочисленные погребения, выделенные в первую фазу Косаново, а также по всей видимости, и выпавшие из корреляционной таблицы погребения Данченского могильника — фаза Ia по разработкам М. Б. Шукина и Т. А. Щербаковой [М. Б. Шукин, Т. А. Щербакова 1986, с. 200—208].

Следующий срез — *3-я фаза черняховской культуры* представлена материалами 3-й фазы Ружичанки, 3-фазы Косаново, 2-й фазы Данчен, 2-й фазы Оселивки, 2-й фазы Южного блока, 1 и 2-й фаз Журовки, 2-й фазы Гавриловки.

Наиболее выразительными синхронизирующими вещами являются прогнутые подвязные фибулы 3-го варианта (ХИ-20), пряжки с овальной рамкой (ХИ-38), высокие трехручные вазы (ХИ-61), остросеберные открыто-биконические миски (ХИ-44).

Следующий срез — *4-я фаза черняховской культуры* — включает в себя 4-ю фазу Косаново, 3 и 4-ю фазы Данчен, 3-ю фазу Южного блока-1, 3-ю фазу Гавриловки, 3-ю фазу Журовки.

В роли основных синхронизирующих вещей этого горизонтального среза выступают: двуручные сосуды (ХИ-63), кувшины с биконическим и округлобким туловом (ХИ-39, 29), лепкие слабопрофилированные горшки (ХИ-66), гребни с колоколовидной спинкой (ХИ-37), стеклянные кубки Эггерс 202-239, низкие трехручные вазы (ХИ-57), горшки (ХИ-53, 55).

Пятая фаза черняховской культуры представлена частью материалов 5-й фазы Косаново, 4-й фазой Гавриловки, 4-й фазой Оселивки, 5-й фазой Данчен и 4-й фазой Журовки. Наиболее показательными синхронизирующими вещами этого этапа являются конические кубки-светильники, гребни с полукруглым выступом на спинке (ХИ-46), гончарные горшки вытянутых пропорций (ХИ-47).

Шестая фаза черняховской культуры включает 5-ю фазу Гавриловки, 5-ю фазу Журавки и поздние материалы 5-й фазы Косаново. Синхронизирующее значение имеют: двупластинчатые фибулы, поздние варианты фибул с кнопкой на дужке, калачиковидные пряжки с хоботковидным язычком.

Теперь попытаемся сделать предварительные **привязки выделенных фаз культуры к абсолютным датам**. *Первую фазу* можно датировать на основании следующих вещей: пряжка типа «Омега», ранний вариант фибулы с кнопкой на дужке, наконечник пояса Раддатц J-IV-I, обломок сосуда типа «Стара Загора». В целом весь материал позволяет датировать первую фазу черняховской культуры ступенью C₁ европейской хронологии (220—

260 гг. н. э.) [И. А. Бажан, И. В. Васкул 1988, с. 76—89; М. Б. Шукин, Т. А. Щербакова 1986, с. 191—192; K. Raddatz 1957, S. 101—103, Abb. 2; R. Madyda 1977].

Вторую фазу датируют выразительные вещи, относящиеся к периоду C_1/C_2 (240–270 гг. н. э.) — гребни с трапециевидной спинкой, фибула с высоким держателем, украшенная зернеными кольцами (Альмгрен-211) [S. Thomas 1960, S. 92; K. Godłowski 1970, Pl. VII, 29, XI, 1, 22].

Третья фаза достаточно уверенно датируется по наличию фибулы варианта Монструозо, сферического кубка, украшенного стеклянной нитью того же цвета, ранних экземпляров кубков с шлифованными овалами типа «Ковалк» и ряда других вещей, датированных первой частью ступени C_2 (270–300 гг. н. э.) [A. Genrich 1954, S. 9; H. Schach-Dörjes 1970, S. 67; E. M. Straume 1987, Typ IA; H. J. Eggers 1951, Taf. 14, 188—190, S. 180—181; М. Б. Шукин, Т. А. Щербакова 1986, с. 192—193].

Четвертая фаза датируется гребнями с треугольной спинкой, стеклянным кубком типа Эггерс-205, 239, толстостенным кубком с шлифованными овалами Эггерс-228. Эти материалы позволяют отнести этот период ко второй части ступени C_2 (300—330 гг. н. э.) [S. Thomas 1960, S. 94—101; H. W. Böhme 1974, Taf. 84, 6, 12, 12, S. 285; H. J. Eggers 1951, Taf. 16, 239].

Пятая фаза может быть датирована на основании кубков-светильников, конических кубков, украшенных нитями напаянного синего стекла, а также пряжки с металлической накладкой «рейнского типа», причем последние датируются ступенью I по X. Бёме. Датирующее значение имеют и ячеистые стеклянные кубки. Эти вещи следует относить к ступени C_3 (330–370 гг. н. э.) [М. Б. Шукин, Т. А. Щербакова 1986, с. 193—194; Н. П. Сорокина 1979, с. 57—67; H. W. Böhme 1977, S. 17—28].

Шестая фаза датируется двупластинчатыми фибулами с ромбовидной ножкой, поздним вариантом фибул с кнопкой на дужке, стеклянной чашей, украшенной каплями синего стекла. Эти вещи диагностируют раннюю фазу ступени D_1 (370—400 гг. н. э.) [Н. П. Сорокина 1971, с. 85—101; А. К. Амброз 1966, с. 83; М. Б. Шукин, Т. А. Щербакова 1986, с. 184].

Безусловно, предлагаемая нами схема не может претендовать на всеобъемлющую полноту и является предварительной. Окончательные результаты будут представлены после публикации относительной хронологии остальных репрезентативных черняховских могильников, которые не вошли в эту работу ввиду ее ограниченного объема.

Приложение

Список хронологических индикаторов

1. Бронзовая римская чернильница.
2. Бусы из египетского фаянса.

3. Гончарные и лепные миски с загнутым внутрь краем*
4. Воронковидные высокие миски типа Горка-Полонка.
5. Цилиндроконические миски.
6. Гончарные трехчленные кубки с валиками, как правило, на кольцевом поддоне, D макс. — в нижней трети (кубки типа Ружичанка).
7. Лепные и гончарные горшки, слабопрофилированные, со слегка отогнутым наружу венчиком, D макс. = Н.
8. Пряжки типа «Омега».
9. Воронковидные приземистые миски.
10. Прогнутые подвязные фибулы 1-го варианта (по А. К. Амброзу).
11. Прогнутые подвязные фибулы 2-го варианта (по А. К. Амброзу).
12. Янтарные полусферические бусы.
13. Янтарные грибовидные подвески.
14. Костяные трехчастные гребни с полукруглой спинкой: 14/1 — с низкой спинкой, 14/2 — с высокой.
15. Биконические кубки на подставочной плитке.
16. Ведерковидные подвески.
17. Биконические миски.
18. Открытые реберчатые миски.
19. 14-гранные сердоликовые бусы.
20. Прогнутые подвязные фибулы 3-го варианта (по А. К. Амброзу).
21. Костяные пирамидальные подвески в виде «палицы Геракла».
22. Овальные бронзовые пряжки.
23. Стекланные игральные жетоны.
24. Гончарные трехчленные кубки с цилиндрической шейкой и выделенным бочком. D макс. расположен на середине Н.
25. Гончарные биконические миски с выделенным узким горлом (по очертаниям напоминает кубки), D макс. расположен на середине Н.
26. Лепные яйцевидные сосуды (кумфы).
27. Лепные открытые миски с псевдоушками.
28. Стекланные кубки с шлифованными овалами (как правило, в обломках).
29. Гончарные одноручные кувшины округлобокой формы.
30. Гончарные биконические вазы с венчиком-воротником.
31. Воинские фибулы.
32. Лепные кружки.
33. Гончарные мисковидные сосуды, D венчика больше Н.
34. Миниатюрные гончарные кубки с биконическим туловом.
35. Стекланные кубки, близкие Эггерс-205/239.
36. Гончарные округло-биконические миски.
37. Костяной трехчастный гребень с колоколовидной спинкой.
38. Овальные пряжки с утолщенной передней частью рамки и слегка загнутым язычком.
39. Гончарные одноручные кувшины с биконическим туловом.
40. Гончарные трехчленные миски.
41. Гончарные открытые миски-тарелки: 41/1 — с ребром, 41/2 — без ребра.
42. Большие гончарные горшки с выделенными плечиками, расположенными в верхней части сосуда, D макс. больше Н.
43. Круглые калачиковидные пряжки с хоботовидным язычком.
44. Гончарные открытые биконические миски-тарелки; ребро в верхней трети сосуда, по форме подразделяются на три варианта.
45. Гончарные биконические миски с перегибом тулова ниже середины высоты, D макс. примерно равно D венчика.
46. Костяные трехчастные гребни с полукруглым выступом на спинке.
47. Гончарные горшки вытянутых пропорций, Н больше D макс.

* В публикации И. С. Винокура в большинстве случаев не указан способ изготовления керамики — гончарная или лепная. Видимо, как правило, сосуды могильника Ружичанка выполнены с помощью поворотного круга.

48. Большие гончарные закрыто-биконические миски с ребром на середине высоты
49. Гончарные биконические сосуды с ручками.
50. Пряжки с овально-сегментовидной рамкой.
51. Гончарные горшки с выделенной шейкой и бочком, D макс. примерно равно H
52. Гончарные остросреберные цилиндрические миски.
53. Высокие гончарные горшки с округлым туловом, H примерно равно D макс
54. Гончарные закрытые биконические миски, часто с линзовидным орнаментом по ребру, форма переключается с XII-17.
55. Гончарные приземистые горшки с шаровидным туловом, D макс. больше H.
56. Гончарные миски с выделенной цилиндрической шейкой, прямым венчиком, биконическим туловом.
57. Приземистые трехручные вазы.
58. Гончарные биконические остросреберные миски с ребром ниже середины, D макс. приблизительно равно D венчика.
59. Большие бесштитковые пряжки с удлинено-овальной рамкой.
60. Двупластинчатые фибулы с ромбовидной ножкой.
61. Высокие трехручные вазы.
62. Гончарные приземистые горшки с выделенным горлом и плечиками, D макс. в верхней трети сосуда, D макс. больше H.
63. Двуручные сосуды.
64. Костяные трехчастные гребни с трапезиевидной спинкой.
65. Лепные приземистые горшки, слабопрофилированные, баночной формы.
66. Лепные горшки с эсвидным профилем и высоким венчиком.
67. Подвески в виде «топориков Тора».
68. 14-гранные бусы синего стекла.
69. Трубочатые бусы синего и зеленого стекла.
70. Гончарные кубки со штампованным орнаментом.
71. Гончарные неорнаментированные кубки.
72. Краснолаковые кувшины с цилиндрическим горлом и округлым туловом.
73. Костяной трехчастный гребень с подтреугольной спинкой.
74. Римские амфоры.
75. Круглые маленькие обувные пряжки.
76. Чечевицеобразные сине-зеленые бусы.
77. Толстостенные стеклянные кубки с сотовым орнаментом.

ЛИТЕРАТУРА

- Амброз А. К. Фибулы юга Европейской части СССР/САИ. 1966. Вып. Д1-30.
- Бажан И. А., Васкул И. В. О связях населения лесной полосы Восточной Европы с Прибалтикой в первой половине I тысячелетия н. э./Памятники эпохи камня и металла Северного Приуралья. Сыктывкар, 1988.
- Винокур И. С. Ружичанский могильник//Могильники черняховской культуры. М., 1979.
- Гороховский Е. Л. Хронология могильников черняховской культуры//Тезисы докладов советской делегации на V Международном конгрессе славянской археологии. М., 1985.
- Гороховский Е. Л. Хронология черняховских могильников лесостепной Украины//Труды V Международного конгресса археологов-славистов. Киев, 1988а. Т. 4.
- Гороховский Е. Л. Хронология ювелирных изделий первой половины I тыс. н. э. лесостепного Поднепровья и Южного Побужья. Автореф. канд. дисс. Киев, 1988б.
- Кравченко Н. М. Косановский могильник//МИА. 1967. Вып. 139.
- Кропоткин В. В. Хронология черняховской культуры и римско-византийские импортные вещи в Восточной Европе//КСИА. 1970. Вып. 121.
- Лихтер Ю. А. Стеклянные изделия из могильника Оселивка//Могильники черняховской культуры. М., 1988.
- Магомедов Б. В. Каборга IV//Могильники черняховской культуры, М., 1979.

- Никитина Г. Ф. Могильник у с. Оселивка Кельменецкого района Черновицкой обл.//Могильники черняховской культуры. М., 1988.
- Рафалович И. А. Данчены. Могильник черняховской культуры III-IV вв. н. э. Кишинев, 1986.
- Рикман Э. А. Этническая история населения Поднестровья и прилегающего Подунавья в первых веках нашей эры. М., 1975.
- Смиленко А. Т. К хронологии гончарной керамики черняховского типа//КСИА. 1970. Вып. 121.
- Сорокина Н. П. О стеклянных сосудах с каплями синего стекла из Причерноморья//СА. 1971. № 4.
- Сорокина Н. П. Стеклянные сосуды IV-V вв. и хронология цебельдинских могильников//КСИА. 1979. Вып. 158.
- Сымонович Э. А. Памятники черняховской культуры степного Поднепровья//СА. 1955. Вып. XXIV.
- Сымонович Э. А. Раскопки могильника у овчарни совхоза Приднепровский//МИА. 1960. Вып. 82.
- Щукин М. Б. О трех датировках черняховской культуры//КСИА. 1967. Вып. 112.
- Щукин М. Б., Шербакова Т. А. К хронологии могильника Данчены//Рафалович И. А. Данчены. Могильник черняховской культуры III-IV вв. н. э. Кишинев, 1986.
- Bierbrauer V. Zur chronologischen, sociologischen und regionalen Gliederung des ostgermanischen Fundstoffs des 5. Jahrhundert in Südosteuropa //Die Völker an der mittleren unteren Donau im fünften und sechsten Jahrhundert. Wien, 1980.
- Böhme H. W. Germanische Grabfunde des 4. bis 5. Jahrhunderts zwischen unteren Elbe und Loire. München, 1961.
- Böhme H. W. Die Bedeutung der spätromischen Chronologie Nordgalliens für das nordwestdeutsche Kunstengewiegt im 4.-5. Jahrhundert n. Chr//Archäologische Beiträge zur Chronologie der Völkerwanderungszeit. Bonn, 1977.
- Eggers H.-J. Der römische Import in freien Germanien. Hamburg, 1951.
- Genrich A. Formenkreisen und Stammesgruppen in Schleswig-Holstein nach geschlossenen Funden des 3. bis 6. Jahrhunderts. Rostock, 1954.
- Godłowski K. The Chronology of the Late Roman and Early Migration Periods in Central Europa. Kraków, 1970.
- Ionita I. Chronologie der Sântana-de-Mureș—Cernjachow kultur//Archaeologia Baltica. 1986. T. VII. Peregrinatio Gothica.
- Kazanski M., Legoux R. Contribution à l'étude des témoignages archéologiques des Goths en Europe orientale à l'époque des Grandes Migrations: La chronologie de la culture de Cernjachow recente//Archéologie Médiévale. 1988. T. XVIII.
- Madyda R. Sprączki i okucia pasa na ziemiach polskich w okresie rzymskim//Materiały starożytne i wczesnosredniowieczne. 1977. T. IV.
- Radtatz K. Der Thorsberger Moorfund. Gurtelteile und Körperschmuck//Offa—Bücher. 1957. Bd. 13.
- Schach-Dörries H. Die Bodenfunde des 3. bis 6. Jahrhunderts nach Chr. zwischen unteren Elbe und Oder//Offa-Bücher. 1970. Bd. 23.
- Straume E. M. Clässer mit Facettenschliff aus Skandinavischen Gräbern des 4. und 5. Jahrhunderts nach Chr.//Universitetsforlaget, 1987. Serie B. Skrifter LXXIII.
- Teirál J. Fremde Einflüsse und kulturelle Veränderungen nördlich der mittleren Donau zu Beginn der Völkerwanderungszeit//Archaeologica Baltica. 1986. T. 7. Peregrination Gothica.
- Thomas S. Studien zu den germanischen Kämme der römischen Kaiserzeit//Arbeits und Forschungsberichte zur sächsischen Bodendenkmalpflege. 1960. Bd. 8.

ХРОНОЛОГИЯ МОГИЛЬНИКОВ РУЖИЧАНКА, КОСАНОВО, ДАНЧЕНЫ И ПРОБЛЕМА ДАТИРОВКИ ЧЕРНЯХОВСКОЙ КЕРАМИКИ

1. Из истории методических подходов

Одним из самых ярких проявлений процесса провинциализации варварских культур лесостепи и степи Восточной Европы можно считать формирование черняховской культуры (далее ЧК) [М. Б. Шукин, 1973, с. 23]. После бурных дискуссий 1950–60-х годов¹ на длительное время утвердились две датировки черняховских древностей: широкая — от конца II до середины V в. н. э., и узкая — III—IV вв. н. э. [М. Б. Шукин 1967, с. 11; М. А. Тиханова 1979, с. 37—38; J. Teigal 1986, s. 179]. По сути дела оба эти хронологических определения появились еще на самой заре черняховедения. Первое у В. В. Хвойки [В. В. Хвойки 1901, с. 15; 1913, с. 43—44], второе у П. Рейнеке [P. Reinecke 1906, S. 47].

Разногласия между сторонниками широкой и узкой датировки определялись прежде всего различными методическими подходами. Первые принимали во внимание или нижнюю, или верхнюю дату существования типов вещей, фактически не учитывая, когда эти типы функционировали в данной среде, причем часто брались отдельные типы вещей из могильников или из слои поселений: например, ранневизантийская фибула из поселения Рипнев II [В. Д. Баран 1970, с. 9; М. Б. Шукин 1967, с. 11].

Вторые старались оперировать прежде всего закрытыми комплексами, и их главной задачей было проследить, когда типы вещей того или иного комплекса могли сосуществовать. Таким образом, у ученых этого направления появлялась возможность определять более узким временем не только типы и комплексы, но и время существования ЧК в целом [М. Б. Шукин 1967, с. 13].

Эти различия в подходе можно проиллюстрировать и на примерах трактовки исследователями находок монет на памятниках ЧК. Так, находка монеты Маврикия (582—602 гг. н. э.) в слое поселения Черепин позволила М. Ю. Брайчевскому датировать поселение VI—VII вв. н. э. [В. В. Крпоткин 1970б, с. 53]. Э. А. Сымонович, сторонник широкой даты ЧК, обсуждая доклад В. В. Крпоткина на совещании 1967 г. во Львове, указал, что основные монетные находки ЧК относятся ко времени Анто-

¹ Статья не претендует на историографический обзор дискуссий по проблемам ЧК. Сделана лишь попытка проследить истоки современных подходов к датировкам отдельных вещей, комплексов, памятников и в целом ЧК. Историографию по проблематике ЧК см. [М. В. Шукин 1975; М. Б. Шукин 1977; Этнокультурная... 1985; В. Д. Баран и др. 1990].

пина Пия, т. е. к середине II в., что, по его мнению, свидетельствует о ее ранней дате [КСИА, Вып. 112, 1967, с. 57]. Таким образом, для сторонников широкой даты ЧК эти монеты фиксировали начало и конец культуры.

Подход сторонников узкой даты отличается большей строгостью. Во-первых, ими используются монеты, найденные лишь в достоверных комплексах, а не в слое поселений. Во-вторых, так как большинство монет в комплексах ЧК либо являются подвесками, либо стерлись от длительного обращения [М. А. Тиханова 1979, с. 40—41], то дата комплекса, определенная по монете — это всегда *terminus post quem* с некоторым несовпадением времени чеканки монеты и сложения комплекса. Мы не знаем, насколько можно поднять дату комплекса от времени чеканки монеты. Выяснить это можно лишь при условии, что определения монет производятся с учетом истории денежного обращения в Восточной Европе. В частности, обилие серебряных монет времени Марка Аврелия — Антонина Пия объясняется требованиями варваров выплат в полновесном серебре. Императоры III—IV вв. были вынуждены делать их из запасов в казне монет, уже вышедших из употребления [В. В. Крopotкин 1970а, с. 52—53; М. А. Тиханова 1979, с. 38—39]. Окончательная дата устанавливается на основе встречаемости в комплексе хорошо датированных типов вещей.

Возможность «запаздывания» монет учитывали, казалось бы, и некоторые сторонники «широкой датировки». Так, Э. А. Симонович на основании даты бронзовой монеты-подвески Констанция II (337—361 гг. н. э.) отнес одно из погребений могильника у с. Данилова Балка к V—VI вв. н. э. [Э. А. Симонович 1952, с. 66], т. е. использовал абсолютную дату монеты как *terminus post quem*, произвольно завысив ее на 50—100 лет.

Таким образом, получалось, что даже если сторонники первого направления работали с закрытыми комплексами, их методика коренным образом отличалась от методики работы сторонников второго направления. По-видимому, во многом эти различия являются отголоском или возрождением дискуссий по поводу «короткой» и «длинной» хронологии в европейской археологии 30—50-х годов [U. Lund-Hansen 1987, S. 31—32].

Расхождения сторонников «широкой» и «узкой» датировки ЧК имели и концептуальную подоплеку. Первые включали ЧК в стройную концепцию происхождения славян, согласно которой черняховская культура во II в. н. э. сменяла зарубинецкую (также славянскую, по их мнению), а в V—VI или VII—VIII вв. плавно переходила в горизонт славянских древностей (историографию см. [М. В. Šćukin 1975; В. Д. Баран и др. 1990, с. 33—37]). При этом если ЧК и рассматривалась в системе европейских связей, то главным образом для доказательства их отсутствия, например со Скандинавией, Западным Поморьем [Э. А. Симонович 1970, с. 125—142; 1973, с. 24—32], или для утверждения о ее само-

бытных местных корнях, уходящих вглубь веков [Б. А. Рыбаков 1948, с. 3—45; 1987, с. 13—25].

Сторонники другого направления исходили из точки зрения на ЧК как германскую в своей основе, но с допущением различных субстратов [М. И. Артамонов 1956, с. 51; Ю. В. Кусяренко 1963, с. 45—47; 1970, с. 57—58; М. А. Тиханова 1970, с. 89—94; М. Б. Шукин 1977; М. В. Szczukin 1981, s. 135—161; М. Б. Шукин 1979, с. 66—89]. Это мнение основывалось как на определенном единстве целого ряда элементов культур Центральной и Северной Европы с черняховскими, так и на соответствии данных письменных источников о переселении готов, готских походах, державе Германариха в III—IV вв. н. э. данным археологии [М. Б. Шукин 1977, с. 86—88; 1979, с. 83]. Во многом это было возрождением (с некоторыми вариациями) концепции происхождения и истории готов Л. Шмидта [L. Schmidt 1900, S. 83—130; 1904, S. 49—102], широко распространенной в археологических трудах европейских ученых довоенного периода (см. историографию [В. Д. Баран и др. 1990, с. 33—35]).

Но как раз в разгар дискуссий о хронологии и этническом определении ЧК вышел ряд работ, где было продемонстрировано, что самые поздние памятники классической зарубинецкой культуры относятся к периоду не позже 40-70-х гг. I в. н. э. [T. Dąbrowska 1970, s. 148; М. Б. Шукин 1972; К. В. Каспарова 1976, с. 128—140]. Таким образом, произошел крах старой концепции славянской непрерывности: обе временные границы были четко определены, и между зарубинецкой культурой и ЧК образовалась лакуна в 150-200 лет. Мнение П. Рейнеке о хронологическом разрыве между этими культурами, высказанное 70 лет назад, оказалось верным [М. Б. Шукин 1979, с. 68].

С выявлением зарубинецко-черняховской лакуны во многом, по нашему мнению, изменились пути развития отечественного черняховедения — от «славянофильского», которое превалировало в науке до этого времени, оно вернулось к «европейскому», отстаивавшемуся сторонниками второго направления. Сегодня это представляется закономерным, т. к. целый ряд фибул, пряжек, гребней и керамики ЧК является общим с культурами Северной и Центральной Европы, и поэтому необходимо рассматривать ЧК как составную часть культуры *Germania Libera*.

Включение ЧК в обширный мир германских древностей неизбежно повлекло за собой и обращение к европейской хронологической шкале с ее более строгой методикой, где уже были преодолены противоречия между «длинной» и «короткой» хронологией в пользу последней [H. J. Eggers 1951; 1955].

Спор между сторонниками узкой и широкой датировки ЧК дал импульс к более детальной разработке ее хронологии. Стало все более очевидным, что проблема происхождения и этнической принадлежности ЧК — проблема хронологическая, и ее можно решить, лишь вычленив ранний горизонт памятников.

Первую попытку в этом направлении предпринял М. Б. Шукин выделением раннего горизонта Ружичанка-Раковец-Привольное, соответствующем по шкале европейской хронологии периодам $C_{1b}-C_2$ [М. Б. Шукин 1979, с. 80—83; М. В. Szczukin 1981, S. 135, 156].

Затем появился целый ряд статей, авторы которых разделяли культуру на хронологические этапы [V. Bierbrauer 1980; Е. Л. Гороховский 1985; 1987; 1988; М. Kazanski, R. Legoux 1988; J. Teirál 1986; 1987; I. Ionița 1986], что свидетельствует на наш взгляд, об усилении позиций сторонников второго направления.

Впрочем, до сих пор достаточно широко распространены и имеют немало приверженцев и методы датировки черняховских материалов, применявшиеся приверженцами широких датировок. Их критика выходит за рамки нашего исследования: ей вполне может быть посвящена отдельная специальная статья. Вместе с тем необходимо более подробно охарактеризовать разновидности методов хронологических исследований, применяемых сторонниками узких датировок, поскольку именно им, в несколько измененном виде, будем следовать и мы.

2. Методы хронологических исследований

Метод горизонтов. Существует две разновидности применения этого метода. В рамках первой разновидности исследователи выделяют хронологические горизонты сходных комплексов по материалам всей ЧК. Считается достаточным определить дату хотя бы одной из вещей комплекса подбором ей аналогий в инокультурной среде [J. Teirál 1986, Abb. 1,2—8,17, 2,1—5,7,11—13, 3,5,8,11,12,14,16,17,20,21; Е. Л. Гороховский 1988, с. 36: 3,7,10,22, 26; с. 37: 4,14,15,28; с. 38: 40,48; с. 39: 36,37,50 и др.], даже если даты аналогий основаны на различных хронологических системах [Е. Л. Гороховский 1988, с. 43—45].

По нашему мнению, эта разновидность метода не совсем продуктивна в силу того, что при подборе хронологических реперов учитывается время бытования типа в целом и в иной культурной среде, а не время его попадания в конкретный комплекс ЧК. Но ведь нас интересует прежде всего, когда тот или иной тип, например, арбалетные подвязные фибулы I варианта по А. К. Амброзу [1966, с. 62], появляются в ЧК, а не как они датируются в Прибалтике и Венгрии. Иначе, на наш взгляд, вновь повторяются ошибки сторонников широких датировок, о которых речь шла выше. В ряде случаев, например, выбираются ранние вещи из всей ЧК, без учета того, что в каждый конкретный комплекс ЧК они могли попасть несколько позже или раньше, чем определяется время их основного бытования по европейской или античной хронологической шкале, либо просто могут оказаться пережитком

более ранней эпохи [М. Б. Шукин, Т. А. Щербакова 1986, с. 187—188].

В рамках второй разновидности метода горизонтов авторы оперируют закрытыми комплексами находок [М. Б. Шукин 1967, с. 13; 1968, с. 49—51; 1970, с. 104; 1978, с. 30; М. В. Szczukin 1981, s. 153—156; О. А. Гей 1986, с. 77—85; Б. В. Магомедов 1987, с. 87—88 и др.], принимая за время сложения комплекса тот промежуток времени, когда все типы вещей могли попасть в землю одновременно. Даты комплексов, а соответственно и горизонтов сонаходок, в этом случае, очевидно, более надежны. В некоторых случаях и сторонники этого направления привлекают комплексы с одной датирующей вещью либо отдельные типы вещей, но тогда все эти вещи рассматриваются вместе как единый комплекс ЧК и устанавливается ее внутренняя или узкая дата по сочетанию самых ранних и самых поздних типов вещей [М. Б. Шукин 1967, с. 13; 1978, с. 30].

При обоих подходах существует однако еще один общий недостаток этого метода — в горизонтах оказываются синхронными типы вещей из различных памятников, на которых могли быть разными темпы развития в силу разного соотношения этнических компонентов, различий в близости к торговым центрам, погребальном обряде и т. п.

Метод планиграфии или горизонтальной стратиграфии. Этот метод достаточно хорошо зарекомендовал себя при определении эволюции того или иного могильника, но перенос выводов, сделанных по одному-двум памятникам, на всю культуру, чреват опасностью. Так, В. Бирбрауер выделил самый поздний горизонт ЧК путем вычленения трупоположений с ориентацией З-В и безинвентарных захоронений. Он заметил на материалах могильников Косаново и Тыргшор, что ранний пласт погребений находится в центре, а наиболее поздние располагаются по краям могильника [V. Bierbrauer 1980, S. 132]. К сожалению, такие признаки, как ориентация погребенных и наличие инвентаря, далеко не всегда являются датирующими. Например, п. 67 могильника Данчены, ориентированное З—В, отнесено М. Б. Шукиным и Т. А. Щербаковой к фазе II-В, а п. 166 того же могильника, ориентированное также З-В, перекрыто погребением 169, ориентированным С-Ю, которое можно отнести по стеклянному кубку с напаянными нитями к раннему периоду I-А. В Данчанах метод горизонтальной стратиграфии вообще оказался неработающим [М. Б. Шукин, Т. А. Щербакова 1986, рис. 6].

И. Ионица предложил систему хронологии культуры Синтана-де-Муреш/Черняхов, основанную на исследовании выделенных В. Бирбрауером признаков. Была проведена тщательная классификация погребального инвентаря могильника Тыргшор, сделана его планиграфия, и, с учетом этого, составлены корреляционные таблицы [I. Ionița 1986, Taf. I]. Но исследование собственно корреляции типов в комплексах не было проведено, и в итоге

автор получил в большей степени территориальное распределение комплексов на могильнике, а не хронологическое членение ЧК.

Корреляционный метод (метод хроноиндикаторов). В 1986 году вышла в свет монография И. А. Рафаловича «Данчены. Могильник черняховской культуры III—IV вв. н. э.», где в «Приложении» М. Б. Шукиным и Т. А. Щербаковой была проведена корреляция по этому методу. Это был первый случай применения корреляционного метода в отечественном черняховедении, впервые описывалась процедура его использования, была сделана попытка совмещения корреляционного метода с методом узких датировок [М. Б. Шукин, Т. А. Щербакова 1986].

Не вдаваясь сейчас в критику корреляционных таблиц М. Б. Шукина и Т. А. Щербаковой, не лишенных некоторых ошибок (новый вариант корреляции материалов могильника Данчены будет дан ниже), попробуем еще раз изложить основные принципы процедуры построения корреляционных таблиц, обобщив тот опыт, который был приобретен за несколько лет участия в работе семинара «Хронограф».

Исследование проводится в несколько этапов. I этап — выбор хроноиндикаторов (ХИ). Различаются хроноиндикаторы двух уровней. ХИ первого уровня — типы вещей, существующие относительно короткий промежуток времени и имеющие выход на достаточно твердо фиксированные даты. Хроноиндикаторы II уровня не имеют выхода на такие даты, но могут получить его в процессе корреляции и становятся в других корреляциях уже хроноиндикаторами I уровня (например, типы керамики).

На этом этапе очень важно провести детальную классификацию типов вещей, которые включены в таблицу корреляции, или воспользоваться существующими. Неправильная, неточная или недостаточно дробная классификация может привести к серьезным ошибкам, которые, однако, можно выявить на втором этапе работы.

При корреляционном методе фактически не используются комплексы с одной датирующей вещью, т. к. их можно с равной вероятностью отнести к нескольким фазам.

На втором этапе строится таблица совстречаемости типов вещей (ХИ с ХИ). Слишком большой «разброс» ХИ, их выбивание из кластеров, или непрерывное существование во всех выделяющихся фазах свидетельствует о недостатках классификации или о хронологической инертности данного типа. В последнем случае его следует исключить из корреляции. В итоге мы получим последовательность типов, которая отражает в большинстве случаев хронологическое развитие, хотя иногда может означать социальные или другие различия [I. Ioniță 1986, Abb. 27].

На третьем этапе строится корреляционная таблица совстречаемости типов в погребениях, на которой уже можно выделить фазы или периоды по появлению или исчезновению типов вещей.

Полученная в результате система относительной хронологии привязывается к абсолютному счету времени с помощью находок монет и других типов вещей, имеющих надежные датировки, а также проверяется методом горизонтальной стратиграфии. В итоге появляется возможность датировать типы вещей, не имевшие до этого точных дат (ХИ II уровня) — например, разнообразные керамические формы.

Введение в корреляцию керамики делает систему более надежной: во-первых, включается значительное количество комплексов с одной датирующей вещью (ХИ I уровня), в которых представлена керамика (ХИ II уровня); во-вторых, введение керамики в таблицу совстречаемости существенно меняет ее, и типы, относимые ранее к определенному периоду, в силу объективных причин перемещаются на другие позиции.

Но в ряде случаев включение в корреляцию ХИ II уровня (керамика) определяют положение ХИ I уровня. Например ХИ 1,7,14 в работе М. Казанского и Р. Легу дали связи, из-за которых вещи второй половины IV в. н. э. попали в раннюю группу I/II (ХИ — 21,31,40) [М. Kazanski, R. Legoux 1988, p. 48], и в результате эта группа датируется ступенями C_2 — D_{1A} , т. е. от 60-х гг. III в до 60-х гг. IV в. н. э., что является для сторонников узкой датировки практически почти всем временем существования культуры. Следовательно, в корреляционных исследованиях не должны использоваться типы вещей, существующие на всем протяжении культуры, и наиболее точные результаты могут быть получены при учете типов, существующих на протяжении не более чем двух (в крайнем случае трех) фаз относительной хронологии. Те типы керамики, которые удовлетворяют этому условию, могут использоваться наравне с типами фибул и пряжек как четкий хронологический репер.

По сути дела, описываемый метод является одной из разновидностей метода П. Рейнеке — Р. Хахмана, несколько модифицированной в применении к конкретному черняховскому материалу и соединенной с методом узких датировок (см. [М. Б. Щукин 1978; И. А. Бажан, В. Е. Еременко, статья в настоящем сборнике]).

Совершенно ясно, что чем более детальная и точная классификация ХИ обоих уровней применяется при корреляционных исследованиях, тем более точным и адекватным исследуемому материалу будет конечный результат. На сегодняшний день существует целый ряд работ, где дается детальная классификация различных типов вещей, используемая и нами [G. Rau 1972; М. Schulze 1977; Е. Straume 1987; Е. Л. Гороховский 1988]. Но для введения в корреляцию могильников, исследуемых в данной статье, типов керамики (ХИ II уровня), необходимо рассмотреть эту категорию находок и методы, применяемые при ее обработке, более подробно.

3. Классификация керамики из могильников Ружичанка, Косаново и Данчены

Можно выделить три основных подхода к определению хронологии типов керамики ЧК.

Первый — наложение типов керамики на уже имеющуюся хронологическую схему, построенную для всей ЧК, без применения корреляции [J. Teigal 1986, S. 184; M. Schulze 1977, Taf. 26, 27].

Второй — выборочная корреляция комплексов из разных памятников, в которую введены отдельные типы керамики [M. Kazanski, R. Legoux 1988, p. 48—53; И. А. Бажан, О. А. Гей, статья в настоящем сборнике].

Третий — корреляция комплексов одного памятника, где керамика является равноправным элементом системы. Здесь можно назвать работу М. Б. Шукина и Т. А. Щербаковой [1986], которые ввели две группы лепной посуды в корреляцию могильника Данчены, и И. Ионицы [I. Ionița 1986] по материалам могильника Тыргшор. Мы также пошли по этому пути, проводя раздельную корреляцию типов вещей таких репрезентативных могильников ЧК, как Ружичанка, Данчены и Косаново, в которую были включены типы керамики [И. С. Винокур 1977; И. А. Рафалович 1986; Н. М. Кравченко 1967].

Примеры целого ряда сосудов могильника Данчены показали, что рисунки в монографии И. А. Рафаловича далеко не всегда соответствуют оригиналам и многие основные параметры (высота, диаметры дна и венчика сосудов) неточны, хотя, тем не менее, пропорции близки к реальным. Необходима работа с самим материалом, что мы пока не могли сделать, т. к. не весь он оказался доступен.

В принципе в данном случае для классификации керамики желательно было бы применить тот метод кластерного анализа, который был использован В. Е. Еременко и его соавторами в статьях данного сборника. Но этот метод требует компьютерной обработки, оказавшейся в настоящий момент нам так же недоступной. Поэтому мы пошли более простым и традиционным путем, понимая, что предлагаемая ниже схема также лишь относительно близка к реальной.

Для каждой ступени классификации керамики отбирались лишь самые простые параметры, которые дают абрис, модель формы сосуда, построенный в большей степени на визуальном восприятии. По своей сути это скорее качественные признаки, хотя и выраженные в соотношениях. На наш взгляд, эта достаточно простая схема измерений все же позволяет получить основные типы разных видов посуды.

При классификации керамики исследуемых могильников выделены четыре основных категории посуды: горшки, кубки, миски, высокие миски (табл. I). В европейской литературе для послед-

них употребляется термин «Schaleurnen» [Н. Schach-Döggel 1970, S. 104].

Границы между мисками (М) и Schaleurnen определяются по соотношению высоты (Н) к диаметру в линии перегиба тулова (D_2). H/D_2 у мисок меньше 0,5, у Schaleurnen больше 0,5. Поскольку в эту категорию попали сосуды, по отношению к которым этот термин не употребляется, мы будем называть их высокими мисками (В).

Кубки выделены по миниатюрным размерам: $H/D_2=1$. Граница между самыми большими кубками и самыми маленькими горшками проходит в пределах от 8 до 10 см. Для горшков отношения $H/D_2>1$.

Для следующей ступени классификации мы используем критерий открытости/закрытости сосуда (D_1/D_2), где D_1 — диаметр устья.

Далее происходит дробление по родам, для выделения которых мы используем качественные признаки: 1 — сосуды без валиков и других видов пластической орнаментации; 2 — трехчастные сосуды (отчетливое выделение горла от тулова и венчика сосуда); 3 — наличие одного или нескольких валиков.

Наконец, в отдельных случаях, где это необходимо, мы выделяем виды. Здесь используются пять параметров, сочетания которых будут определять тот или иной вид керамики (табл. I): 1. Положение ребра на тулове сосуда (H_1/H_2); 2. Отсутствие ($D_2=0$) или наличие (D_2) четко выраженного ребра (округлобокий — биконический); 3. Степень открытости (α) — закрытости (β) сосуда; 4. Положение валика или линии перехода горла и тулова у трехчастных сосудов (H_3) — H_3/H_1 ; 5. Форма венчика: 1 — венчик слабо выражен; 2 — наличие четко выраженного венчика: а — заостренный, б — эсвидный, в — Г-образный профиль.

Полученные единицы классификации мы будем именовать типами, и они обозначаются набором признаков всех уровней классификации: например, МО1-2 — миска открытая 1 рода, тип 2.

Наиболее существенным у открытых мисок без валиков (1 род) является наличие (D_2) или отсутствие ребра ($D_2=0$) и величина угла α , образованного линией венчика и верхней частью тулова (ХИ — 86,89,16).

Для открытых мисок также существенна форма венчика резко отогнутой и заостренной (ХИ-16а) или обычной округлой (ХИ-16б).

Для закрытых мисок 1 рода основным является отношение H_1/H_2 и величина угла β , образованного линией перегиба тулова. Миски, у которых H_1/H_2 меньше 1, угол β меньше 90° , выделены нами в ХИ-8; миски с параметрами $H_1/H_2 \approx 1$, угол $\beta \approx 90^\circ$ — в ХИ-19; а миски с отношениями $H_1/H_2=1$, угол β больше 90° — в ХИ-25. Практически украшение валиками или четкое

Камеропус	М у с к у (М) H/D ₂ ≤ 0,5						В ы с о к о е м у с к у (В) H/D ₂ > 0,5						Г о р ш к у (Г) H/D ₂ ≥ 1						К у б к у (К) H/D ₂ ≈ 1											
Класс	Омкримбие D ₁ /D ₂ > 1			Закримбие D ₁ /D ₂ < 1			Омкримбие			Закримбие			Омкримбие			Закримбие			Омкримбие			Закримбие								
	I	II	III	I	II	III	I	II	III	I	II	III	I	II	III	I	II	III	I	II	III	I	II	III						
Р о д																														
	А						Б						В						Г						Д					
В у д	А						Б						В						Г						Д					
	А						Б						В						Г						Д					

них употребляется термин «Schaleurnen» [H. Schach-Dörmann 1970, S. 104].

Границы между мисками (М) и Schaleurnen определяются по соотношению высоты (Н) к диаметру в линии перегиба тулова (D_2). H/D_2 у мисок меньше 0,5, у Schaleurnen больше 0,5. Поскольку в эту категорию попали сосуды, по отношению к которым этот термин не употребляется, мы будем называть их высокими мисками (В).

Кубки выделены по миниатюрным размерам: $H/D_2=1$. Граница между самыми большими кубками и самыми маленькими горшками проходит в пределах от 8 до 10 см. Для горшков отношения $H/D_2>1$.

Для следующей ступени классификации мы используем критерий открытости/закрытости сосуда (D_1/D_2), где D_1 — диаметр устья.

Далее происходит дробление по родам, для выделения которых мы используем качественные признаки: 1 — сосуды без валиков и других видов пластической орнаментации; 2 — трехчастные сосуды (отчетливое выделение горла от тулова и венчика сосуда); 3 — наличие одного или нескольких валиков.

Наконец, в отдельных случаях, где это необходимо, мы выделяем виды. Здесь используются пять параметров, сочетания которых будут определять тот или иной вид керамики (табл. 1): 1. Положение ребра на тулове сосуда (H_1/H_2); 2. Отсутствие ($D_2=0$) или наличие (D_2) четко выраженного ребра (округлобокий — биконический); 3. Степень открытости (α) — закрытости (β) сосуда; 4. Положение валика или линии перехода горла в тулово у трехчастных сосудов (H_3) — H_3/H_1 ; 5. Форма венчика: 1 — венчик слабо выражен; 2 — наличие четко выраженного венчика: а — заостренный, б — эсвидный, в — Г-образный профиль.

Полученные единицы классификации мы будем именовать типами, и они обозначаются набором признаков всех уровней классификации: например, МО1-2 — миска открытая 1 рода, тип 2.

Наиболее существенным у открытых мисок без валиков (1 род) является наличие (D_2) или отсутствие ребра ($D_2=0$) и величина угла α , образованного линией венчика и верхней частью тулова (ХИ — 86,89,16).

Для открытых мисок также существенна форма венчика — резко отогнутый и заостренный (ХИ-16а) или обычный округлый (ХИ-16б).

Для закрытых мисок 1 рода основным является отношение H_1/H_2 и величина угла β , образованного линией перегиба тулова. Миски, у которых H_1/H_2 меньше 1, угол β меньше 90° , выделены нами в ХИ-8; миски с параметрами $H_1/H_2 \approx 1$, угол $\beta \approx 90^\circ$ — в ХИ-19; а миски с отношениями $H_1/H_2=1$, угол β больше 90° — в ХИ-25. Практически украшение валиками или четкое

Категория	М и с к и (М) $H/D_2 \leq 0,5$			В ы с о к и е м и с к и (В) $H/D_2 > 0,5$			Г о р ш к и (Г) $H/D_2 \geq 1$			К у б к и (К) $H/D_2 \approx 1$		
Класс	О м к р ы т ы е $D_1/D_2 > 1$			З а к р ы т ы е $D_1/D_2 < 1$			О м к р ы т ы е			З а к р ы т ы е		
Р о д	I	II	III	I	II	III	I	II	III	I	II	III
	$D_2=0$ $\angle \alpha < 90^\circ$ 1			$D_2 < 1$ $H_2 < 1$ $\angle \beta \leq 90^\circ$ 2						$D_2=0$ $H_2 < 1$ $H_3 < 0,5$ $H_1 < 0,5$ 2		
В и д	$D_2=0$ $\angle \alpha < 90^\circ$ 2			D_2 $H_2=1$ $\angle \beta = 90^\circ$ 2						D_2 $H_2=1$ $H_3 > 0,5$ $H_1 > 0,5$ 2		
	D_2 $\angle \alpha < 90^\circ$ 2			D_2 $H_2 > 1$ $\angle \beta \geq 90^\circ$ 2						D_2 $H_2=1$ $H_3 > 0,5$ $H_1 > 0,5$ 2		
Г	D_2 $\angle \alpha = 90^\circ$ 2											
Д	D_2 $\angle \alpha = 90^\circ$ 2А											

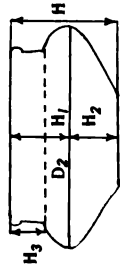

Табл. 1. Классификация керамики могильников Данчены, Ружичанка, Косаново

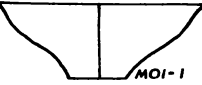

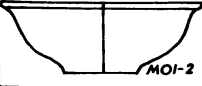
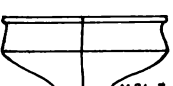
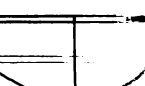
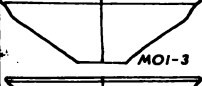
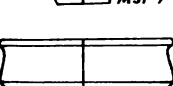
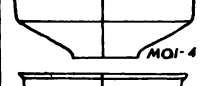
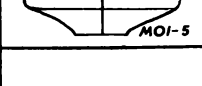
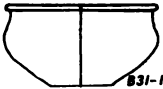
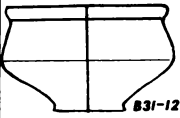
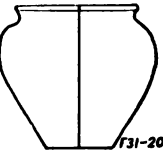
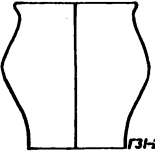
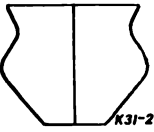
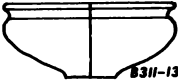
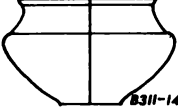
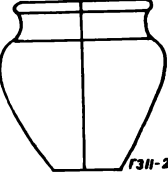
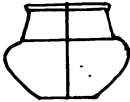
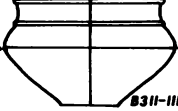
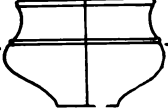
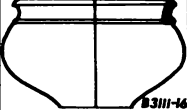
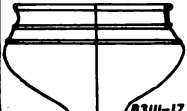
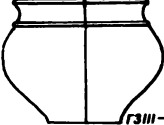
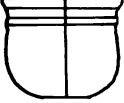

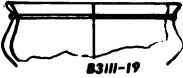
Класс Род	М и с к и		В ы с о к и е
	Открытые	Закрытые	Открытые
I Без валиков	MOI-1	M3I-6	BOI 9
	MOI-2	M3I-7	BOI 10
	MOI-3	M3I-8	
	MOI-4		
	MOI-5		
II Трехчастные сосуды			
III С валиками			

Табл. 1.

миски	Горшки	К у б к и	
Закръбимбе	Закръбимбе	Откръбимбе	Закръбимбе

Продолжение

выделение шейки для категории мисок не характерно, хотя отдельные типы иногда и встречаются с такой орнаментацией [И. А. Рифалович 1986, табл. XXX,3].

В классификации представлены достаточно редкие открытые высокие миски. В Ружичанке в погребениях 15 и 8 встречаются высокие цилиндроконические миски с ребром в верхней части (H_1/H_2 меньше 1) и почти перпендикулярно отогнутым венчиком: $\alpha=90^\circ$ (ХИ-76) и цилиндрические миски с ребром в средней и нижней части ($H_1/H_2=1$) и $\alpha=90^\circ$ (ХИ-88). Для высоких закрытых мисок первого рода очень существенно наличие (D_2) или отсутствие ($D_2=0$) четкого ребра на тулове (ХИ-49 Schaleurnen). Для высоких мисок второго рода важно отношение H_3/H_1 , где H_3 — высота горла для сосудов второго рода и высоты положения валика для сосудов третьего рода. H — высота сосуда. Выделяются миски, у которых H_3/H_1 меньше 1 (ХИ-6) и миски с $H_3/H_1 \approx 1$ (ХИ-40). Для высоких закрытых мисок третьего рода имеет значение расположение валика и тип венчика. Различаются по положению валика в верхней части тулова сосуды с резко отогнутым венчиком и плавным эсовидным профилем (2б) без четкого ребра: $D_2=0$ (ХИ-33 — Schaleurnen) и сосуды с резким Г-образным профилем венчика (2в), большей частью с четким ребром (ХИ-27).

Также необходимо различать сосуды с валиком под венчиком (ХИ-64) и с валиком в месте перегиба тулова (ХИ-79). Необходимо выделить и переходный тип между вторым и третьим родом высоких закрытых мисок, когда валик выделяет шейку сосуда (ХИ-61).

Для кубков первого рода существенно наличие или отсутствие четкого ребра (ХИ-34), третьего рода — положение валика на тулове (ХИ-24). Также выделяется кубок переходного типа от второго к третьему роду (ХИ-31).

Горшки первого рода участвуют в корреляции лишь в могильнике Косаново, т. к. в Ружичанке посуда представлена главным образом мисками, высокими мисками и кубками. Насколько можно судить по рисункам, в Данчанах горшки есть и в ранних, и в поздних погребениях, поэтому они в корреляции не учитывались. Все гончарные горшки из могильника Косаново имеют перегиб в верхней части тулова: H_1/H_2 меньше 1 (ХИ-73). В этом же могильнике представлены горшки второго рода — с выделенной шейкой (ХИ-95). В могильнике Данчаны мы выделили лишь лепные горшки с перегибом в средней части тулова ($H_1/H_2=1$) (ХИ-11) и горшки с валиком в верхней части (ХИ-26). Последние есть в Косаново лишь в одном случае, поэтому этот тип не внесен в таблицу ХИ этого могильника [Н. М. Кравченко 1967, табл. XV,13].

Керамика, включенная в классификацию, представлена как лепными, так и гончарными сосудами. Отдельной классификации лепной керамики не было произведено ввиду значительного

процента совпадения лепных форм с гончарными (могильник Данчены, п. 122: ХИ-40; п. 58: ХИ-34; п. 153: ХИ-49; могильник Косаново, пп. 3, 21: ХИ-8). В других случаях формы лепных сосудов не являлись прототипами для каких-либо моделей гончарной посуды и служат лишь показателем раннего горизонта (ХИ-101), или новой волны миграции (Данчены, ХИ-3; Косаново, п. 1 [Н. М. Кравченко 1967, табл. 1, 4,8]).

Нами частично учтены и две группы лепной посуды, выделенные И. А. Рафаловичем для Данчен [1986, с. 16—17]. Типы были включены в таблицу корреляции при условии их встречаемости не менее двух раз на одном памятнике. В отдельных случаях их хронологическое положение определено по наличию таких же типов керамики на других могильниках. Учтены также отдельные типы посуды, которые характеризуют самый ранний горизонт ЧК (ХИ-90, 88).

Трехручные вазы делятся нами на высокие миски с Г-образным (ХИ-98) и Т-образным венчиками (ХИ-15) — тип 2Б по И. Ионице [I. Ionița 1986, S. 299]. Из п. 169 могильника Данчены происходит трехручный сосуд, который по пропорциям можно отнести к категории горшков (ХИ-43).

Классификация кувшинов не была проведена ввиду их малочисленности. Биконические кружки-кувшины с ребром в нижней части и без выделенного горла (ХИ-5) представлены в могильнике Данчены — тип 3 по И. Ионице [I. Ionița 1986, S. 300, Abb. 21,2]. Кувшин с высоким расширяющимся горлом и четким биконическим туловом выделен нами в ХИ-58, а кувшин с округлым туловом, плавно переходящим в горло, выделен в ХИ-100.

Полученные в результате корреляции таблицы (табл. III, V, VII) вряд ли нуждаются в специальном комментарии, и мы обратимся к ним позже, при сравнении выделяемых фаз рассматриваемых могильников. А пока в соответствии с процедурой рассмотрим те ХИ первого уровня, в отношении которых появились за последнее время уточняющие их абсолютную датировку данные.

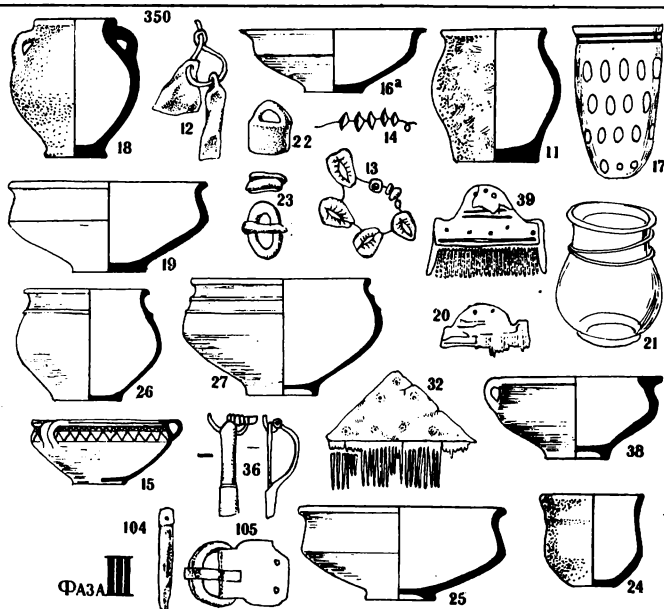
4. Абсолютная датировка некоторых хроноиндикаторов

Мы не будем останавливаться на детальном описании всех ХИ I уровня, приведенных в таблицах II, IV, VI, т. к. они большей частью разобраны в литературе [М. Б. Шукин, Т. А. Щербакова 1986, с. 177, 213; Е. Л. Гороховский 1988, с. 34—46; М. Kazanski, R. Legoux 1988, p. 7—53; J. Teirál 1986, S. 175—239; 1987, S. 11—45]. Уточним лишь некоторые спорные моменты.

Фибулы типа Альмгрен-211 и Альмгрен-217. Мы считаем, что нуждаются в пересмотре датировка фибулы Альмгрен-217 из п. 371 могильника Данчены (ХИ—48, табл. II) и фибулы Альмгрен-211 из п. 24 Ружичанского могильника (ХИ—80,

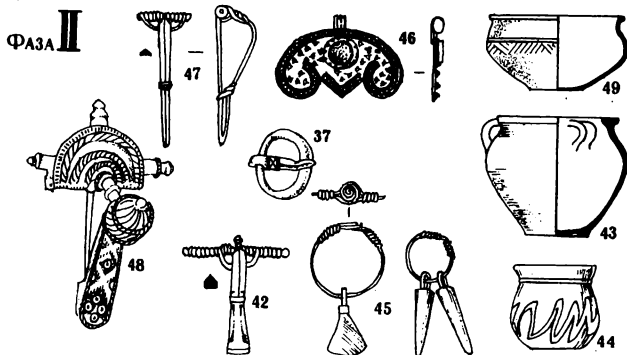

ΦΑ3Α IV

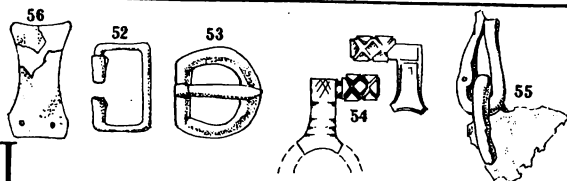
ΦΑ3Α III

310/320

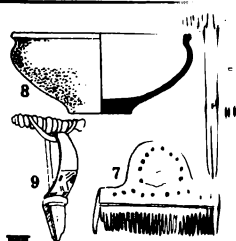

ΦΑ3Α II

280

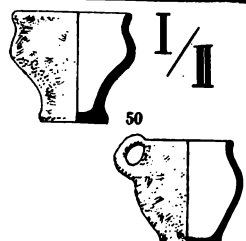
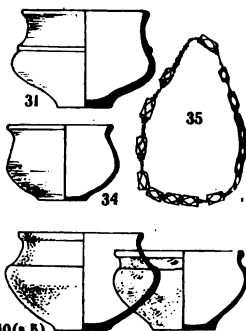
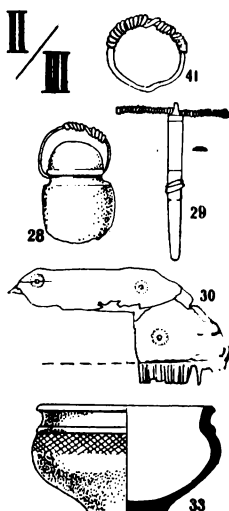

ΦΑ3Α I

II / IV

II / II

I / II

табл. VI). А. Генрих датирует фибулы-монстры (Альмгрен-217) в Шлезвиг-Гольштейне 270-ми гг. н. э. [A. Genrich 1954, S. 9], а на территории Мекленбурга они относятся ко времени не ранее рубежа C_1 и C_2 [H. Schach-Döriges 1970, S. 67]. И. Вернер, разбирая данченский экземпляр, отметил комплекс из Шлюс-сгарда на о. Борнхольм, где вместе встречены «монструозо» и фибула, украшенная в закшувском стиле, аналогичная находкам из Лёйны и Хаслебена. Он датирует борнхольмский экземпляр ступенью C_2 [J. Werner 1988]. Эту дату мы и принимаем, как более реальную.

Стеклянные кубки «Ковалк» (ХИ—99,17; табл. II, IV) обычно относят к ступени C_3 европейской хронологической шкалы, но существуют работы, согласно которым наиболее ранние кубки этого типа появляются в периоде C_2 [E. Straume 1987, Тип I—A]. У. Лунд-Хансен, разбирая стеклянные кубки Эггерс-230 [H. J. Eggers 1951, Taf. 16], привела находку из Химлингсе 1948 года, которую отнесла к фазе C_1 — C_2 [U. Lund-Hansen 1987, S. 88], правда, упомянув при этом, что кубок изготовлен технологически иначе.

Более точную дату может дать погребение в кургане 19 в Вальстенадуме, в котором также встречен стеклянный кубок Эггерс-230 вместе с деревянным ведром с бронзовыми оковками, серебряной арбалетной фибулой с острой ножкой, маленькой

Табл. II. Хроноиндикаторы могильника Данчены:

1 — Bugelknopfbibel, 2 — Калачиковидная пряжка, 3 — Лепная коническая миска или нижняя часть гончарного горшка, 4 — Железная пряжка без обоймы, 5. Кувшин тип 3 по И. Ионице, 6. Трехчастная керамика с узкой шейкой, 7. Гребень с уступом на спинке, 8. Закрытая миска с ребром в верхней части, 9. Фибула III типа, 9a, Фибула 5 типа, 10. Миска с плавным эсвидным профилем, 11. Биконические лепные сосуды I группы И. А. Рафаловича, 12. Трапезиевидная подвеска, 13. Раковина каури, 14. Пронизи и бисер, 15. Трехручные вазы, 16a. Цилиндроконическая миска с острым венчиком, 16b. Цилиндроконическая миска с утолщенным венчиком, 17. Стеклянный сосуд «Ковалк», 18. Двухручный кувшин, 19. Высокая биконическая миска с ребром в средней части, 20. Гребень дунайского типа, 21. Стеклянный сосуд, 22. Подвески—ведерки, 23. Удлиненно-овальная пряжка с уступом на язычке, 24. Гончарный кубок с валиком — имитация стекла, 25. Высокая биконическая миска с ребром в нижней части, 26. Горшок с валиком, 27. Миска с валиком и слабо отогнутым венчиком, 28. Янтарные грибовидные подвески, 29. Фибулы II типа, 30. Трапезиевидный гребень, 31. Кубок с валиком и выделенной шейкой, 32. Треугольный гребень, 33. Высокие миски с валиком и резко отогнутым венчиком, 34. Биконические кубки, 35. Ожерелье из пастовых и стеклянных бус, 36. Военская фибула (погр. 366), 37. Овальная бронзовая пряжка типа А по Е. Л. Гороховскому, 38. Трехручные вазы с Г-образным венчиком без декора, 39. Гребень переходного типа (погр. 187), 40. Трехчастная керамика, 41. Кольцо с закрученными концами, 42. Bugelknopfbibel (погр. 154), 43. Трехручная высокая ваза (погр. 169), 44. Стеклянный кубок с напаянными нитями, 45. Молоточки Тора, 46. Лунницы, 47. Фибула I типа, 48. Фибула типа «Монструозо», 49. Schaleugnen с эсвидным профилем, 50. Лепная керамика II группы И. А. Рафаловича, 52. Прямоугольная одночленная пряжка, 3. Пряжка типа «Д». 54. Ключ, 55. Фрагмент бронзового сосуда, 56. Наконечник пояса.

М. Шульце, приемник которой является по сути еще дериватом подвязной ножки [M. Schulze 1977, Taf. 3,23]. Такая фибула в п. Стражи-2 встречена в комплексе вместе с фибулой VII группы 2-й серии по О. Альмгрену, дата которого по М. Шульце — около 300 г. н. э. [M. Schulze 1977, S. 25]. У. Лунд-Хансен погребение из Стражи по сочетанию находок датировала периодом C₁—C₂ [U. Lund-Hansen 1987, S. 175].

В пользу того, что ранние кубки Эггерс-230 могли существовать уже в конце III в., говорят, по нашему мнению, и два фрагмента тонкостенного кубка со шлифованными овалами и линией под краем из п. 1/1926 г. могильника Лёйна, которое датируется также около 300 г. н. э. [W. Schulz 1953, Fig. 27]. Таким образом, можно говорить о появлении стеклянных кубков Эггерс-230 уже во второй половине III в., или скорее в его конце, хотя основное время их распространения падает на IV в. н. э.

Стеклянный кубок Эггерс-220 (вариант Ганцков, табл. IV) происходит из п. 9 могильника Косаново (XI-68). Х. Ю. Эггерс датировал их периодом C₂, но добавил, что они встречены и в периоде D [H. J. Eggers 1951, S. 180, Beil. 97]. Я. Тейрал, выделяя переходный период C₂/C₃, отметил, что эти кубки уже не относятся к периоду C₂ [J. Teirál 1986, S. 183]. Г. Рау относил их к первому типу фасетированных кубков (Ганцков), полукруглых по форме, с круглыми и овальными фасетками. Стеклянные кубки этого типа имеют самые близкие аналогии в п. Сигерстед на о. Зееланд в комплексе с деревянным ведерком с бронзовыми обкладками, пятью золотыми перстнями и стеклянными игральными жетонами — вещами, характерными, по его мнению, для первой половины IV в. Основное время распространения этих кубков лежит, по мнению Г. Рау, в конечной фазе позднеримского периода (325-375 гг. н. э.) [G. Rau, S. 129,170]. У. Лунд-Хансен отметила, разбирая стеклянные кубки Эггерс-221,223, что комплекс из Сигерстед датируется периодом C₁/C₂, т. е. горизонтом княжеских погребений [U. Lund-Hansen 1988, S. 101]. О ранней дате может говорить и стеклянный кубок Эггерс-222 из п. 3/1926 г. могильника Лёйна, который близок по форме и декору кубку из п. 9 могильника Косаново. Таким образом, самые ранние погребения с такими кубками есть в Дании и Тюрингии, остальные комплексы имеют более позднюю дату [G. Rau 1972, Fig. 61].

Кубок Эггерс-213, вариант Ведерфиль (XI-65А, табл. IV). Полусферическая чаша из непрозрачного стекла с отогнутым краем, вогнутым донцем, украшенная напаянной спиралью нитью, происходит из п. 15 могильника Косаново [В. В. Кропоткин 1970а, с. 103, рис. 71,7]. По типу он напоминает стеклянные кубки Эггерс-213 — вариант Ведерфиль, который суммарно датируется со всей группой Эггерс-212-226 периодом C₂ [H. J. Eggers 1951, S. 180, Beil. 97]. Почти аналогичный кубок, но из светло-зеленого стекла происходит из п. 788 Моллегардсмаркен в Дании.

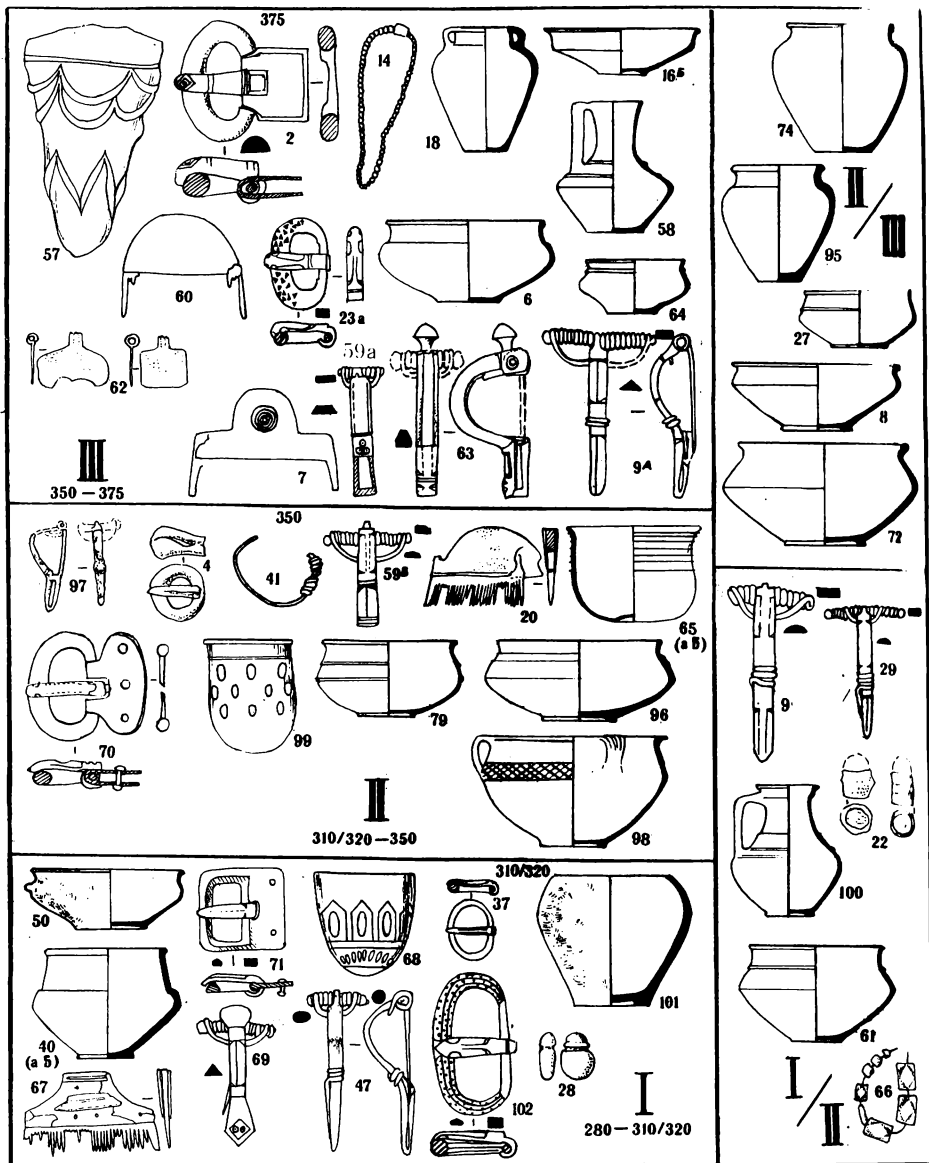

Табл. IV. Хроноиндикаторы могильника Косаново:

57. Конический стеклянный кубок с напаянными нитями, 58. Гончарный кубок с выделенным горлом, 59А. Воинская фибула (погр. 3), 59Б. Воинская фибула, 60. Трехслойный гребень с высокой округлой спинкой, 61. Высокая миска с валиком и выделенной шейкой, 62. Неукрашенная лунница, 63. Bugelknopfibel (погр. 21), 64. Высокая миска с валиком под венчиком, 65. Стеклянные сосуды из

По инвентарю оно датируется периодом С₃ [U. Lund-Hansen 1987, Fig. 51, S. 111].

Кубок типа Нэсби (ХИ-65Б, табл. IV). Стекланный сосуд из п. 38 представляет собой полусферическую чашу из мутного светлогозеленого стекла с горизонтальным валиком на тулове и кольцевым поддоном, край кубка отогнут наружу [В. В. Кропоткин 1970а, с. 103, рис. 39,5]. Для позднеримского времени лишь один тип стекланных кубков по Х. Ю. Эггерсу имеет поддон (Эггерс-205), но он украшен по нижней и средней части тулова напаянными нитями и не имеет валика в верхней части [Н. J. Eggers 1951, Taf. 15]. Самой близкой аналогией, по нашему мнению, является кубок светлогозеленого стекла из Нэсби на о. Зееланд. Два кубка из этого погребения украшены несколькими горизонтальными валиками в верхней части, оба на кольцевом поддоне и имеют отогнутый венчик. По инвентарю комплекс датируется С_{1Б}, но У. Лунд-Хансен добавляет, что по типу украшений они характерны для первой половины позднеримского времени [U. Lund-Hansen 1987, S. 109, S. 109, Fig. 47].

Овальные пряжки типа Варпелев (ХИ-70, табл. IV). Овальные пряжки с полукруглой или овальной обоймой, язычки которых представляют стилизованные зооморфные изображения, встречаются в ряде комплексов рассматриваемых могильников.

Е. Л. Гороховский относит такого рода пряжки к типу В_{1а} и датирует IV фазой своей хронологической схемы (330-380 гг.) [Е. Л. Гороховский 1988, с. 144]. Близкая по типу пряжка встречается в п. А могильника Варпелев на о. Зееланд, где она выступает в комплексе с деревянным ведром с бронзовыми оковками, монетой императора Проба (276—282 гг. н. э.), стекланными кубками Эггерс-226,231 [G. Rau 1972, Fig. 82]. Г. Рау пишет, что абсолютную дату дает монета-подвеска, но дату сложения комплекса он относит к первой половине IV в. [G. Rau 1972, S. 128—129]. М. Казанский и Р. Легу приводят комплексы с подобными пряжками, которые датируются даже второй половиной IV в. [M. Kazanski, R. Legoux 1988, p. 14].

Но время сложения комплекса из Варпелева пересмотрено У. Лунд-Хансен, и он датируется фазой С₂ (250/260—310/320 гг.) [U. Lund-Hansen 1987, S. 102]. По нашему мнению, это больше соответствует действительности, т. к. есть еще один комплекс,

погр. 15, 38, 66. Сердоликовые 14-гранные бусы, 67. Гребень с трапециевидной спинкой (погр. 9), 68. Стекланный кубок (погр. 9), 69. Фибула с ромбической ножкой и гребнем на дужке, 70. Пряжка с овальной обоймой, 71. Прямоугольная пряжка с обоймой, 72. Высокая биконическая миска с четким ребром, 74. Гончарный горшок, 9Б. Фибула 4 типа, 23А. Удлиненно-овальная пряжка с чеканкой на рамке (погр. 21), 79. Высокая миска с валиком на ребре тулова, 95. Горшок с выделенным горлом, 98. Трехручная ваза с Г-образным венчиком. 97. Железная подвязная фибула, 96. Высокая миска с уступами на тулове, 99. Стекланный кубок Эггерс-230, 100. Кувшин с округлым туловом, 101. Лепной сосуд-кумпф, 102. Удлиненно-овальная пряжка с чеканкой на рамке (погр. 9).

где такого рода пряжки могут датироваться достаточно ранним временем. Это парное п. 3/4 из Герласхайма, где две овальные пряжки с полукруглой обоймой и зооморфными язычками выступают вместе с Bugelknopffibel V серии I варианта по Э. Мейеру, треугольным гребнем II типа по С. Томас [S. Thomas 1960, S. 99—102], щитковой фибулой 242 группы по М. Шульце [M. Schulze 1977, S. 128], фибулами VII группы 2 серии по О. Альмгрену [E. Meyer 1960, Abb. 23—25]. Комплекс датируется как по щитковой фибуле [M. Schulze 1977, S. 128], так и по фибуле VII группы Альмгрена концом III в. н. э. [E. Meyer 1960, S. 237].

П. 13 могильника Богданешты содержит аналогичную пряжку в комплексе с трехслойным гребнем с трапецевидной спинкой. Такие гребни датируются концом III — началом IV в. [М. Б. Щукин, Т. А. Щербакова 1986, с. 191]. В этом же комплексе представлена подвязная арбалетная фибула III варианта по А. К. Амброзу [1966, с. 64—66], которые появляются в Крыму уже в первых десятилетиях IV в. [А. И. Айбабин 1984, с. 106]. Поэтому мы считаем, что комплекс относится с большей вероятностью к первым десятилетиям IV в., чем к более позднему времени.

Таким образом, мы склонны определить раннюю дату этих пряжек рубежом III—IV вв., хотя основное время их распространения падает на середину — вторую половину IV в. н. э.

Удлиненно-овальные бронзовые пряжки с уступом на язычке (ХИ-23, табл. II, IV) и *пряжки* этого же типа, *украшенные насечками по рамке с зооморфным язычком* (ХИ-102, 23А, табл. IV). Западные аналоги простых одночленных пряжек этого типа почти всегда изготовлены из железа, и для территории Мекленбурга, Гольштейна и Нижней Саксонии они датируются поздним отрезком C₂ и ранней ступенью D, причем чаще всего они выступают в комплексах с Bugelknopffibeln [H. Schach-Döriges 1970, S. 75]. Е. Келлер относит удлиненно-овальные граменные пряжки из железа к периоду C₃. Они сочетаются с Zweibelknopffibeln типа 2 по Е. Келлеру и все укладываются в константиновское время [E. Keller 1974, S. 269]. Пряжки, украшенные насечками по рамке с зооморфными язычками (ХИ-102), Е. Л. Гороховский определяет как тип B_{1a} и относит к III фазе (330—380 гг.) [Е. Л. Гороховский 1988, с. 39, № 52]. Он считает, что пряжки серии В подражают провинциально-римским формам конца правления Константина I и времени правления его династии, для которых характерны идентичные стилевые черты, чеканка на рамках и зооморфизация язычков [1988, с. 44]. Р. Мадыда-Легытко отнесла пряжку из п. 21 могильника Косаново (ХИ-23А) к типу пряжек Стжегоице-Тишаладани-Керчь, для которых характерны удлиненно-овальная рамка, чеканка на рамках и штампованный орнамент на обойме. Она пишет, что эти пряжки не характерны в целом для ЧК и появляются лишь перед ее концом. Их верхняя дата определяется появлением

пряжек с концами рамки, оформленными в виде стилизованных звериных головок [R. Madyda-Legytko 1978, p. 7,8].

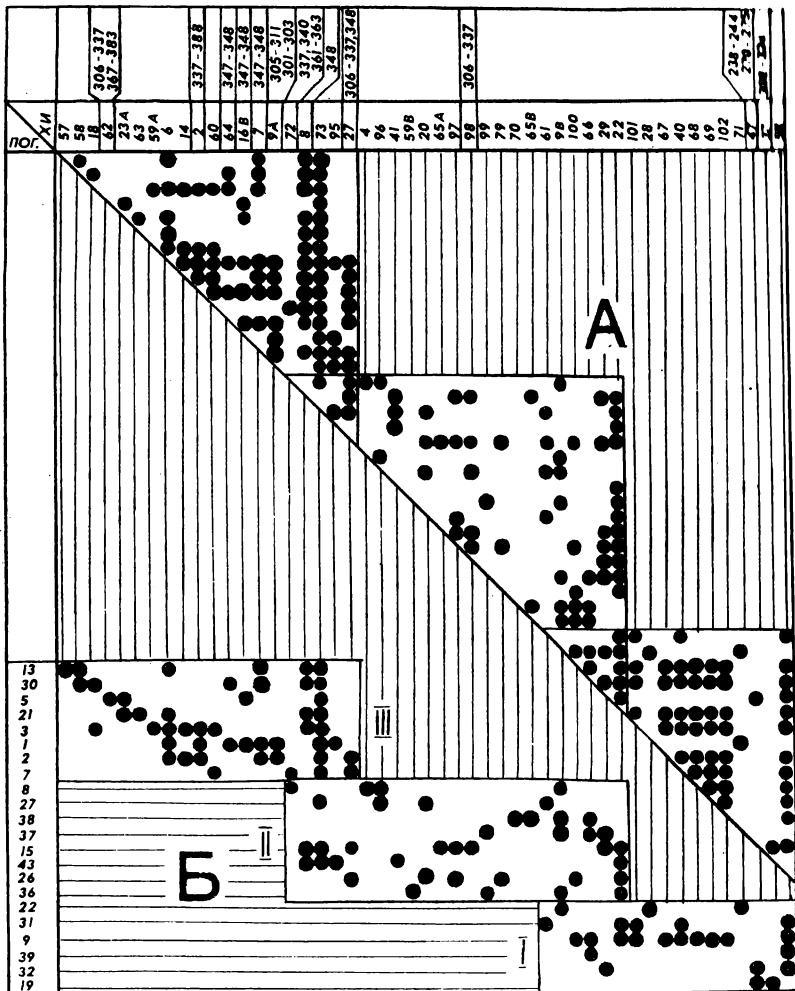
По нашему мнению, все же необходимо различать пряжки такого рода с обоймой, украшенной штампом, который, как технологический прием, характерен прежде всего для эпохи переселения народов, от пряжек без обойм, т. к. они могли появиться значительно раньше. Как мы писали выше, позднюю дату этих пряжек (середина—вторая половина IV в. н. э.) определяют стилистические приемы их обработки, чеканка на рамке и зооморфный язычок. Мы уже касались комплекса из кургана 19 могильника Варпелев, где встречена подобная пряжка [G. Rau 1972, Fig. 82]. Этот комплекс датируется периодом C₂, так же как и комплекс парного п. 3/4 из Герласхайма, где также выступают пряжки со стилизованными зооморфными язычками. Нельзя не отметить и удлинненно-овальные одночленные серебряные пряжки из п. 5 могильника Ланген-Ярхов, которые также можно датировать периодом C₂ [U. Lund-Hansen 1987, S. 175].

Таким образом, мы получили достаточно раннюю дату появления этого типа пряжек, которая сильно отличается от дат, предложенных другими исследователями. Нам кажется, что единичные пряжки с такого рода стилизованными элементами могли быть сделаны по особому заказу представителей варварской знати. На пряжке из Варпелева еще не чувствуется стилизации приемов обработки, язычок представляет достаточно реалистичную звериную голову. В течение первой половины IV в. они распространились в провинциально-римской среде, откуда вновь попали как массовое изделие в *Germania Libera*.

Следует вспомнить, что каждый тип вещей имеет период появления, период наибольшего распространения и период постепенного исчезновения. Вероятность попадания в комплекс вещей периода наибольшего распространения превосходит вероятность находки такой же вещи периода их появления или исчезновения [М. Б. Шукин 1979, с. 31].

На примере княжеских погребений круга Лёйна-Хаслебен можно видеть, что они дают самые ранние даты для целого ряда типов вещей, основное время распространения которых лежит уже в IV в. н. э. Это Zweibelknopfibel из п. 5/1926 г. и 2/1917 г. могильника Лёйна, фрагменты стеклянного кубка со шлифованными овалами из п. 1/1926 г. и пряжка из погребения 1834 г. того же могильника, со стилизованными звериными головками на концах рамки [W. Schulz 1953, Taf. XXXI, XXIX, Fig. 16, 27]. Княжеская и дружинная культура Скандинавии и Средней Германии, по нашему мнению, могла быть во многом законодателем мод для военного контингента Римской империи, т. к. легионы и преторианская гвардия набирались в основном из германских дружин [С. И. Ковалев 1986, с. 669].

Фибулы с подвязанной ножкой и некоторые другие типы застежек. Больше значение для определения границ фаз имеет

метил, что в п. 43 Инкерманского могильника подобная фибула встречена со стеклянным сосудом типа Isings 104b, который позволяет датировать комплекс до середины IV в. н. э. В Чернореченском могильнике подвязная фибула I варианта поднимается в комплексе с тонким стеклянным стаканом на поддоне (ХИ-103), который датируется монетами константиновского времени (Харакс, п. 10, Совхоз-10, п. 56/11, Инкерман, п. 37, Озерное-3, п. 1) [J. Teirál 1986, S. 191—192]. Таким образом, Я. Тейрал поднял дату I варианта этих фибул до первых десятилетий IV в. н. э. и выделил переходный период C_2/C_3 . Мы считаем, что это очень существенный момент и его нужно учитывать, следует только в будущем опираться на детальную классификацию этого типа стеклянных сосудов, т. к. их прототипы восходят к первым векам нашей эры [И. П. Сорокина, Г. И. Гущина 1980, с. 89—99]. О возможности более ранней даты этих стаканов может говорить комплекс п. 14 могильника Цебельда, который датируется монетой Юлии Домны. Более ранним может оказаться также и п. 2 склепа I могильника Озерное-3 [И. И. Лобода 1977, с. 238—245].

Что касается подвязных фибул II варианта, которые не имеют привязок к абсолютной шкале [А. К. Амброз 1966, с. 63—64], думается, следует исходить из факта совстречаемости этих застёжек в п. 292 Данчен с набором серебряных подвесок-ведерок и топориков, относящихся к кругу Лёйна-Хаслебен. Последний на основании работ И. Вернера можно датировать временем не ранее 80-90-х гг. III в. [J. Werner 1989, S. 131—132], хотя горизонт вещей этого круга складывался в разных регионах в течение периода $C_{1b}-C_2$.

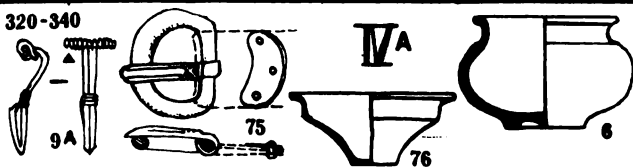
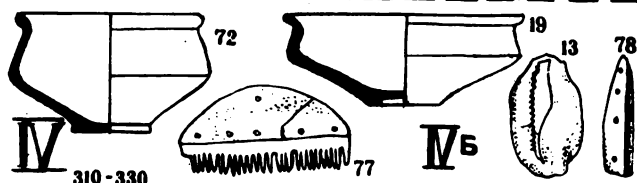
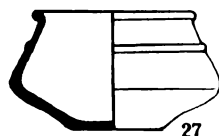
Таким образом, на определенном этапе фибулы I и II вариантов могли сосуществовать, что наиболее ярко проявляется в Косановском и Данченском могильниках на раннем этапе.

В отношении фибул III варианта обычно берется дата середина — вторая половина IV в., но в Крыму они встречены и с монетами начала IV в. (Озерное-3, склеп 1, Инкерман, п. 30, Скалистое, п. 421) [А. И. Айбабин 1984, с. 106].

При работе с комплексами могильников возникли, к сожалению, некоторые трудности по поводу отнесения фибул к одному из трех вариантов по А. К. Амброзу [1966, с. 61—67]. I вариант образуют фибулы из узкого массивного стержня с круглым, полукруглым и треугольным сечением. Но фибула из п. 32 могильника Косаново, изготовленная из узкого стержня, имеет ромбическое сечение. Во II вариант выделяются фибулы из узкого уплощенного стержня с гравированным орнаментом, имеющие полукруглое, треугольное сечение. Но фибулы из пп. 32 и 15 могильника Косаново при узкой уплощенной дужке имеют многогранное сечение.

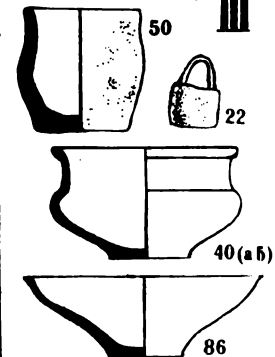
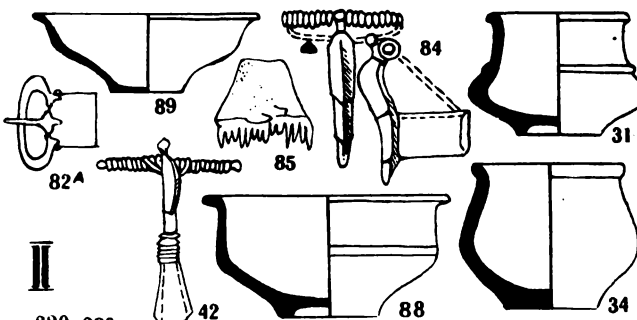
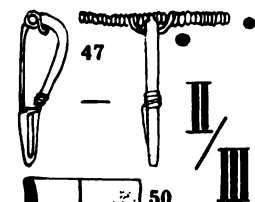
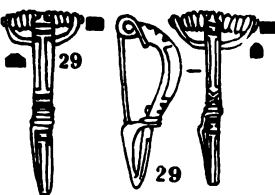
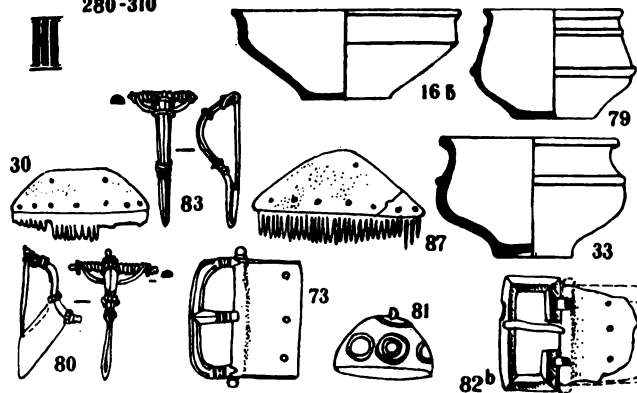
Этот и многие другие факты побудили нас обратиться к классификации фибул, предложенной Е. Л. Гороховским, более

320-340

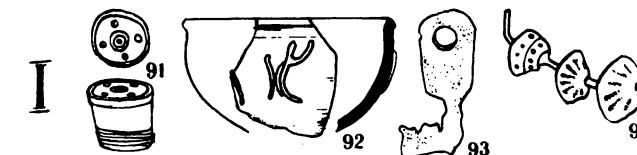
IV^A / IV^B

310-330

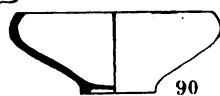
280-310

220-280

220-280

детальной и учитывающей специфику именно черняховских фибул. Так как ее автор выделил большое количество вариантов, которые нельзя учесть в корреляции ввиду их единичности, то мы разделили все фибулы на 5 типов, но с учетом многообразия вариантов (табл. VIII).

Первая серия А гладких фибул, по Е. Л. Гороховскому, представлена застежками из проволочных или кованых брусков и выступает в нашем материале вариантом А_{1а} (Косаново, п. 19, Ружичанка, пп. 8, 30, 50, 57) круглых в сечении, вариантом А_{3а} (Данчены, п. 10) трехгранных в сечении и вариантом А_{4а} (Косаново, п. 32) ромбовидных в сечении фибул.

Вариант застежек из пп. 36 и 394 могильника Данчены мы определить не смогли, т. к. сделать это по рисункам практически невозможно, а именно их оригиналы из Кишиневского музея оказались нам недоступными. Поэтому мы относим их к I варианту А. К. Амброза на основании определения И. А. Рафаловича [1986, с. 35, табл. XIX, 6, 7, с. 114—115, табл. VI, 7]. Обозначим все вышеназванные фибулы как тип I (ХИ-47).

Фибулы серии Б₂ по Е. Л. Гороховскому (фасетированные) мы разделили на 4 типа. 2 тип (ХИ-29) включает узкие (3—4 мм) и средние (5—5,5 мм) фибулы вариантов Б_{1а} (Ружичанка, пп. 55, 29), Б_{1г} (Ружичанка, пп. 19, 55), Б_{2б} (Косаново, п. 37) и Б_{2г} (Ружичанка, п. 44). Фибулы из Данчен определены по системе А. К. Амброза И. А. Рафаловичем (пп. 10, 36, 67, 187, 234, 356, 366), так что здесь возможны ошибки, которые могут проявиться в корреляции.

К 3-му типу (ХИ-9) мы относим фибулы серии Б с широкой дужкой (6—10 мм). Он представлен вариантами Б_{3а} (Косаново, пп. 8, 36, 38), Б_{3б} (Косаново, пп. 22, 37) и крымским вариантом (Косаново, п. 2). Фибул 3 типа в Ружичанке нет, в Данчанах определения давались по И. А. Рафаловичу (пп. 39, 67, 120, 161, 176).

К 4 типу (ХИ-9а) следует отнести узкие и средние фасетированные фибулы варианта Б_{1в} (Косаново, п. 1), Б_{2в} (Косаново, п. 2) и широкую гладкую фибулу варианта А_{3б} (Ружичанка,

Табл. V/I. Хроноиндикаторы могильника Ружичанка:

73. Пряжка типа ДД (?), 75. Удлиненно-овальная пряжка с уступом на языке (погр. 8), 76. Высокая открытая миска с сильно оттянутым венчиком, 77. Трехслойный гребень с низкой овальной спинкой, 78. Пирамидальная подвеска, 79. Высокая миска с валиком на ребре, 80. Фибула типа Альмгрен-211, 81. Бронзовый колокольчик, 82. Пряжка типа «Омега», 83. Подвязная фибула с зернеными кольцами, 84. Фибула с высоким держателем иглы (погр. 13), 85. Однослойный трапециевидный гребень, 86. Миска с наметившимся ребром и слабовыраженным венчиком, 87. Трехчастный гребень с подтреугольной спинкой, 88. Высокая цилиндрикоконическая миска, 89. Миска с наметившимся ребром и четким венчиком, 90. Миска с загнутым внутрь краем, 91. Чернильница, 92. Стекланный кубок, 93. Железный ключ, 94. Египетские пастовые бусы.

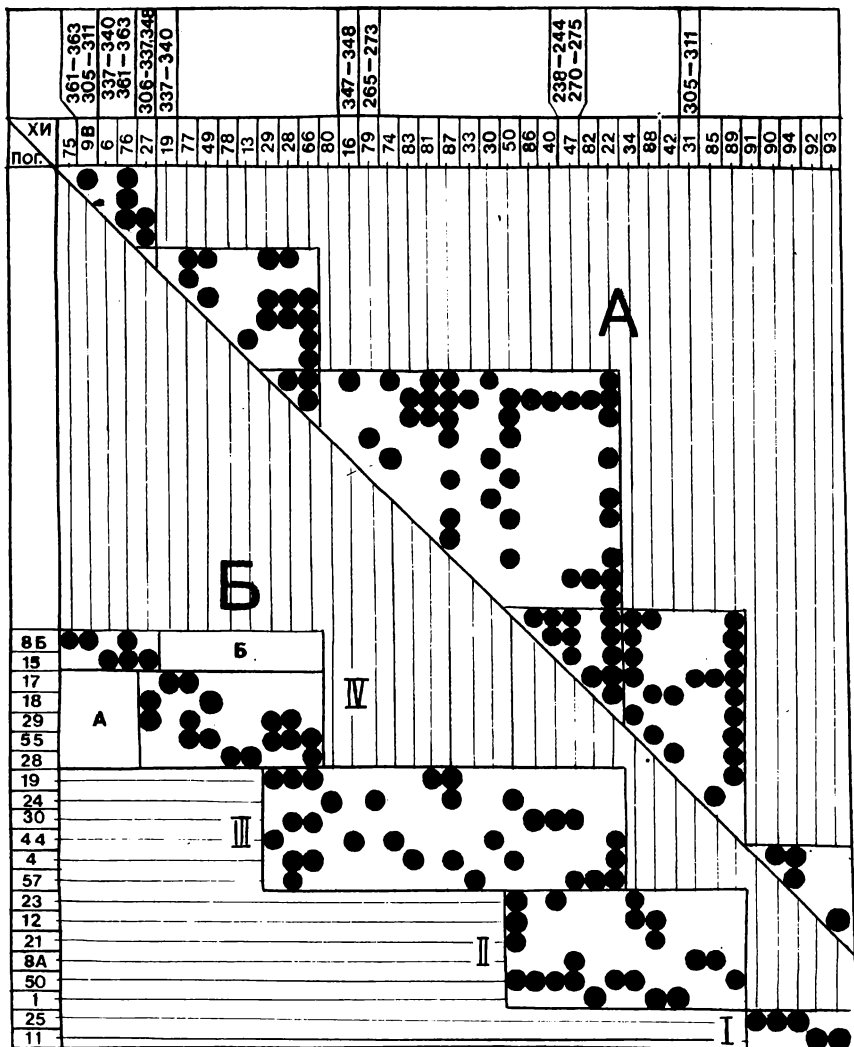

Табл. VII. Корреляция могильника Ружичанка.

п. 8). Эти фибулы имеют треугольное сечение с острой гранью и выступают только в самых поздних фазах могильников.

В качестве единственной фибулы, попавшей в поздний комплекс, которая могла бы относиться к более раннему времени по классификации А. К. Амброза, следует назвать застёжку из п. 39 могильника Данчены варианта Б₁₆, которую мы выделили в отдельный 5 тип. Мы считаем, что это необходимо, ибо, как и в случае с фибулами вариантов Б_{1в} — Б_{2в}, она может дать только позднюю дату.

Фибулы «воинские» и Bugelknopfibeln (табл. IV).

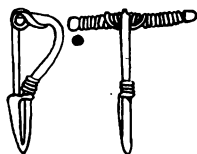
Остановимся на фибуле со щитком на дужке (ХИ-69) из п. 9 Косановского могильника. Мы относим ее к особой VI группе, варианту 4 с полукруглым диском на конце дужки Bugelknopfibeln. Основной район концентрации этой группы находится в Южной Скандинавии. Наиболее близкая по форме диска фибула происходит из находок с о. Борнхольм и о. Зееланд [E. Meyer 1960, Abb. 113, S. 231—232]. У этой фибулы другой тип ножки и она, к сожалению, не дает даты их существования, но достаточно четко дает ареал, откуда могли произойти фибулы с дисками на месте головной кнопки. Для определения хронологии используем работу М. Шульце по воинским фибулам. Наиболее близка по треугольному сечению дужки и ромбовидной форме ножки фибула 205 группы М. Шульце [M. Schulze 1977, S. 115, Taf. 14]. Такого рода фибулы есть в черняховских могильниках Ал. Одобеску, Будешты и Тыргшор. М. Шульце относит их к ступени А хронологии ЧК (275—325 гг.) [M. Schulze 1977, Taf. 26—27]. Следует заметить, что у этих фибул нет щитка на дужке, который есть в частности у фибулы из Хьядstrup на о. Фюнен, относящейся к 206 группе М. Шульце. Эта застежка показывает сочетание ромбовидной ножки и головной пластины и относится к первой половине IV в. н. э. М. Шульце пишет, что по многим деталям она близка серебряным пластинчатым фибулам с ромбической ножкой [M. Schulze 1977, S. 115].

Исходя из вышесказанного, мы считаем, что фибула из п. 9 является специфически скандинавской или датской формой и занимает промежуточное положение между фибулами, украшенными в закшувском стиле 197 группы, распространенной на о. Фюнен, 199 группы по М. Шульце, также распространенной на о. Фюнен и в Силезии, и маленькими двупластинчатыми фибулами с ромбической ножкой, которые появились в 30—40-х гг. IV в. [J. Teirál 1987, S. 13].

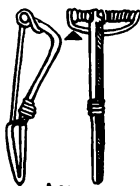
Рассмотрим воинские фибулы из могильника Косаново. Фибулу ХИ-59а мы отнесли к 35—36 группе по М. Шульце украшенных пунктирно-круговым орнаментом, плоско-трапецевидных в сечении фибул [M. Schulze 1977, Taf. 4]. Основной район их концентрации — область Рейна-Везера. Комплексы из могильника Рейндорф, пп. 35 и 527 могильника Крефельд-Геллеп дают дату середина — вторая половина IV в. н. э., хотя возможна и более ранняя датировка [M. Schulze 1977, S. 32—33].

Фибулу ХИ-59б мы относим к 161 группе фасетированных, со слегка расширенной ножкой и удлиненной тетивой застежек по М. Шульце [M. Schulze, S. 92, Taf. 12]. Эта форма типична для ЧК и относится к ведущим находкам ступени В (325—375 гг.).

1 тип

A1a

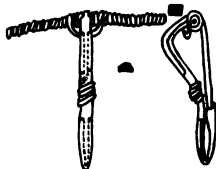

A3a

A4a

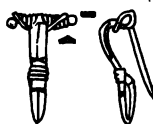
2 тип

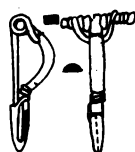
B1r

B2r

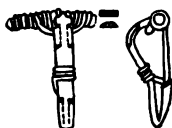

B2a

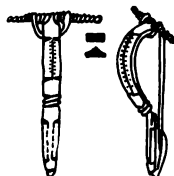

B2b

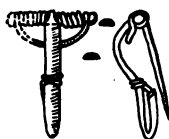
3 тип

B3b

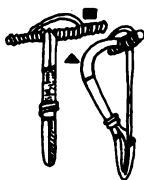

B3a

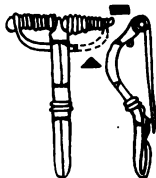

Крымский - Вар-т

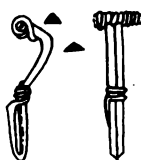
4 тип

B1b

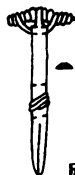

B2b

A2b

5 тип

B1b

Табл. VIII. Типы подвязных фибул.

5. Синхронизация фаз могильников Ружичанка, Косаново и Данчены

С учетом вышеизложенного попытаемся соотнести фазы, выделенные в результате корреляции (табл. III, V, VII), по наиболее характерным для каждого периода хроноиндикаторам (табл. IX). В могильниках Данчены и Ружичанка в I фазе представлены вещи, не характерные в последующее время для ЧК, а традиционные для более раннего времени и иных культурных контекстов [М. Б. Шукин, Т. А. Щербакова 1986, с. 209—210; Е. Л. Гороховский 1988, с. 42].

Исключением является трехчастный лепной сосуд из п. 122 могильника Данчены, который, по нашему мнению, является прототипом трехчастных сосудов, изготовленных на гончарном круге (ХИ-40). На этом этапе различные типы вельбаркской посуды известны в могильнике Данчены (ХИ-50), в то время как в Ружичанке больше чувствуется южное влияние (ХИ-90, 91, 93, 94).

В Косаново архаического пласта, на наш взгляд, нет, лишь п. 19 может датироваться столь ранним временем. Об отголосках этого времени может говорить также легионерная эмалевая бляха из п. 45 и ручка с лебединой головкой от ведра «Хеммур» [Н. М. Кравченко 1967, рис. 11, 12].

Мы считаем, что в фазе II могильника Ружичанка представлены вещи, которые можно отнести также к самому раннему этапу, т. к. это достаточно редкие и единичные типы, которые не получили широкого развития в ЧК (ХИ-42, 84—86, 88, 89).

Отделение I и II фазы Ружичанки продиктовано законами корреляции, т. к. фаза I не имеет связей с последующими периодами. Погребения фазы II этого могильника содержат пряжку типа «Омега», подвязную фибулу с головной кнопкой и расширяющейся граненой ножкой, однослойный трапецевидный гребень, подвязные фибулы I типа. Фибула с высоким держателем иглы и с кнопкой на дужке (ХИ-84) не участвует в корреляции, но является показателем горизонта, т. к. погребение с этой фибулой перекрыто п. 23, которое является переходным к следующему этапу. В этой фазе появляются высокие цилиндроконические миски (ХИ-88), миски со слабым ребром (ХИ-89), биконические Schaleurnen (ХИ-34), гончарные кубки с валиком, выделяющим горло (ХИ-31) и первые гончарные трехчастные сосуды (ХИ-40).

I фазу могильника Косаново можно сопоставить со II фазой Данчен и III фазой Ружичанки по появлению гребней с трапецевидной спинкой (ХИ-30), янтарных грибовидных подвесок (ХИ-28), сердоликовых 14-гранных бус (ХИ-35, 66), трехчастных гончарных сосудов (ХИ-40), лепной посуды (ХИ-50) и по сочетанию фибул I и II типа (ХИ-47, 29). В это же время в могильниках Ружичанка и Данчены появляются высокие округлобокие миски с резко отогнутым венчиком (ХИ-33), а в остальном их керами-

Абсолютная хронология	Относительная хронология	Ружичанка (Волгин-Ю. Побужье)	Дамчери (Полместрое)	Косово (Ю. Побужье)	Горизонты Черняховской к-ры
— 400 —	D C ₃ / D	— — — — — IV ФАЗА — — — — — III ФАЗА — — — — — II ФАЗА — — — — — I ФАЗА	IV ФАЗА	III ФАЗА	4 Горизонт 350/360 — 370/380 г.г.
	C ₃				3 Горизонт 310/320 — 350/360 г.г.
	C ₂ / C ₃				2 Горизонт 280/290 — 310/320 г.г.
— 300 —	C ₁₅ / C ₂				1 Горизонт 220/230 — 280/290 г.г.
— 200 —					

Табл. IX. Синхронизация выделенных фаз могильников.

ческий инвентарь оказывается различен. В могильнике Данчены в этом горизонте появляются высокие трехручные сосуды (ХИ-43), лепные и гончарные Schaleurnen (ХИ-49, 34), в Косаново — лепные сосуды с загнутым внутрь венчиком (ХИ-101), высокие миски с валиком и выделенной шейкой (ХИ-61) и кувшины ХИ-100. В Ружичанке в этом горизонте представлены цилиндроконические миски ХИ-16 и высокие миски с валиком на перегибе тулова (ХИ-79), что говорит, на наш взгляд, о древностях круга Лёйна-Хаслебен [W. Schulz 1953, S. 70]. В Данценах в этой фазе также представлены вещи этого круга: ХИ-42, 45, 46.

II фазу Косаново можно сопоставить с III фазой Данчен по появлению гребней дунайского типа (ХИ-20, 39), фибул III типа (ХИ-9), удлинненно-овальных пряжек с уступом на язычке (ХИ-23, 75), и стеклянных сосудов Эггерс-230 (ХИ-17, 99). В этом горизонте исчезают все предыдущие типы керамики, за исключением Schaleurnen, но уже с четким ребром (ХИ-72), появляются высокие миски с валиками и слабо выделенным венчиком (ХИ-27), горшки с валиком в Данценах (ХИ-26) и горшки двух типов в Косаново (ХИ-73, 95). В этом же горизонте появляются биконические миски с ребром в верхней (ХИ-8) и средней (ХИ-19, 25) части и трехручные вазы (ХИ-15, 38, 98).

IV фаза могильника Ружичанка лишь частично соотносится с соответствующими фазами Косаново и Данчен, т. к. в ней нет предметов, характерных для этого горизонта, что может быть связано с одной стороны — с хронологией, а с другой — с иными путями поступления типов вещей. В то же время можно сопоставить фазу IVa Ружичанки с этим горизонтом по биконическим Schaleurnen (ХИ-72) и мисками (ХИ-19), высоким мискам (ХИ-27) и украшениям в виде раковин каури (ХИ-13).

III фаза Косаново хронологически близка IV фазе Данчен по таким характерным элементам, как бронзовые и железные калачиковидные пряжки (ХИ-2, 4), гребни третьего типа по С. Томас [S. Thomas 1960, S. 107] с уступом на спинке и поздними вариантами Bugelknopfbeln (ХИ-1, 63). В этой фазе появляются миски с валиком под венчиком (ХИ-64) и трехчастные миски с узкой шейкой (ХИ-6), характерными являются и фибулы IV и V типов (ХИ-9a, 96). В Данценах появляются лепные конические миски, или вместо них в могилу ставится нижняя часть лепного или гончарного сосуда (ХИ-3), и кувшины третьего типа по И. Ионице (ХИ-5). В Косаново на этом этапе выступают двуручные сосуды (ХИ-18), кувшины с высоким горлом (ХИ-58), лепная посуда и гривна северного облика, а также трехчастные гребни с высокой овальной спинкой (ХИ-60) [Н. М. Кравченко 1967, рис. 6, табл. 1,4], что говорит, по нашему мнению, о волне миграции населения с архаическими культурными чертами из северных или центральноевропейских районов. Эти фазы можно частично сопоставить с фазой IVB Ружичанки по высокой трехчастной миске с узким горлом (ХИ-6) и фибуле с треугольной дужкой

(ХИ-9а). Можно заметить, что керамика на достаточно удаленных могильниках неоднородна по составу и развивается далеко не синхронно (ХИ-16, 18, 31, 79), также как и целый ряд типов вещей (ХИ-22, 23, 30).

6. Соотношение хронологии могильников Ружичанка, Косаново и Данчены с европейской хронологической системой

Прежде чем перейти к абсолютной датировке выделенных фаз, остановимся на последних работах, посвященных хронологическим проблемам.

В 80-х гг. вновь наметилось изменение хронологической системы Г. Ю. Эггерса [H. J. Eggers 1955] — К. Годловского [K. Godkowskí 1970; 1974], главным образом, в отношении границ между фазами. М. Казанский, Р. Легу [M. Kazanski, R. Legoux 1988, p. 23] и Я. Тейрал [J. Teirál 1986, S. 188; 1987, S. 12] в своих работах дали обобщенную датировку фаз C_{1B} — C_2 , не разграничивая периоды.

К. Годловский считает, что разграничение фаз C_{1B} и C_2 правомерно лишь для материалов любошицкой и пшеворской культур, тогда как для остальной территории Барбарикума и, главным образом, для вельбаркской культуры в позднеримское время резкая граница проходит между фазами C_{1a} и C_{1b} 220—230 гг.) [K. Godkowskí 1988, s. 43].

Е. Шальмауер, разбирая в своей работе основы датировки рубежа C_1 и C_2 , отметил, что нельзя датировать гибель построек на рейнском лимесе именно 260-ми гг. н. э. Эта дата исходит из письменных источников и не подтверждается археологическими данными, тем более что постройки и кастеллы римского лимеса в большинстве содержат монеты более позднего времени [K. Weidemann 1972, S. 99]. Он считает, что можно принять дату около 270—275 гг. как более реальную для Западной Германии [E. Schmallmayer 1987, S. 488]. Нам же представляется, что более существенной может быть дата, предложенная И. Вернером для погребений с *Zweibelknopffibeln* могильника Лёйна [J. Werner 1989, S. 131—132]. Она, по нашему мнению, достаточно четко разграничивает группу вещей, которые еще имеют связи с более ранним временем (C_{1B}) или существуют только в этом горизонте находок (период C_{1B} — C_2 — серебряные наконечники копий и стрел, ведра «Хеммур» — Эггерс-58-62, стеклянные кубки, дорогие вещи из металла типа Эггерс-84, 89, 104, 108, 117-118, 121, 161, 169, 197, 215, 217, 219, фибулы VII группы О. Альмгрена) и типы вещей, которые начинают функционировать с этого времени и существуют в более позднее или дают дальнейшее типологическое развитие (C_2 и C_3 — *Zweibelknopffibeln*, стеклянные сосуды Эггерс-222, фибулы типа Альмгрена-184, стеклянный

кубок из п. 1/1926 г. могильника Лёйна, бронзовая пряжка из погребения 1834 г. того же могильника).

Е. Келлер датировал шарнирные фибулы из п. 5/1926 г. в Лёйне по провинциально-римским аналогиям 290—320 гг. н. э., отнеся их к I типу *Zweibelknopffibeln* [E. Keller 1974, S. 269], а инвентарь п. 4/1926 г. отнес полностью к IV в. Таким образом, дата 280-290 гг. может являться более существенной для рубежа фаз C_{1B}/C_2 и C_2/C_3 , чем даты, предложенные Е. Шальмауером для рубежа C_1 и C_2 в Западной Германии и К. Годловским для Средней и Восточной Европы.

Верхняя граница фазы C_2 остается достаточно стабильной в разных регионах. Она определяется исходя из анализа хронологии вещей княжеских погребений Скандинавии, Мекленбурга, Средней Германии и Словакии. У. Лунд-Хансен считает, что Зееландские и Мекленбургские богатые захоронения относятся к более раннему времени, чем подобные погребения из Средней Германии и Словакии, первые — к фазе C_{1B} (210/220—250/260 гг.), а вторые — либо к переходному периоду $C_{1B} - C_2$ (210/220—310/320 гг.), либо к C_2 (250/260—310/320 гг.) [U. Lund-Hansen 1987, S. 175—176].

К. Годловский относит верхнюю границу фазы C_2 к концу III и самому началу IV в. на основании того, что вещи горизонта княжеских погребений не встречены с моментами эпохи тетрархии и константиновского времени [K. Godłowski 1988, S. 43].

Я. Тейрал также принимает переживание ведущих типов ступени C_2 до первых десятилетий IV в. Типы вещей, происходящие из дунайских провинций, которые можно датировать на основании монет не ранее, чем константиновским временем, уже не принадлежат к фазе C_2 [J. Teirál 1986, S. 188]. Он определяет эту границу времени между 320/330 гг. н. э. [J. Teirál 1987, S. 12].

Е. Келлер для эльбского круга культур также проводит границу фаз C_2 и C_3 в 320—330 гг. [E. Keller 1974, S. 272]. Таким образом, можно заметить, что выделяется еще одна отчетливая хронологическая граница в пределах 310—330 гг. н. э., которая фиксирует начало нового этапа. Это время, когда исчезают последние типы вещей ступени C_2 и появляются вещи эпохи Константина Великого и монеты первой четверти IV в. н. э., что и будет для нас верхней границей переходного этапа C_2/C_3 (280/290—310/320 гг.), которая лишь частично соответствует аналогичной фазе Я. Тейрала [J. Teirál 1986, S. 188].

К. Годловский считает, что позднюю дату позднеримского периода нужно определить как подпериод D_1 , который начинается сразу за концом фазы C_2 , а собственно для эпохи переселения народов предлагает использовать термин ступень E [K. Godłowski 1988, s. 43—44].

Традиционная схема европейской хронологии Х. Ю. Эггерса — К. Годловского не всюду подверглась ревизии. Так, для западной

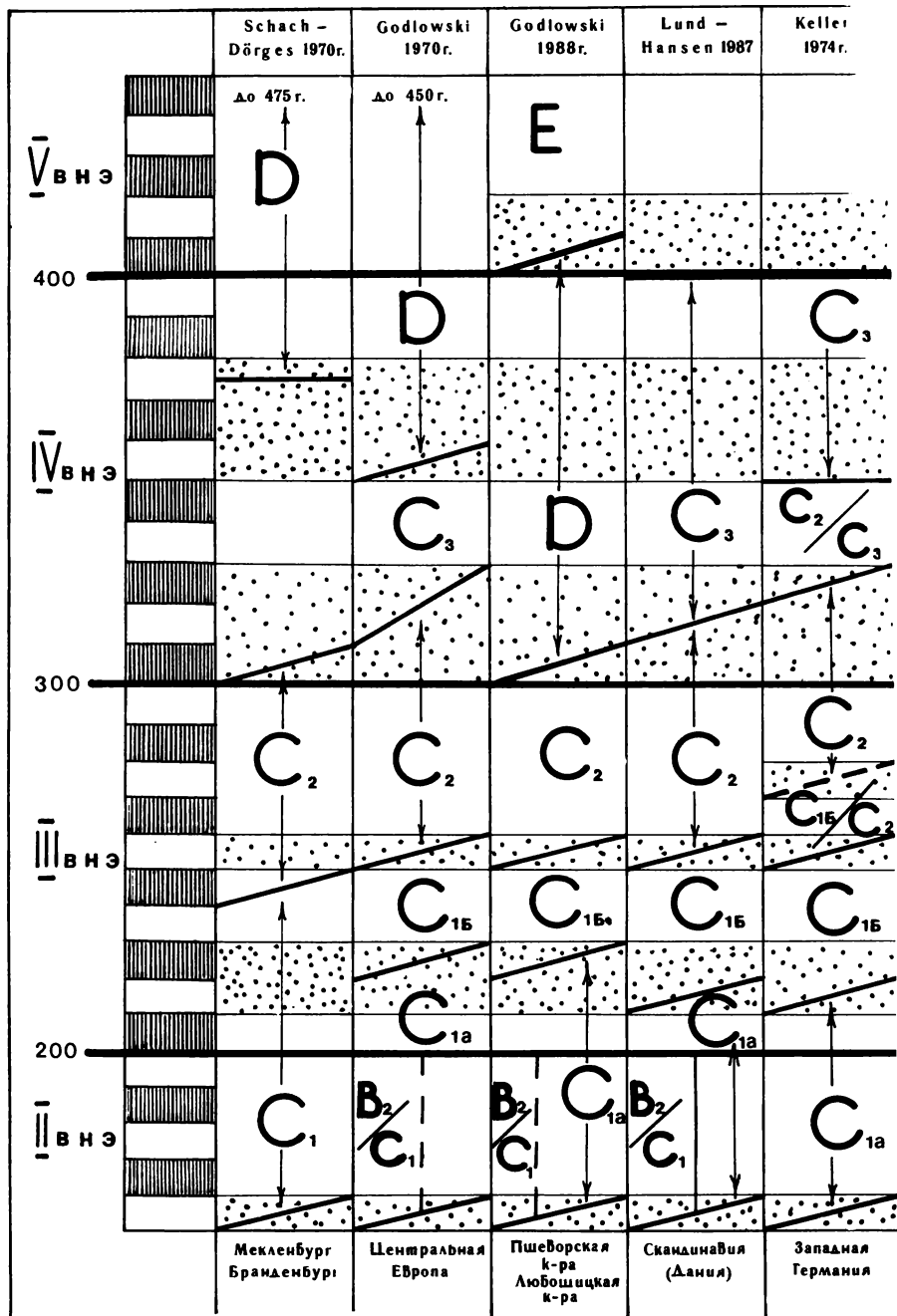

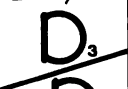

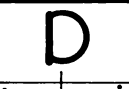

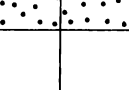

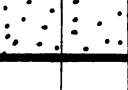

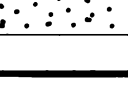

Табл. X. Хронологические системы позднериемского

Язanski 1908 г.	Godlowski 1988 г.	Teiral 1987 г.	Шаров 1991 г.	Исторические события (И) и археологические дериваты (А)	Обобщенные рубежи пе- риодов фаз граница где-то между
до 450 г.	E	до 475/480 г.		И: Поход Алариха в Италию - 401 г. 408 г. Переход бургундов, аланов, вандалов в Галлию - 406 г. Разграбление Рима - 410 г. А: горизонт Унтерзибенбрунн-Зее- даал.	400/420 гг.
	D			Война с готами. Валента - 366-369 г. И: Нашествие гуннов - 375 г. Переселение везиготов в Мезию - 376 г. Востание готов в Адрианополь - 378 г. А: Начало эпохи переселения народов.	350/380 гг.
				И: Эпоха Константина Великого. Готы - федераты Империи. А: Начало распространения Zwei- belknopf- und Bügelknopf fibel у варваров	300/330 гг.
				И: Поражение готов при Науссе - 269 г. Оставление римлянами Дакии - 270-271 г. Конец Галльской империи - 274 г. Борьба на Рейне - 277 г., на Дунае - 285-287 г. А: Горизонт Лейна - Хаслебен.	270/290 гг.
				И: Борьба с готами на Дунае. Битва при Абритте - 251 г. Оставление Декуматских полей - 259 г. Начало Галльской империи - 259 г. А: Рейнские дунайские импорты.	250/260 гг.
				Закон о гражданстве - 212 г. И: Борьба на Рейне с алеманнами - 233-236 гг. на Дунае с готами карпами - 238 г.	210/230 гг.
				И: Появление римского гарнизона в Олбидии. Борьба с хаттами на Рейне. Начало Маркоманнских войн - 166 г.	150/160 гг.
Черняховская к-ра	Черняховская к-ра Вельбарская к-ра Западнобалтская к-ра	Черняховская к-ра	Черняховская к-ра		

мени по различным авторам.

части Средней Европы [E. Keller 1974], для Дании [U. Lund-Hansen 1976] и для Подунавья [J. Teirál 1986; 1987] до сих пор принято выделять позднюю фазу позднеримского периода C_3 , которая в Дании и Западной Германии представлена прежде всего горизонтом Bugelknopfbeln [K. Godłowski 1988, s. 47; E. Keller 1974, S. 269], а в Подунавье маленькими двупластинчатыми фибулами, стеклянными кубками Эггерс-230 и гребнями дунайского типа [J. Teirál 1987, S. 12].

Е. Келлер отнес также к горизонту C_3 для эльбского круга удлинненно-овальные железные пряжки и трехслойные треугольные гребни [E. Keller 1974, Abb. 8].

К. Годловский же считает, что для территории Средней и Восточной Европы это уже ранняя эпоха переселения народов, которую фактически не разделить на протяжении IV и начала V в. н. э. [K. Godłowski 1988, s. 44].

Позволим себе в этом усомниться. Я. Тейрал делит древности ЧК на 3 фазы и выделяет еще постчерняховский горизонт, причем эти фазы полностью или частично соотносятся с IV в. н. э. [J. Teirál 1987, S. 12—13]. Нами также выделяются от трех до четырех фаз на разных могильниках, причем в их материалах представлены вещи, характерные для ступени C_3 Подунавья, Западной Германии и Скандинавии. Поэтому мы примем традиционное деление позднеримского периода и определим верхнюю границу C_3 по этим работам.

Я. Тейрал определяет верхнюю границу C_3 около 370 г., но при этом выделяет еще переходный период C_3/D_1 (350—400 гг.), так что граница C_3 лежит где-то между 350 и 370 гг. [J. Teirál 1987, S. 12, 16].

У Е. Келлера верхняя граница лежит в промежутке между 350—400 гг. н. э., у У. Лунд-Хансен — около 400 г. н. э. [E. Keller 1974, S. 272—273; U. Lund-Hansen 1987, Abb. 10].

Эти хронологические противоречия объясняются тем, что в Дании и Юго-Западной Германии позднеримское время продолжается значительно дольше, и эпоха переселения там начинается во второй половине IV в., скорее всего в самом его конце [K. Godłowski 1988, s. 44]. Поэтому нужно принять верхнюю границу C_3 по Я. Тейралу, тем более что его фазы выделены на материалах ЧК, и попытаться ее уточнить, исходя из результатов наших исследований.

Третья фаза ЧК по Я. Тейралу (C_3/D_1) характеризуется новыми типами вещей, которые относятся к эпохе переселения народов. Они датируются монетами 50-60-х гг. IV в. н. э. Ведущая находка этого периода — клад Валеа Стримба с тремя ауреусами Грациана (367—383 гг. н. э.). Эта фаза, собственно, характеризует уже начало периода, но еще с переживанием ряда вещей позднеримского времени, и прав был К. Годловский, что ряд вещей с начала IV в. доживает до конца IV — начала V в. Но мы считаем, что это относится не ко всей территории не только Сред-

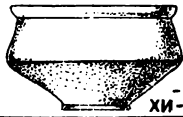

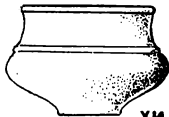

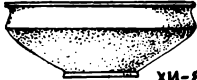
ХРОНОИНДИКАТОР	МОНЕТЫ	ПАМЯТНИК
XI-5	337 – 340	MOGOSANI 6
-49 XI-72	337 – 340 361 – 363	MOGOSANI 6 MOGOSANI 59
XI-98,15	306 – 337	ИНКЕРМАН 6 (37)
XI-31	305 – 311	СОВХОЗ 10
XI-62	306 – 337 367 – 383	БРАНДСТРУП О. ФЮЕНЕ ТЫРГШОР п 82 VALEA STRIMBA
XI-103	314 – 317 ПОСЛЕ 337 306 – 337	ХАРАКС п 10 СОВХОЗ 10 п 285 ИНКЕРМАН 6 (37)
XI-7	347 – 348	VALEA SEACĂ 501
XI-8	352 – 355 348	VALEA SEACĂ 507 LETCANI 21

Табл. XI. Вещи, встреченные в комплексах, датированных монетами:

XI-5 — [Gh. Diaconu 1969, Abb. 9,2], XI-49, 72 — [Gh. Diaconu 1969, Abb. 6,9], XI-98, 15 — [Е. В. Веймарн 1963, рис. 4], XI-31 — [Э. А. Сымонович 1975, рис. 2,5], XI-62 — [J. Werner 1988, Abb. 15,5—6,18] J. Teiral 1986, Abb. 8,6—8], XI-103 — [Н. П. Сорокина 1973, с. 186], XI-7 — [V. Palade 1986, R. 88b-19].

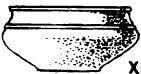

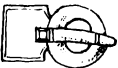
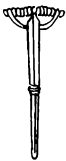

XI-27	348	LETCANI 21
XI-64	347 – 348	VALEA SEACĂ 501
XI-9	305 – 311 361 – 363	ОЗЕРНОЕ 3 СКЛЕП 1 СОВХОЗ 10 п.55 MOGOSANI 59
XI-37	308 – 324	ОЗЕРНОЕ 3 СКЛЕП 2
XI-2	337 – 388	КАЛАТИС п.354 с 4 тип. по Е. КЕЛЕРУ
XI-47	238 – 244 270 – 275	ЧЕРНАЯ РЕЧКА п. 35 СОВХОЗ 10 п.8А
XI-79	268 – 273 265 – 268	ЛЕЙНА п.2/1917 ХАСЛЕБЕН п.4
XI-76	337 – 340 361 – 363	MOGOSANI 6 MOGOSANI 59
XI-73.95	352 – 355 337 – 340 347 – 348 348	VALEA SEACĂ 507 MOGOSANI 6 VALEA SEACĂ 501 LETCANI 21

Табл. XII. Вещи, встреченные в комплексах, датированных монетами (продолжение):

XI-27 [С. Bloşciu 1975, p. 235, fig. 18.3], XI-64 — [V. Palade, 1986 № P. 88b, 11, 13], XI-9 — [А. И. Айбабин 1984, с. 105—107, рис. 3.25, 4.4. Gh. Diaconu 1969,

ней и Восточной Европы, но даже и не ко всем отдельным регионам различных археологических культур. Очень существенным моментом, по нашему мнению, должно быть вычленение границы 370/375 гг. н. э., т. е. времени нападения гуннов на державу Германариха (по письменным источникам), исчезновения большинства памятников ЧК и оттока населения в Подунавье, где эта волна фиксируется отчетливо по археологическим источникам (фаза D₁, или постчерняховский период Я. Тейрала [J. Teirala 1987, S. 22, 27]). Это и есть собственно период D для ЧК, и от того, какие вещи содержит эта фаза и из каких предыдущих периодов они происходят, будет зависеть решение вопроса, когда началась ранняя эпоха переселения народов для ЧК. У Я. Тейрала эта фаза частично совпадает с периодом C₃/D₁ и датируется 375—400/410 гг. н. э. [J. Teirala 1987, S. 11].

Обратимся к выделенным фазам и, исходя из анализа хроноиндикаторов и разбора хронологических систем разных авторов, попытаемся выйти на абсолютную хронологию (табл. XI, XII).

I фаза могильника Данчены, I и II фазы Ружичанки могут быть соотнесены с фазой C_{1b}—C₂ относительной хронологии (табл. IX), т. к. здесь представлены импорты времени «Готских войн», прорыва лимеса и оставления Дакии римлянами. Все вещи единичны для ЧК и не имеют дальнейшего развития. Лишь подвязная фибула I типа (ХИ-47) из Ружичанки выступает в этом горизонте как хроноиндикатор, датированный монетами 238—244 гг. и 270—275 гг. н. э. (табл. XII). Дата первого хронологического горизонта по анализу ХИ и спектру монет может быть определена временем между 220—280/290 гг. н. э.

I фазу Косаново, II фазу Данчен и III фазу Ружичанки (табл. IX) можно соотнести с фазой C₂/C₃, т. к. в ней выступают вещи круга Лёйна-Хаслебен (ХИ-45, 46, 48, 79), а также появляются вещи, которые можно датировать только этим временем (ХИ-30, 44, 67, 80, 81, 83) или с этого времени (ХИ-68, 69, 296, 28, 66, 102). Вещи, датируемые по монетам из закрытых комплексов ЧК, дают диапазон от 270—275 до 308—324 гг. н. э. (табл. I, III, V). Второй хронологический горизонт соответственно может быть датирован 280/290—310/320 гг. н. э.

II фаза Косаново и III фаза Данчен может быть сопоставлена с фазой C₃ по таким ХИ, как гребни дунайского типа (ХИ-20, 39), стеклянные кубки Эггерс-230 (ХИ-17, 99), стеклянные кубки типа Моллегардсмаркен (ХИ-65), треугольные гребни (ХИ-32), овальные пряжки с уступом на язычке (ХИ-23),

Abb. 12,6]. ХИ-37 — [А. И. Айбабин 1984, с. 111, рис. 2.20], ХИ-2 — [J. Teirala 1986, S. 193; E. Keller 1971, S. 38—41], ХИ-47 — [А. К. Амброз 1966, с. 62; А. И. Айбабин 1984, с. 105], ХИ-79 — [W. Schulz 1953, Abb. 12, 25, 33, 65; W. Schulz 1933, Abb. 6, 8, 9, 10, 11], ХИ-76 — [Gh. Diaconu 1986, Abb. 7, 4, 6, 18], ХИ-73, 95 — [V. Palade 1986, R. 89b—17, R. 88b—15; Gh. Diaconu 1969, Abb. 11, 6, 8; C. Bloşciu 1975, p. 235, fig. 18, 5]

пряжки с зооморфным язычком и овальной обоймой (ХИ-70), а также массовому появлению фибул III типа (ХИ-9). Эти фазы дают спектр монет с 306—337 гг. по 347—348 гг. н. э., поэтому мы определим границу третьего хронологического горизонта 310/320—350 гг. н. э.

IV фаза Ружичанки лишь частично совпадает с выделенным горизонтом, вероятно, не доживая до его конца, поэтому мы определяем верхнюю границу фазы концом эпохи Константина I, когда появился целый ряд новых типов вещей, существующих в последующее время и не представленных в Ружичанке [Е. Л. Гороховский 1988, с. 44].

III фазу Косаново и IV фазу Данчен можно соотнести, по нашему мнению, с периодом C_3/D_1 по таким типам вещей, как *Bügelknopffibeln* (ХИ-1, 63), гребни с выделенной спинкой (ХИ-7), подвески, аналогичные происходящим из клада Валеа Стримба (ХИ-62), калачиковидные (ХИ-2) и удлинненно-овальные пряжки с чеканкой на рамке (ХИ-236).

Границы этих фаз помогают определить ХИ, найденные с монетами 347/348—367/383 гг. н. э. Мы определяем IV хронологический горизонт где-то между 350—380 гг. н. э., хотя отдельные вещи могли существовать и позднее (ХИ-57, 60) [J. Teirál 1987, S. 16, 20, 22].

Здесь мы сталкиваемся с очень важным моментом, т. к. во всей Средней и даже Западной Европе после этого времени появляется черняховский горизонт находок, что говорит о значительных миграциях населения. Последний горизонт исследуемых могильников не дает находок самого позднего этапа ЧК — больших двупластинчатых фибул, круглых и овальных пряжек с круглой обоймой, очень толстой дужкой (диаметром больше 3 см) и удлинненным язычком, фасетированных умбонов, железных фибул с подвижной ножкой или сплошным приемником и т. д. [J. Teirál 1987, S. 20, 22]. Хронологические реперы для валентириановского времени в Паннонии также не дают оснований изменить верхнюю границу нашего горизонта [A. Salamon, L. Barkóczy 1980, S. 76—81].

Я. Тейрал, исследуя постчерняховский горизонт на территории Европы, определил основной комплекс находок, которые могут быть отнесены к древностям ЧК: это стеклянные конические кубки, калачиковидные пряжки, гребни с выделенной спинкой и в ряде случаев подвязные фибулы III варианта по А. К. Амброзу, т. е. набор, характерный лишь для IV хронологического горизонта наших могильников, поэтому мы и считаем, что ранняя эпоха переселения для ЧК началась где-то в этот промежуток времени (350—380 гг. н. э.), а переходная фаза C_3/D_1 (350—400 гг. н. э.) Я. Тейрала правильна для Подунавья, куда в последней четверти IV в. стекалось население под напором гуннов. Поэтому, если четко не отделить время существования ЧК от периода миграций ее носителей, то можно дойти до хронологиче-

ских казусов, например, поднимать все даты находок, исходя из дунайских материалов уже эпохи переселения (D₁).

7. Относительная и абсолютная хронология керамики из могильников Косаново, Ружичанка и Данчены

На последнем этапе работы, когда уже определена хронология фаз могильников, появилась возможность продатировать XII II уровня, т. е. типы керамики. Как можно видеть из таблиц II, IV, VI, датировки целого ряда типов посуды сильно отличаются на территории Южного Побужья (Косаново), пограничья Волыни и Южного Побужья (Ружичанка) и Среднего Поднестровья (Данчены).

Раньше всего многие выделенные типы, исходя из анализа хронологии могильников (табл. XIIIа, б, в), формируются на пограничье Волыни и Южного Побужья, где представлены особые типы, не встреченные в материалах могильников Данчены и Косаново (XI-86, 88—90). Это не означает, что их нет на других памятниках ЧК, но керамика этапа формирования культуры может оказаться единичной и аналогии ей нужно искать и в материалах других культурных образований.

Регион Среднего Поднестровья, представленный могильником Данчены, также в ряде случаев выступает законодателем мод для других территорий (XI-18, 49) и выделяется характерными типами посуды в погребениях (XI-3, 5, 10, 24, 25, 43).

В Южном Побужье, исходя из материала могильника Косаново, специфические формы посуды представлены достаточно широко (XI-58, 61, 95, 96, 100), что не говорит, впрочем, о том, что такого рода посуды нет на других черняховских памятниках.

Для того, чтобы дать окончательную обобщенную датировку типов черняховской посуды, материалов трех могильников явно недостаточно. К тому же мы осознаем, что керамика могла развиваться в каждом регионе культуры своими темпами. Это могло зависеть от близости к крупным гончарным центрам, от «школы» гончаров, от традиций, привнесенных из иных культур, от миграций нового населения в различные регионы, связей между ними, и т. п. Тем не менее попытаемся выделить те типы, которые существуют только в одном хронологическом горизонте этих могильников.

Керамические формы I горизонта выделяются только в Ружичанке (XI-86, 88—90). II хронологический горизонт не представлен керамикой только этого хронологического отрезка. Нами выделены типы посуды, которые характерны для этого горизонта в одних могильниках, но существуют в последующее время в других. III хронологический горизонт дает большое многообразие форм, характерных для этого периода (XI-15, 19, 24—26, 76).

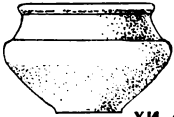

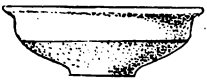
ХРОНОИНДИКАТОРЫ	МОГ. КОСАНОВО	МОГ. ДАНЧЕНЫ	МОГ. РУЖИЧАНКА
XI-90	—	—	220 — 280
XI-86	—	—	220 — 280
XI-89	—	—	220 — 280
XI-88	—	—	220 — 280
XI-40	280 — 310/320	220 — 350	220 — 280
XI-6	350 — 375	350 — 375	310/320 — 340
XI-72.49	350 — 375	280 — 310/320	310 — 330
XI-34	—	280 — 350	220 — 280
XI-16	350 — 375	310/320 — 350	280 — 310

Табл. XIIIa. Хронология типов керамики могильников Данчены, Ружичанка, Косаново.

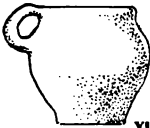

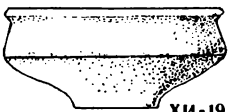
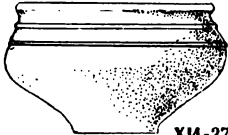

ХИ-50	280 — 310 / 320 350 — 375	220 — 310 / 320	280 — 310
ХИ-33	—	280 — 350	280 — 310
ХИ-31	—	280 — 350	220 — 280
ХИ-19	—	310/320 — 350	310 — 330
ХИ-27	310/320 — 375	310/320 — 350	310 — 340
ХИ-15	310/320 — 350	310/320 — 350	—
ХИ-24	—	310/320 — 350	—
ХИ-25	—	310/320 — 350	—

Табл. XIIIб.

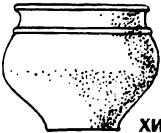

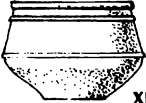

ХИ-26	310/320 — 350	310/320 — 350	—
ХИ-18	350 — 375	310/320 — 350	—
ХИ-5	—	350 — 375	—
ХИ-3	—	350 — 375	—
ХИ-10	—	310/320 — 375	—
ХИ-8	310/320 — 375	310/320 — 375	—
ХИ-79	310/320 — 350	—	280 — 310
ХИ-76	—	—	320 — 340

Табл. XIIIв.

IV горизонт также выражен в керамическом наборе достаточно представительно (ХИ-3, 5, 6, 64, 68). Следует отметить, что существует целый ряд типов, которые характеризуют только поздний отрезок существования могильников (III и IV горизонты) — ХИ-8, 10, 18, 27.

Помимо этой керамики, в большом ассортименте выступают те типы посуды, которые, хотя и относятся к определенной фазе конкретного могильника, т. е. являются для него ХИ II уровня, но в целом бытуют в продолжении всего времени существования могильников и поэтому не могут служить ХИ I уровня для ЧК. Эти последние формы и создают внешнюю однородность керамического материала на территории всей культуры. Нам кажется, что проверка наших выводов с помощью анализа других могильников ЧК поможет решить вопрос, является ли предлагаемая хронология керамики верной для всей территории культуры или применима только к ее отдельным регионам.

8. Заключение

Исходя из анализа типов вещей, участвующих в корреляции, следует считать очень вероятным, что в формировании облика черняховской культуры, помимо различных компонентов (историографию см. [В. Д. Баран и др. 1990]), принимали участие также жители Скандинавии (прежде всего Дании) и западноевропейских регионов, причем эти связи не прерывались до самого конца существования ЧК. То, что многие типы вещей практически синхронно выступают в могильнике Косаново и могильниках Дании, говорит, по нашему мнению, об очень прочных и стабильных связях между этими регионами. И. Вернер уже отмечал эту диагональ, касаясь путей распространения фибул типа Монстроузо, железных гребней и бронзовых лунниц в ЧК, причем очень существенную роль, по его мнению, занимал на этом пути о. Фюнен [J. Werner 1988]. Работы Е. Штрауме [E. Straume 1987] и У. Лунд-Хансен [U. Lund-Hansen 1987] также показывают, что основной регион концентрации ведущего типа стеклянной посуды, характерной для ЧК (Эггерс-230), находился в Дании и Норвегии.

Вряд ли все перечисленные моменты можно объяснить только торговыми отношениями. Анализ материала могильника Данчены показывает и иное направление связей: это прежде всего Средняя и Западная Германия. На возникновение и существование «моста связей» между Балтикой и ЧК указывали М. Б. Шукин и Т. А. Щербакова [1986, с. 210—211]. Об этом могут говорить золотая подвеска-ведерко и золотые лунницы, украшенные зернью (ХИ-46), серебряные подвески-ведерки и «топорик Тора» круга Лёйна-Хаслебен (ХИ-45), треугольный гребень (ХИ-32), железная пряжка (ХИ-4) и Bugelknopffibel (ХИ-1, 42).

Мы не считаем, что облик населения, оставившего Данченский

могильник, характеризуют только эти черты. Здесь можно видеть также связи со Скандинавией (ХИ-17, 48), вельбаркской культурой (ХИ-50), Подунавьем (ХИ-39, 54, 55) и другими регионами, но центрально- и западноевропейский импульс во многом определил характер этого памятника.

Выводы, которые мы сделали, исходя из материала Ружичанки, достаточно стереотипны — это связи с южными (Крым, Подунавье — ХИ-90, 91, 93, 94, 81) и северными регионами, прежде всего с вельбаркской культурой (ХИ-80, 83), хотя полностью исключить контакты населения Волыни с западноевропейским миром и Скандинавией нельзя (ХИ-42, 73, 79, 82Б, 84, 92).

Привлечение материала других черняховских могильников даст в будущем возможность более полно выявить все компоненты, участвовавшие в формировании черняховской культуры и более полно учесть этнические и хронологические различия для каждого ее региона.

ЛИТЕРАТУРА

Айбабин А. И. Проблемы хронологии могильников Крыма позднеримского периода//СА. 1984. № 1.

Амброз А. К. Фибулы юга Европейской части СССР//САИ. 1966. Вып. Д1—30.

Артамонов М. И. Славяне и Русь//Научная сессия 1955—1956 гг. в ЛГУ: Тез. докл. Л., 1956.

Баран В. Д. Черняховская культура в междуречье Верхнего Днестра и Западного Буга в свете новейших исследований//КСИА. 1970. № 121.

Баран В. Д., Гороховский Е. Л., Магомедов Б. В. Черняховская культура и готская проблема//Славяне и Русь (в зарубежной историографии). Киев, 1990.

Веймарн Е. В. Археологічні роботи в районі Інкермана. Інкерманський могильник//АП УРСР. 1963, т. XIII.

Винокур И. С. Ружичанский могильник//Могильники. черняховской культуры. М., 1979.

Гей О. А. О времени возникновения черняховской культуры в Северном Причерноморье//СА. 1986. № 1.

Гороховский Е. Л. Хронология пряжек черняховской культуры//Тез. докл. симпозиума «Позднейшие судьбы черняховской культуры». Каменец-Подольский, 1981.

Гороховский Е. Л. Хронология могильников черняховской культуры//Тез. докл. сов. делегации на V Международном конгрессе славянской археологии. М., 1985.

Гороховский Е. Л. Хронология черняховских могильников лесостепной Украины//Труды V Международного конгресса археологов-славистов. Киев, 1988. Т. 4.

Каспарова К. В. О верхней хронологической границе зарубинецкой культуры Полесья//СА. 1976. № 3.

Ковалев С. И. История Рима. Л., 1986.

Кравченко Н. М. Косановский могильник (по материалам раскопок В. П. Петрова и Н. М. Кравченко в 1961—1964 гг.)//МИА. 1967. № 139.

Кропоткин В. В. Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н. э. — V в. н. э.)//САИ. 1970а. Вып. Д1—27.

Кропоткин В. В. Хронология черняховской культуры и римско-византийские импортные вещи в Восточной Европе//КСИА. 1970б. № 121.

Кухаренко Ю. В. Могильник Брест-Тришин (К вопросу о так называемой готско-гепидской культуре на Полесье и Волини)//Тез. докл. на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований 1962 г. М., 1963.

Кухаренко Ю. В. Волинская группа полей погребений и проблема так называемой готско-гепидской культуры (тезисы доклада)//КСИА. 1970. № 121.

Лобода И. И. Раскопки могильника Озерное-3 в 1963—1965 гг.//СА. 1977. № 4.

Магомедов Б. В. Черняховская культура Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1987.

Рафалович И. А. Данчены. Могильник черняховской культуры III—IV вв. н. э. Кишинев, 1986.

Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М., 1948.

Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. М., 1987.

Сорокина Н. П. Стеклянные сосуды из могильника Харакса//Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973.

Сорокина Н. П., Гущина Г. И. Стеклянные изделия из могильников первых веков н. э. юго-западного Крыма//История и культура Евразии по археологическим данным. М., 1980.

Сымонович Э. А. Погребения V—VI вв. н. э. у с. Данилова Балка//КСИИМК. 1952. Вып. XLVIII.

Сымонович Э. А. Культура полей погребений и готская проблема в первой половине I тысячелетия н. э.//Скандинавский сборник. 1970. Вып. XV.

Сымонович Э. А. Древности Скандинавии и Прибалтики на территории культуры полей погребений//КСИА. 1973. Вып. 133.

Сымонович Э. А. Про кераміку черняхівського типу в Криму//Археологія. 1975. № 18.

Тиханова М. А. Еще раз к происхождению черняховской культуры//КСИА. 1970. № 121.

Тиханова М. А. К вопросу о достоверности датировки закрытых комплексов с римскими монетами//КСИА. 1979. № 159.

Хвойка В. В. Поля погребений в Среднем Поднепровье (раскопки В. В. Хвойки в 1899—1900 гг.)//ЗРАО. Т. XII. 1901. Вып. 1—2.

Хвойка В. В. Древние обитатели Среднего Поднепровья и их культура в доисторические времена. Киев, 1913.

Шукин М. Б. О трех датировках черняховской культуры//КСИА. 1967. № 112.

Шукин М. Б. Вопросы хронологии черняховской культуры и находки амфор//СА. 1968. № 2.

Шукин М. Б. К вопросу о хронологии черняховских памятников Среднего Поднепровья//КСИА. 1970. № 121.

Шукин М. Б. Сарматские памятники Среднего Поднепровья и их соотношение с зарубинецкой культурой//АСГЭ. 1972. Вып. 12.

Шукин М. Б. Черняховская культура и явление кельтского Ренессанса (к постановке проблемы)//КСИА. 1973. № 133.

Шукин М. Б. Современное состояние готской проблемы и черняховская культура//АСГЭ. 1977. № 18.

Шукин М. Б. О датировках узких и датировках широких//Проблемы археологии. 1978. Вып. 2.

Шукин М. Б. К предыстории черняховской культуры (13 секвенций)//АСГЭ. 1979. Вып. 20.

Шукин М. Б., Щербакова Т. А. К хронологии могильника Данчены//Рафалович И. А. Данчены. Могильник черняховской культуры III—IV вв. н. э. Кишинев, 1986.

Этнокультурная карта территории Украинской ССР. Киев. 1985.

Almgren O. Studien über nordeuropäischen Fibelformen der ersten nachchristlichen Jahrhunderte mit Berücksichtigung der provinzialrömischen und südrussischen Formen. Leipzig, 1923.

Bierbrauer V. Zur chronologischen, sociologischen und regionalen Gliederung des ostgermanischen Fundstoffs des 5. Jahrhundert in Südosteuropa//Die

Völker in der mittleren und unteren Donau im fünften und sechsten Jahrhundert. Wien, 1980.

Błościan C. Necropole din secolul al IV-le a e. n. de la Letcani (jud. Iași)//Archeologia Moldovei. 1975. n. 8.

Dąbrowska T. Kultura zarubinińska a czerniachowska//MPZP. 1970. Cz. 5.

Diaconu Ch. Das Gräberfeld von Mogoșani (Kreis Dîmbovița)//Dacia. 1969. T. XIII.

Eggers H. J. Der römische Import im freien Germanien. Hamburg, 1951.

Eggers H. J. Zur absoluten Chronologie der römischen Kaiserzeit im freien Germanien//Jahrbuch des Römisch-germanischen Zentralmuseums Mainz. 1955. Jg. 2.

Genrich A. Formenkreise und Stammesgruppen in Schleswig-Holstein nach geschlossenen Funden des 3. bis 6. Jahrhundert. Münster, 1954.

Godłowski K. The Chronology of the Late Roman and Early Migration Periods in Central Europe. Kraków, 1970.

Godłowski K. Chronologia okresu późnorzymskiego i wczesnego okresu wędrówek ludów w Polsce północno-wschodniej//RB. 1974. T. 12.

Godłowski K. Problemy chronologii okresu rzymskiego//Scripta archaeologica. 1988.

Ionița I. Chronologie der Sîntana—Mureș—Černjachow kultur//Archeologia Baltica. 1986. T. VII. Peregrinatio Gotica.

Kazanski M., Legoux R. Contribution à l'étude des témoignages archéologiques des Goths en Europe orientale à l'époque des Grandes Migrations: la chronologie de la culture de Černjachow récente//Archéologie Médiévale. 1988. T. XVIII.

Keller E. Die spätrömischen Grabfunde in Südbayern. München, 1971.

Keller E. Zur Chronologie der jungerkaiserzeitlichen Grabfunde aus Südwestdeutschland und Nordbayern//Münchener Beiträge zur Vor- und Frühgeschichte. 1974. Bd. 1. Hf. 1.

Lund-Hansen U. Das Gräberfeld bei Harpelev, Seeland. Studien zur jüngeren römischen Kaiserzeit in der seeländischen Inselgruppe//Acta Archaeologica. 1976. T. 47.

Lund-Hansen U. Römische Import im Norden//Nordische Fortminder. Serie B. 1987. Bd. 10.

Madyda-Legytka R. The buckles with imprint ornamentation//Wiadomości archeologiczne. 1978. T. 43. Z. 1.

Meyer E. Die Bugelknopffibeln//Arbeits- und Forschungsberichte zur sächsischen Bodendenkmalpflege. 1960. Bd. 8.

Palade V. Necropole din IV-e et commencement du V-e s. de n. e. a Bîrlad — Valea Seacă//Inventaria archaeologica. 1986. Fasc. 12.

Raddatz K. Der Thorsberger Moorfund. Gurtelteile und Körperschmuck//Offa-Bücher. 1957. Bd. 13.

Rau G. Körpergräber mit Glasbeigaben des 4. nachchristlichen Jahrhunderts im Oder-Weichsel-Raum//Acta Prehistorica et Archaeologica. 1972. Bd. 3.

Reinecke P. Aus der russischen archäologischen Literatur: Gräberfelder von Ende der Le Tène Zeit und aus der jüngeren römischen Kaiserzeit im Goiv. Kiew//Mainzer Zeitschrift. 1906. Bd. 1.

Salamon A., Barkóczy L. Archäologische Angaben zur spätrömischen Periodisation Pannoniens (376—476)//Mitteilungen des Archäologischen Instituts der Ungarischen Akademie der Wissenschaften. 1980. Bd. 8/9.

Schach-Döriges H. Die Bodenfunde des 3. bis 6. Jahrhundert nach Chr. zwischen unteren Elbe und Oder//Offa-Bücher. 1970. Bd. 23.

Schallmayer E. Zur Chronologie in der römischen Archäologie//Archäologische Korrespondenzblatt. 1987. Jg. 17. Hf. 4.

Schmidt L. Geschichte der deutschen Stämme bis zum Ausgange der Völkerwanderung. 1904. Hf. 7.

Schmidt L. Allgemeine Geschichte der Germanischen Völker bis zur mitte der sechsten Jahrhunderts. Abteilung II. Politische Geschichte. München, 1909.

Šćukin M. B. Das Problem der Černjachow-Kultur in der sowjetischen archäologischen Literatur//Zeitschrift für Archäologie. 1975. Bd. 9.

- Schulz W.* Das Füstengrab und das Grabfeld von Hasleben//Römisch-germanischen Forschungen. 1933.
- Schulz W.* Leuna. Ein germanischer Bestattungsort der spätrömischen Kaiserzeit. Berlin, 1953.
- Schulze M.* Die Spätkaiserzeitlichen Armbrustfibeln mit festen Nadelhaltern//Antiquitas. 1977. Bd. 19.
- Straume E.* Gläser mit Facettenschliff aus skandinavischen Gräbern des 4. und 5. Jahrhunderts nach Chr.//Universitetsforlaget. 1987. Serie B. Skrifter LXXIII.
- Szczukin M. B.* Zabytki wielbarskie a kultura czarniachowska//Problemy kultury wielbarskiej. Słupsk, 1981.
- Teirál J.* Fremde Einflüsse und kulturelle Veränderungen nördlich der mittleren Donau zu Beginn Völkerwanderungszeit//Archeologia Baltica. 1986. T. 7. Peregrinatio Gotica.
- Teirál J.* Zur Chronologie und Deutung der südöstlichen Kulturelemente in der frühen Völkerwanderungszeit Mitteleuropas//Anzeiger des germanischen Nationalmuseums. 1987.
- Thomas S.* Studien zu den germanischen Kämmen zur römischen Kaiserzeit//Arbeits- und Forschungsberichte zur Sächsischen Bodendenkmalpflege. 1960. Bd. 8.
- Weidemann K.* Untersuchungen zur Siedlungsgeschichte des Landes zwischen Limes und Rhein von Ende der Römerherrschaft bis zum frühen Mittelalter//Jahrbuch des Römisch-germanischen Zentralmuseums Mainz. 1972. Jg. 19.
- Werner J.* Dančeny und Brangstrup. Untersuchungen zur Černjachow-Kultur zwischen Sereth und Dnestr, und zu den «Reichtumszentren» auf Fünen//Bönnner Jahrbücher. 1988. Bd. 188.
- Werner J.* Zu den römischen Manfelfibeln zweier Kriegergräber von Leuna//Jahresschrift von mitteldeutschen Vorgeschichte. 1989. Hf. 72.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АИИТ — Архив истории науки и техники. Л.
АО — Археологические открытия
АП УРСР — Археологічні пам'ятки УРСР
АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа
ВАУ — Вопросы археологии Урала
ИГАИМК — Известия Гос. Академии истории материальной культуры
ИИМК — Институт истории материальной культуры АН СССР
КСИА — Краткие сообщения института археологии АН СССР
КСИА (АН УССР) — Краткие сообщения Института археологии АН УССР
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. М.
КТД — Краткие тезисы докладов
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
НК — Научная конференция
ОИФ — Отделение истории и философии АН СССР
ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ. Л.
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
СГАИМК — Сообщения Гос. Академии истории материальной культуры. Л.
ТД — Тезисы докладов
ТД Сканд. — Тезисы докладов Всесоюзной конференции по изучению скандинавских стран и Финляндии
AAC — *Acta archaeologica Carpatica*
BAR — *British Archaeological Reports*
BRGK — *Bericht der Römisch-Germanischen Kommission*
MPZP — *Materiały do prehistorii ziem Polskich*
PA — *Pamiętki archeologiczne*
PZP — *Prahistoria ziem Polskich. T. V. Późny okres lateński i okres rzymski*
RB — *Rocznik Białostocki*
SCIVA — *Studii și cercetări de istorie veche și arheologia*
SPB — *Stan i potrzeby badań nad młodszyim okresem przedrzymskim i okresem wplywów rzymskich. Kraków.*

ОГЛАВЛЕНИЕ

К нашим читателям и подписчикам	3
Мария Александровна Тиханова и Первые Тихановские чтения (М. Б. Щукин, О. А. Щеглова)	7
Список работ М. А. Тихановой (Л. М. Всевиов)	10
И. А. Бажан, В. Е. Еременко. Некоторые аспекты исследования хро- нологии могильников по методу П. Рейнеке	14
Е. С. Нефедова. К вопросу о браслетах «латенского стиля»	21
Г. Г. Абезгауз, В. Е. Еременко, В. Г. Журавлев, С. Ю. Каргопольцев. К вопросу о ранней дате могильников зарубинецкой культуры	34
В. Е. Еременко, В. Г. Журавлев. Хронология могильника Чаплин верхнеднепровского варианта зарубинецкой культуры	55
В. Е. Еременко, М. Б. Щукин. Кимвры, тевтоны, кельтоскифы и неко- торые вопросы хронологии рубежа среднего и позднего латена	80
И. А. Бажан, О. А. Гей. К вопросу о датировке «прикамских» ажурных шлемов	115
И. А. Бажан, О. А. Гей. Относительная хронология могильников черняховской культуры	122
О. В. Шаров. Хронология могильников Ружичанка, Косаново, Данчены и проблема датировки черняховской керамики	158
Список сокращений	208

ПРОБЛЕМЫ ХРОНОЛОГИИ ЛАТЕНА И РИМСКОГО ВРЕМЕНИ

**По материалам Первых Тихановских чтений
(Ленинград, 1988)**

Сборник научных трудов

Редактор: *В. Е. Еременко*

Обложка художника: *С. В. Алексеева*

Технический редактор: *А. А. Иванова*

Корректоры: *В. Е. Еременко, М. Б. Щукин, О. В. Шаров*

ИБ №

Сдано в набор 18.12.91. Подписано в печать 27.02.92. Формат 60×90¹/₁₆.

Бумага офсетная. Гарнитура Литературная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 13,12. Усл. кр.-отт. 13,94. Уч.-изд. л. 14,4. Тираж 2500 экз.

Заказ № 1005. Цена договорная.

ПРОБЛЕМЫ ХРОНОЛОГИИ
ЭПОХИ ЛАТЕНА
И
РИМСКОГО ВРЕМЕНИ
